

MACROSOCIOLINGUISTICS AND MINORITY LANGUAGES

2023 Том 1 № 1

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1

Сетевой научный журнал

Издается с 2023 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: Эл № ФС 77-82546 от 30.12.2021

Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Москвичева Светлана Алексеевна,

кандидат филологических наук,
доцент, директор Института
современных языков,
межкультурной коммуникации и
миграций (ИСЯМКиМ), РУДН,
Москва, Россия

E-mail: moskvicheva-sa@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ален Вио,

доктор лингвистики,
директор исследований эмирита
Национального центра
научных исследований (CNRS),
Бордо, Франция

E-mail: alain.viaut@msha.fr

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Борисова Анна Степановна,

кандидат филологических наук,
доцент, РУДН,
Москва, Россия

E-mail: borisova-as@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Агранат Татьяна Борисовна, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Александрова Оксана Ивановна, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия

Додыхудоева Лейли Рахимовна, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Замалетдинов Радиф Рифкатович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Илюха Ольга Павловна, Институт литературы, языка и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

Марцинковская Татьяна Давидовна, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Солнышкина Марина Ивановна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Эбзеева Юлия Николаевна, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия

MACROSOCIOLINGUISTICS AND MINORITY LANGUAGES

ISSN 2949-5997 (Online)

Периодичность: 2 выпуска в год.

Языки: аварский, адыгейский, алтайский, английский, башкирский, бурятский, вепсский, даргинский, ингушский, испанский, итальянский, кабардино-черкесский, калмыцкий, карачаево-балкарский, карельский, коми, крымскотатарский, кумыкский, лакский, лезгинский, марийский, мордовский, ненецкий, немецкий, осетинский, русский, татарский, тувинский, удмуртский, французский, хакаский, чеченский, чувашский, якутский.

Цели и тематика

Журнал Macrosociolinguistics and Minority Languages — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социолингвистики и междисциплинарных исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Актуальность и тематика

Узкоспециализированная тематика, связанная с дисциплинарным полем макросоциолингвистики, а также языкового права, психолингвистики, и предметной областью, включающей проблематику языковых контактов, языковых ситуаций, социолингвистической динамики, языковой политики и языкового планирования, социальных представлений о языке.

Цели и задачи журнала

- ♦ Развитие научного сотрудничества между российскими и зарубежными социолингвистами, а также специалистами смежных областей.
- ♦ Знакомство с новейшими российскими и международными исследованиями в области макросоциолингвистики.
- ♦ Публикация результатов оригинальных теоретических, прикладных и дескриптивных исследований в русле научной тематики журнала.
- ♦ Просветительство и распространение научного знания о различных языковых ситуациях для широкого круга читателей.

Специфика журнала

- ♦ Регулярные тематические выпуски с приглашенными российскими и зарубежными соредакторами.
- ♦ Постоянная рубрика, посвященная обзору научных работ «Макросоциолингвистика в России и мире».
- ♦ Постоянная просветительская рубрика «Просто о сложном», ориентированная на широкую читательскую аудиторию.
- ♦ Дискуссионная платформа для обсуждения вопросов, связанных с сохранением языков, языковой политикой и языковым планированием.
- ♦ Постоянная рубрика «Слово молодым».

Кроме научных статей редколлегия принимает к рассмотрению научные обзоры, а также публикует рецензии на монографии, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Группа научных специальностей: 5.9. — Филология; 5.3. — Психология. Специальности научных работников: 5.9.8. — Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, 5.9.5. — Русский язык. Языки народов России, 5.9.6. — Языки народов зарубежных стран, 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <https://macrosociolinguistics.ru/MML/>

Электронный адрес: mmjlrl@rudn.ru

Литературный редактор *Е.В. Попова*
Компьютерная верстка *Е.В. Попова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: mmjlrl@rudn.ru

Подписано в печать 12.06.2023. Выход в свет 24.06.2023. Формат 70×100/16.

MACROSOCIOLINGUISTICS AND MINORITY LANGUAGES

2023 Volume 1 No.1

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1

Published since 2023

by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Dr. Svetlana A. Moskvitcheva

Institute of Modern Languages,
Intercul-tural Communication
and Migration (IM-LICaM),
RUDN University
Moscow, Russia

E-mail: moskvicheva-sa@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Dr. Alain Viaut

French National Centre
for Scientific Research (CNRS),
Bordeaux, France

E-mail: alain.viaut@msha.fr

EXECUTIVE BOARD SECRETARY

Dr. Anna S. Borisova

RUDN University,
Moscow, Russia

E-mail: borisova-as@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Tatyana B. Agranat, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Oksana I. Aleksandrova, RUDN University, Moscow, Russia

Leyli R. Dodykhudoeva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Radif R. Zamaletdinov, Kazan Federal University, Russia

Olga P. Ilyukha, Institute of Literature, Language and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Tatyana D. Martsinkovskaya, L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Marina I. Solnyshkina, Kazan Federal University, Russia

Yuliya N. Ebzeeva, RUDN University, Moscow, Russia

MACROSOCIOLINGUISTICS AND MINORITY LANGUAGES

ISSN 2949-5997 (Online)

Frequency: 2 issues per year

Languages: Avar, Adyghe, Altaic, English, Bashkir, Buryat, Veps, Dargin, Ingush, Spanish, Italian, Kabardino-Circassian, Kalmyk, Karachay-Balkarian, Karelian, Komi, Crimean Tatar, Kumyk, Lak, Lezgin, Mari, Mordovian, Nenets, German, Ossetian, Russian, Tatar, Tuvan, Udmurt, French, Khakass, Chechen, Chuvash, Yakut

Aims and Scope

Macrosociolinguistics and Minority Languages is an interdisciplinary peer-reviewed journal of international scope dealing with issues in sociolinguistics and related disciplines. The journal is international due to its editorial board, contributing authors and thematic focus of publications.

Focus Areas

The journal covers highly specialized research topics related to the disciplinary field of macrosociolinguistics, including linguistic law, psycholinguistics, issues of language contacts, language situations, sociolinguistic dynamics, language policy and language planning, social representations of language.

Aims and Scope

◆ To promote expert and academic dialogue between Russian and international sociolinguists and specialists in other related areas of study.

- ◆ To disseminate the latest research in the field of macrosociolinguistics developed both in Russia and abroad.
- ◆ To publish results of original theoretical, applied and descriptive research within the journal focus areas.
- ◆ To advance knowledge of various language situations and educate a wide range of readers.

Distinctive Features of the Journal

- ◆ Regular guest-edited thematic issues.
- ◆ Regular section '*Macrosociolinguistics in Russia and abroad*' dedicated to a survey of major works marking important theoretical and practical advances.
- ◆ Regular section '*Let's Talk Science*' intended for a general audience of readers.
- ◆ Regular '*Notes and Discussion*' section where views on important issues related to language preservation, language policy and language planning are exchanged.
- ◆ regular section '*Call for Young Researches*'.

In addition to research articles, the journal publishes editorials, book reviews, conference reports and research project announcements. The journal also considers responses and comments on manuscripts published in previous issues.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <https://macrosociolinguistics.ru/MML/>

E-mail: mmjlrl@rudn.ru

Editor: E.V. Popova
Computer design: E.V. Popova

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
10/2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: mmjlrl@rudn.ru

© RUDN University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Москвичева С.А. Новый журнал РУДН — Macrosociolinguistics and Minority Languages	7
---	---

СЛОВО МОЛОДЫМ

Алюнина Ю.М. Проекты «Википедии» как практики ревитализации и поддержки языков народов России	14
Васюков О.Д. Языковой сдвиг и практики ревитализации в современной Кашубии	43
Сюэ Л. Принцип «субъектности и разнообразия» в языковой политике и языковом планировании Китайской Народной Республики в первые десятилетия XXI века	76
Пак А.В., Демченко А.С. Модернизация терминосистемы в области высшего образования в Казахстане как пример корпусного планирования	101
Тимофеева Э.О. Некоторые лингвистические особенности английского языка аборигенов Австралии (микрорпусное исследование)	118

CONTENTS

EDITORIAL

Mosckvitcheva S.A. New RUDN Journal — Macrosociolinguistics and Minority Languages	7
---	---

CALL FOR YOUNG RESEARCHES

Alyuinina Y.M. Wikipedia Projects as a Practice of Revitalization and Support of the Languages of the Peoples of Russia	14
Vasiukov O.D. The Language Shift and Revitalization Practices in Contemporary Kashubia	43
Syue L. The Principle of “Subjectivity and Diversity” in Language Policy and Language Planning in the People’s Republic of China in the First Decades of the 21 st Century	76
Pak A.V., Demchenko A.S. Modernization of terminological system in the field of higher education in Kazakhstan as an example of corpus planning	101
Timofeeva E.O. Some Linguistic Features of Australian Aboriginal English (Microcorpus Study) ..	118

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-7-13

EDN: RUZTAY

Редакционная статья

Новый журнал РУДН — Macrosociolinguistics and Minority Languages

Светлана Алексеевна МОСКВИЧЕВА

Институт современных языков, межкультурной коммуникации и миграций
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Россия

✉ mosckvicheva-sa@rudn.ru

Аннотация. В редакционной статье представлена специфика научного междисциплинарного журнала *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, который является площадкой для публикации работ в области социолингвистики, языкового права, психолингвистики по проблематике языковых контактов, миноритарных языков и языков в миноритарных ситуациях. Сегодня одной из приоритетных задач является вовлечение молодых специалистов, аспирантов, студентов в науку. Мы также считаем преемственность в науке одной из своих приоритетных задач. Поэтому в состав авторов первого номера журнала вошли российские и зарубежные молодые ученые, которые принимали активное участие в научно-исследовательской работе Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции РУДН имени Патриса Лумумбы.

Ключевые слова: социолингвистика, макросоциолингвистика, миноритарные языки, молодые ученые

© Москвичева С.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Москвичева С.А. Новый журнал РУДН — Macrosociolinguistics and Minority Languages // Macrosociolinguistics and Minority Languages. 2023. Т. 1. No 1. С. 7–13. doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-7-13 EDN: RUZTAY

В каждом языке звучит мир

Уважаемые читатели!

Мы рады предложить вашему вниманию первый номер сетевого рецензируемого научного издания в области социолингвистики Macrosociolinguistics and Minority Languages. Наш журнал издается на базе Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции Филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Потребность в издании, которое бы объединило различные теоретические и методологические подходы в области исследования миноритарных языков, назрела давно. Какую цель мы преследуем? Необходима платформа для публикации мультидисциплинарных исследований миноритарных языков методами различных областей научного знания: макросоциолингвистики, права, этнологии, истории, философии, психологии и диалектологии. Журнал выполняет важную социальную миссию — сохранение и поддержка миноритарных языков. В этой связи на страницах издания будут публиковаться статьи-билингвы на русском/английском и миноритарном языках.

Страницы нашего журнала открыты для авторов, разрабатывающих проблемы социолингвистической категоризации языков, динамики миноритарных языков и языков в миноритарной ситуации, языковой политики и языкового планирования. Мы публикуем статьи, посвященные описанию как отдельных конкретных языковых ситуаций миноритарного типа, так и статьи, в которых разрабатываются и уточняются различные теоретические конструкции и инструменты исследования миноритарных ситуаций.

На базе Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции с 2019 года реализуется целый ряд научных проектов, направленных на исследование динамики миноритарных языков и языков в миноритарной ситуации: «Функциональная динамика и репрезентация языков и культур внутренней и внешней миграции в урбанизированной среде (№ 056102-1-274, 2019 год), «Функциональное распределение и типология потребности в языке среди мигрантов в городской среде» (№056112-

0-000, 2020 год), «Языковые контакты в мегаполисе: лингвистический комфорт мигрантов — принимающего сообщества» (№056115-2-000, 2021 год) «Динамика социолингвистической конвергенции и дивергенции языков в миноритарной ситуации (№ 056118-0-000, 2022 год). Одной из задач нашего института является привлечение молодых специалистов, аспирантов, студентов магистратуры и бакалавриата по лингвистики и филологии к работе над научными проектами, поскольку создание преемственности в науке мы считаем одной из своих приоритетных задач.

Мы решили, что первый номер нашего журнала должен быть особенным. Это площадка для студентов, аспирантов и молодых ученых, наших коллег, для тех, с кем мы вместе работали над нашими проектами, и для тех, кто представил свои научные результаты на постоянном научном семинаре нашего института «Динамика языков в миноритарной ситуации». Мы даем слово тем, кто делает в науке только первые шаги, и тем, кто уже достиг определённых результатов.

Публикуемые статьи разнообразны по тематике и географии исследований. Ли Сюэ, аспирант филологического факультета РУДН представила статью о принципах и векторах динамике языковой политики и языкового планирования в КНР в первые десятилетия XXI века. Статья Олександра Васюкова, аспиранта факультета антропологии Европейского университета Санкт-Петербурга, основана на полевых исследованиях автора и посвящена анализу современной языковой ситуации в Кашубии, этнокультурном регионе на севере Польши. В исследование Ангелины Пак, выпускницы магистратуры с присуждением двойного диплома филологического факультета РУДН и филологического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан), выполненном под руководством А.С. Демченко, анализируются вопросы корпусного планирования, связанные с модернизацией терминологической системы в сфере высшего образования Казахстана, что стало следствием вхождения Республики Казахстан в Болонскую систему. Наконец, работа Юлии Алюниной, кандидата филологических наук и PhD Университета Лиона, исследует проекты «Википедии», которые рассматриваются с точки зрения их потенциала для ревитализации и поддержки языков народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Мы искренне надеемся, что проблематика, затронутая в первом номере нашего журнала, будет вам интересна.

Сведения об авторе:

Светлана Алексеевна МОСКВИЧЁВА — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания и кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов РУДН им. Патриса Лумумбы, директор Научно-образовательного Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции филологического факультета РУДН. Область научных интересов: социолингвистика, когнитивная лингвистика, миноритарные языки и языки в миноритарной ситуации, языковые идеологии, символическое измерение языковой ситуации, репрезентации языка, языковые лояльности, потребность в языке. Автор более 100 публикаций, в том числе редактор 3 коллективных монографий, глав в коллективных монографиях, статей, научных докладов. Редактор журнала *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, а также член редакционной коллегии серии Diglossi@ (Пресса Университета Бордо и Дом наук о человеке Бордо).

ORCID: 0000-0002-8047-7030

E-mail: moskvitcheva@mail.ru

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-7-13

EDN: RUZTAY

Editorial Article

New RUDN Journal — Macrosociolinguistics and Minority Languages

Svetlana A. Mosckvitcheva

Institute of Foreign Languages, Intercultural Communication and Migration
RUDN University
Moscow, Russia

✉ mosckvitcheva-sa@rudn.ru

Abstract. The editorial article describes the focus area of an interdisciplinary peer-reviewed journal *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. The journal covers highly specialized research topics in the field of sociolinguistics, language law, psycholinguistics, issues of language contacts, minority languages and languages in minority situations. Today, one of the priority tasks is to encourage young specialists, PhD students, and undergraduates to share their research results on acute academic issues. We also consider that particular attention should be paid to the continuity of generations in the academic environment. Therefore, the authors of the first issue of the journal are Russian and foreign young researchers, who took an active part in research activity of the Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration (RUDN University).

Key words: sociolinguistics, macrosociolinguistics, minority languages, young researchers

For citation:

Mosckvitcheva, Svetlana. 2023. New RUDN Journal — *Macrosociolinguistics and Minority Language*. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 1 (1). 7–13. (In Russian). doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-7-13 EDN: RUZTAY

© Mosckvitcheva S.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The World sounds in each language

Dear Readers!

We are happy to present the first issue of the interdisciplinary peer-reviewed journal of international scope dealing with issues in sociolinguistics and related disciplines — Macrosociolinguistics and Minority Languages (MML). The journal is published by Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Faculty of Philology, RUDN University. The need for a new platform that would unite various theoretical and methodological approaches in the field of research on minority languages is long overdue. The aim of the MML is to cover multidisciplinary studies of minority languages using methods from various fields of scientific knowledge: macrosociolinguistics, law, ethnology, history, philosophy, psychology and dialectology. The journal is distinguished by an important social mission — preservation and support of minority languages. In this regard, bilingual articles in Russian / English and minority languages will be published on its pages.

We are open to contributors studying the issues of sociolinguistic categorization of languages, the dynamics of minority languages and languages in a minority situation, language policy and language planning. We publish articles devoted to the description of both individual specific linguistic situations of a minority type, and articles to which various theoretical constructs and tools for studying minority situations are developed and refined.

Since 2019, on the basis of the Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, a number of scientific projects have been implemented aimed at studying the dynamics of minority languages and languages in a minority situation: "Functional dynamics and representation of languages and cultures of internal and external migration in an urbanized environment (No. 056102-1-274, 2019), "Functional distribution and typology of language needs among migrants in an urban environment" (No. 056112-0-000, 2020), "Language contacts in the metropolis: the linguistic comfort of migrants - the host community" (No. 056115-2-000, 2021) "Dynamics of sociolinguistic convergence and divergence of languages in a minority situation (No. 056118-0-000, 2022). One of the objectives of our institute is to attract young professionals, postgraduates, master's and bachelor's students in linguistics and philology to work on scientific projects, as we consider the creation of continuity in science to be one of our priority tasks.

We decided that the first issue of MML should be special. This is a platform for students, graduate students and young scientists, our colleagues, for those with

whom we worked together on our projects, and for those who presented their scientific results at the permanent scientific seminar of our institute "Dynamics of Languages in a Minority Situation". We give the floor to those who are only making their first steps in science, and to those who have already achieved certain results.

The articles of our first issue are diverse in terms of topics and geography of research. Li Syue, PhD student of the Faculty of Philology at RUDN University, presented a paper on the principles and vectors of the dynamics of language policy and language planning in the People's Republic of China in the first decades of the 21st century. The article by Oleksandr D. Vasiukov, PhD student at the Department of Anthropology at the European University of St. Petersburg is devoted to the analysis of the modern language situation in Kashubia, an ethno-cultural region in northern Poland. The research of Angelina Pak, Master's student with a double degree at RUDN University and Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan) under the supervision of Alena. S. Demchenko, analyzes the issues of corpus planning related to the modernization of the terminological system in the field of higher education in Kazakhstan, which was the result of the entry of the Republic of Kazakhstan into the Bologna system. Finally, the work of Yulia Alyunina, PhD in Philology at the University of Lyon, explores Wikipedia projects, which are considered in terms of their potential to revitalize and support the languages of the peoples living on the territory of the Russian Federation.

We sincerely hope that the research questions covered in the first issue of our journal might be of interest to you.

Bionote:

Svetlana A. MOSKVITCHEVA, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, Director, Research and Academic Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Faculty of Philology, RUDN University. Research interests: sociolinguistics, cognitive linguistics, minority languages and languages in minority situations, language ideologies, symbolic dimension of the language situation, language representations, language loyalties, language need. Author of over 100 publications, including the editor of 3 collective monographs, chapters in collective monographs, articles and research papers. Editor of the journal *Macrosociolinguistics and Minority Languages* and member of the editorial board of the *Diglossi@* series (Bordeaux Montaigne University Press and Bordeaux House of Human Sciences).

ORCID: 0000-0002-8047-7030

E-mail: moskvitcheva@mail.ru

СЛОВО МОЛОДЫМ

CALL FOR YOUNG RESEARCHES

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-14-42

EDN: RXWNVK

Научная статья

Проекты «Википедии» как практики ревитализации и поддержки языков народов России

Юлия Матвеевна АЛЮНИНА

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Россия✉ aliunina-yum@rudn.ru

Аннотация. Внимание статьи направлено на проекты «Википедии», которые рассматриваются с точки зрения их потенциала для ревитализации и поддержки языков народов, проживающих на территории Российской Федерации. В рамках статьи анализируются такие вики-проекты, как собственно «Википедия» (Wikipedia), «Викиинкубатор» (Wikimedia Incubator), «Викитека» (Wikisource), «Викисловарь» (Wiktionary), «Викиучебник» (Wikibooks), «Викисклад» (Wikimedia Commons) и «Викигид» (Wiki Voyage). Описание проектов продиктовано их структурой, заложенной разработчиками, а в процессе анализа проектов внимание обращается прежде всего на то, как в их структуре представлен рассматриваемый языковой материал. В результате исследования делаются следующие выводы. Во-первых, возможности вики-проектов и воплощение этих возможностей языковыми активистами коррелируют с существующими формами языкового планирования: статусным, корпусным и планируемым овладением языка. Во-вторых, вики-проекты способствуют развитию различных форм (письменных или

© Алюнина Ю.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

печатных и аудиальных: звуковые и видеозаписи) присутствия языков народов России в цифровом пространстве, что является неотъемлемым атрибутом их витальности в мире глобализации и цифровизации. В-третьих, вики-проекты способны выступать источником текстовых и мультимедийных материалов, которые могут составить эмпирическую базу для изучения языков народов России и соотносимых с ними культур.

Ключевые слова: языки России, малые языки, национальный язык, языки в Интернете, поддержка языков, «Википедия»

Для цитирования:

Алюнина Ю.М. Проекты «Википедии» как практики ревитализации и поддержки языков народов России // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2023. Т. 1. № 1. С. 14–42. doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-14-42 EDN: RXWNVK

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-14-42

EDN: RXWNVK

Research article

Wikipedia Projects as a Practice of Revitalization and Support of the Languages of the Peoples of Russia

Yulia M. ALYUININA

RUDN University

Moscow, Russia

✉ aliunina-yum@rudn.ru

Abstract. The article focuses on Wikipedia projects, which are considered from the perspective of their potential to revitalize and support the languages of peoples living on the territory of the Russian Federation. The article analyzes such wiki projects as Wikipedia, Wikimedia Incubator, Wikisource, Wiktionary, Wikibooks, Wikimedia Commons, and Wiki Voyage. The description of the projects is based on their structure as laid out by their developers, and the analysis of the projects focuses primarily on how the language material under consideration is represented in their structure. The study draws the following conclusions. Firstly, the features of wiki projects and the embodiment of these features by language activists correlate with the existing forms of language planning: status planning, corpus planning, and planned language acquisition. Second, wikis contribute to the development of various forms (written or printed and auditory: sound and video recordings) of the presence of the languages of the peoples of Russia in the digital environment, which is an essential attribute of their vitality in the world of globalization and digitalization. Thirdly, wikis can serve as a source of textual and multimedia materials that can constitute an empirical basis for the study of the languages of the peoples of Russia and the cultures correlated with them.

Key words: languages of Russia, small languages, national language, languages on the Internet, language support, Wikipedia

For citation:

Alyunina, Yulia. 2023. Wikipedia Projects as a Practice of Revitalization and Support of the Languages of the Peoples of Russia. *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 1 (1). 14–42. (In Russian). doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-14-42 EDN: RXWNVK

1. Введение

На сегодняшний день существует множество различных проектов, направленных на ревитализацию и поддержку миноритарных языков России (Баранова 2021, Замятин, Пасанен, Саарикиви 2012: 98, 110, 124, Кибрик 2020: 24). Некоторые проекты осуществляются *по государственной поддержке* (Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры), какие-то реализуются *по инициативе языкового и научного сообществ* (Сăмахкун. Разговорный клуб в чувашского языка, Коми кыв. Портал для изучения языка коми, Корпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири, Электронный корпус хакасского языка) и др. Одной из форм поддержки миноритарных языков на международном уровне является резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, провозгласившая период с 2022 по 2032 год Международным десятилетием языков коренных народов мира (International Decade of Indigenous Languages — IDIL) (Десятилетие языков коренных народов). В России одно из направлений работы в рамках IDIL связано с развитием форм присутствия миноритарных языков в цифровом пространстве, что является неотъемлемым атрибутом их витальности в эпоху глобализации. Так, развиваются проекты, направленные на поддержку письменной или даже печатной формы малых языков — «разработка клавиатурных раскладок, шрифтов и мобильных приложений на национальных языках» (Кабмин утвердил план мероприятий Международного десятилетия языков коренных народов России) народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Миноритарным языком принято считать «язык национального (этнического) меньшинства», который выполняет гораздо меньше социальных функций, чем язык мажоритарный, а сфера его функционирования ограничивается прежде всего «административными территориями проживания основной массы его носителей» (Жеребило 2010: 197). Поддержка языка и его ревитализация предполагают расширение сфер его функционирования, не

характерных на данном этапе распространения миноритарного языка, но характерных для языка мажоритарного: наука, культура, образование, повседневное общение, СМИ и др. (Cenoz, Gorter 2017: 910, Comajoan-Colomé, Coronel-Molina 2021: 897, Moskvitcheva 2019, Moskvitcheva, Viaut, 2021, Paulston et al. 1993: 275).

Функционирование языка в интернет-пространстве — это одна из областей, в которых сегодня миноритарные языки представлены недостаточно широко (Замятин и др. 2012: 46, Кибрик 2020: 20). Вместе с тем эта сфера является значимой и динамично развивающейся частью жизни современного человека.

В последние годы представленность языков и культур народов России в Интернете увеличивается (Замятин и др. 2012: 129, Орехов 2017а): появляются языковые версии сайтов (Веб-сайты Татарстана) и социальных сетей (Хилханова 2019: 976–977), цифровые публицистические издания, посвящённые языку и культуре малого народа («Инде», «Удмуртдунне»).

Тем не менее, проблеме «сетевого функционирования малых языков» пока ещё уделяется недостаточно внимания (Орехов, Решетников 2016: 262): не многие учёные на данный момент обращаются «к теме миноритарных языков России в глобальной сети» (Хилханова 2019: 969), поэтому исследования в этой области «крайне малочисленны» (Орехов, Решетников 2016: 261). В связи с этим вопрос изучения представленности языков народов России в Интернете остаётся открытым, а проблема анализа Интернет-ресурсов на этих языках — «практически неразработанной» и вместе с тем актуальной (Орехов, Решетников 2016: 262). Предпринимаются попытки оценить степень распространения языков народов России в Интернете (Орехов, 2017а, Orekhov et al. 2016), определить, насколько представленность малого языка в цифровом пространстве коррелирует с его реальной распространённостью среди говорящих (Орехов, Решетников 2016, Хилханова 2019). С одной стороны, существует мнение, что Интернет является не инструментом ревитализации языка, а скорее площадкой для его «символического присутствия» (Хилханова 2019: 981). С другой стороны, утверждается точка зрения, что закрепление национальных языков России в цифровой среде необходимо для сохранения самих языков и аффилированных с ними культур (Казакевич 2008: 94, Кужугет 2012: 143–144, Тишков, Акбев 2019: 35).

Большинство исследователей, так или иначе затрагивающих вопрос Интернет-присутствия миноритарных языков, соприкасается с его представленностью в «Википедии» и возможностями, которые свободная энцикло-

лопедия предоставляет своим пользователям (Казакевич 2008: 25–26, Кириленко 2021: 106, Орехов 2017b, Орехов, Решетников 2016, Хисамитдинова, Мухтаров 2016: 73) — фрагментарные описание некоторых проектов¹, реализующихся на базе «Википедии»: проект по чувашскому языку (Сидорова 2010: 206–207), якутскому языку (Павлов 2010: 283), тувинскому языку (Кужугет 2012) и др. При этом отсутствует комплексное научное описание возможностей «Википедии» как площадки, предоставляющей инструментарий для ревитализации, поддержки, популяризации языков народов России и сопряжённых с ними культур.

Целью данной статьи является описать проекты «Википедии» с точки зрения их потенциала для ревитализации и поддержки языков народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Материалом для наблюдений послужили публикации в «Википедии», созданные на языках народов России и реализуемые в рамках таких проектов, как собственно «Википедия» (*Wikipedia*), «Викиинкубатор» (*Wikimedia Incubator*), «Викитека» (*Wikisource*), «Викисловарь» (*Wiktionary*), «Викиучебник» (*Wikibooks*), «Викисклад» (*Wikimedia Commons*), «Викигид» (*Wiki Voyage*).

Данная статья носит дескриптивно-аналитический характер, поэтому достижению поставленной цели служат следующие **задачи**.

1. Описать существующие практики ревитализации и поддержки языков.
2. Описать принцип работы «Википедии» как многоязычной интернет-платформы.
3. Выявить, проанализировать и описать проекты «Википедии», способствующие ревитализации и поддержке языков народов России.

Перечисленные задачи последовательно решаются в тексте данной статьи.

2. Практики ревитализации и поддержки малых языков

Для понимания того, как представленность языков народов России в «Википедии» соотносится с их ревитализацией, необходимо кратко описать способы их поддержки и распространения. Наиболее популярными на сегодняшний день методами ревитализации языков считаются следующие

¹ В данном случае под проектом понимается страница или группа страниц «Википедии» на том или ином миноритарном языке.

(Манджиева 2021: 77, Cenoz, Gorter 2017: 908–910, Comajoan-Colomé, Coronel-Molina 2021: 899).

1. **Метод языкового гнезда** — это «модель естественной передачи» (Баранова 2021: 19) и сохранения языка в семье — его передача из поколения в поколение. Такой метод в большей степени способствует сохранению устной формы речи, чем письменной.
2. **Метод языкового погружения** — организация образовательной деятельности на двух языках для создания условий формирования более-менее сбалансированного двуязычия у учащихся.
3. **Школьное образование на родном языке** — создание условий для сохранения и поддержки языковой нормы в устной и письменной формах, развитие функциональных стилей речи на миноритарном языке. В отличие от предыдущего метода, в данном случае предполагается отказ от использования мажоритарного языка в системе школьного образования.
4. **Метод «наставник — ученик»** — изучение миноритарного языка с носителем через совместную деятельность с ним, в процессе которой общение ведётся на родном языке наставника.
5. **Метод языкового активизма** — различные формы очной и онлайн-деятельности языковых активистов, которыми часто являются носители малых языков: фестивали, выставки, клубы (Сăмахкун. Разговорный клуб чувашского языка), сайты (Коми кыв. Портал для изучения языка коми) и каналы в соцсетях (Манджиева 2021: 82–83), позволяющие делиться лингвокультурным опытом в письменной (текст), устной (песни, аудиокниги, подкасты), визуальной (изображения: фотографии, рисунки и др.), аудиовизуальной (видеозаписи: любительские, документальные, художественные и др. видеоролики) формах.

Перечисленные методы ревитализации языков коррелируют с существующими формами языкового планирования: статусным, корпусным и планируемым овладением языка².

Статусное планирование подразумевает функциональное регулирование языка в среде его употребления — изменение «статуса у любых вари-

² Приведённые формы языкового планирования сформулированы немецким лингвистом Х. Клоссом (Кириленко 2021: 101). Нами цитируются по (Кириленко 2021: 101–102).

антов языка» (Кириленко 2021: 101). В ходе статусного планирования учитываются прежде всего такие функции языка, как региональная, интернациональная, официальная, символическая и образовательная.

Корпусное планирование соотносится с задачами планирования статусного и включает работу с языковой структурой, к которой относятся изучение изменений в письменной форме языка, фиксирование новых лексических единиц, «создание грамматических справочников, подготовка словарей» и др. (Кириленко 2021: 101–102).

Планируемое овладение языком предполагает наличие направленных усилий, часто с государственной поддержкой, для популяризации изучения национального языка. Этот вид планирования имеет две ключевые траектории: «улучшение возможностей изучения языка и создание стимулов для его изучения» (Кириленко 2021: 102).

Названные виды языкового планирования прежде всего перекликаются с методами поддержки и ревитализации малого языка через языковое погружение и через школьное образование, за счёт которых миноритарный язык развивает просветительскую функцию. В планируемом овладении языком, одной из траекторий которого является создание стимулов для изучения национального языка, прослеживается корреляция с методами «наставник — ученик» и языкового активизма. Последний метод видится наиболее многогранным с точки зрения взаимодействия с тремя формами языкового планирования: он позволяет, **во-первых**, активировать различные функции языка (коммуникативную, культурную, образовательную и др.); **во-вторых**, создать и увеличить языковую базу, которая способна стать основой для формирования корпуса (письменного, устного, мультимедийного); **в-третьих**, стимулировать интерес к изучению национального языка благодаря приобщению говорящих к различным лингвокультурным мероприятиям, а также расширению спектра печатных и цифровых ресурсов, посредством и с использованием которых возможна планомерная популяризация малого языка.

Несмотря на то, что государственные институты оказывают значимую поддержку лингвокультурным сообществам, в частности «в среде информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и в киберпространстве» (Павлов 2010: 282), большую роль ревитализации и поддержки миноритарных языков играют сами носители. Одной из платформ, посредством которых языковое сообщество может влиять на представленность национального языка в Интернет-пространстве, является «Википедия».

3. Принципы работы многоязычной «Википедии»

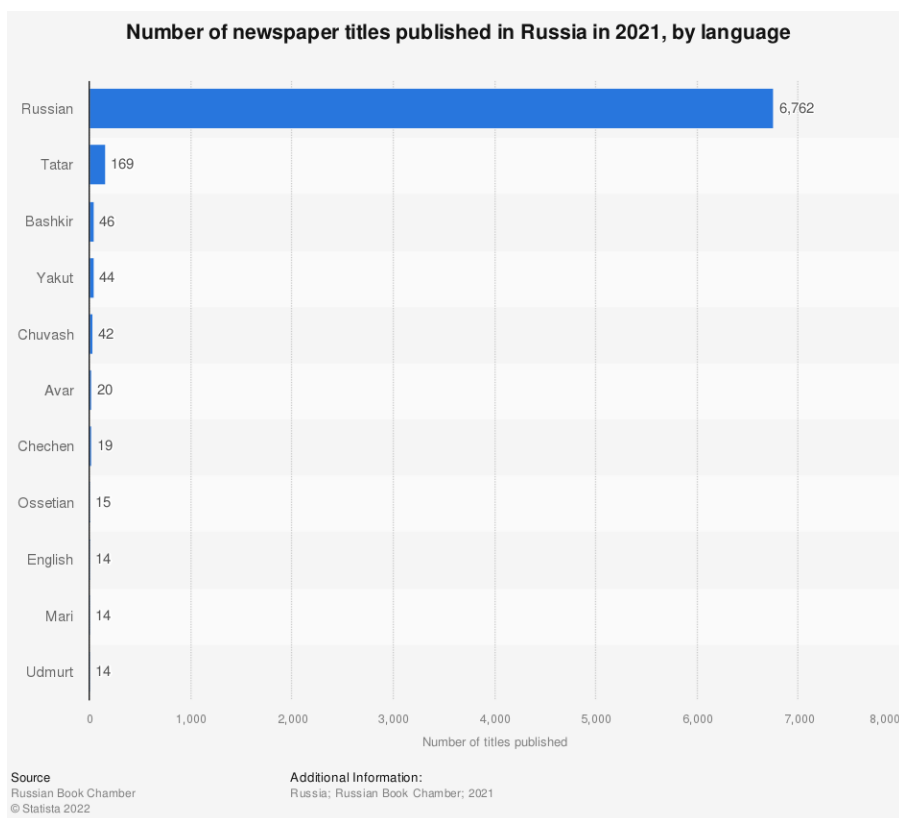
Известно, что «Википедия» — это ресурс, доступный для редактирования любым пользователем Интернета, от чего свободная энциклопедия обладает достаточно высоким порогом доверия в сравнении с рецензируемыми научными журналами или авторитетными публицистическими изданиями. Тем не менее, многие исследования начинаются с поверхностного изучения истории вопроса через «Википедию». К этому интуитивно подталкивает один из основных принципов её работы — наличие ссылок на достоверные, верифицируемые печатные или цифровые источники (Козловский и др. 2020: 35). Если информация, размещённая в «Википедии», не подтверждается «ссылкой на авторитетный источник», то в дальнейшем она удаляется модераторами сайта (Козловский и др. 2020: 35). При этом автор первоисточника должен быть специалистом в той области знания, которой посвящена публикуемая в свободной энциклопедии статья (Козловский и др. 2020: 36). Ссылки на сообщения на форумах, выражающие личные мнения, вероятнее всего, будут удалены из вики-статьи.

Данный принцип, очевидно, вносит определённые сложности в размещение информации в «Википедии» на некоторых языках народов России — отсутствие авторитетного первоисточника на внешнем по отношению к «Википедии» ресурсе должно препятствовать созданию в ней статьи языке лингвокультурного сообщества.

Тем не менее, на сегодняшний день «Википедия» является одной из наиболее многоязычных площадок в Интернете. По официальным данным на 2021 г., в «Википедии» имеется 50 млн статей, написанных на 300 языках. Наверное, ни один даже электронный словарь не может похвастаться таким разнообразием языкового материала. Безусловно, содержание «Википедии» на разных языках представлено не равномерно: на каких-то языках количество статей превышает миллион (английский — 6 млн, немецкий — 2,5 млн, французский — 2,3 млн, русский — 1,7 млн), а какие-то языки имеют менее сотни записей (Козловский и др. 2020: 6, Vrandecic 2021: 21).

Многие языки, представленные в «Википедии» небольшим количеством публикаций, также являются малораспространёнными в мире. К ним относятся языки народов, проживающих на территории Российской Федерации: аварский, адыгейский, башкирский, бурятский, вепсский, горномарийский, идиш, ингушский, кабардино-черкесский, калмыцкий, карачаево-балкарский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, крымско-татарский, лакский, лезгинский, лугово-марийский, мокшанский, осетинский, понтийский,

татарский, тувинский, удмуртский, чеченский, чувашский, эрзянский, саха, а также ливвиковское наречие карельского языка (Козловский и др. 2020: 7). Среди языков народов России наибольшее количество статей в «Википедии» написано на чеченском языке (более 250 тыс. публикаций), татарском (около 90 тыс.), башкирском (более 50 тыс.) (Козловский и др. 2020: 7). По данным статистического агентства Statista на 2021 г. (Number of newspaper titles published in Russia in 2021, by language), эти же языки входят в шестёрку наиболее распространённых языков печатной прессы по количеству газетных заголовков (рис. 1).

Источник изображения: Number of newspaper titles published in Russia in 2021, by language // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1197871/number-of-newspaper-titles-published-in-russia-by-language/>

Рис. 1. Статистика газетных статей, опубликованных в России в 2021 году на разных языках: подсчёты по языку заголовков

Figure 1. Statistics of Newspaper Articles Published in Russia in 2021 in Different Languages: Headline Language Counts

С точки зрения количества статей в «Википедии» на миноритарных языках платформу можно назвать своеобразной моделью языкового разнообразия в мире, или по крайней мере в России, поскольку многие языки, «обширно задействованные в Интернете, вовлечены в современные культурные, политические, деловые и бытовые практики» (Орехов, Решетников 2016: 261), а «сетевая ипостась» того или иного языка иногда может коррелировать «с его фактическим современным статусом» (Орехов, Решетников 2016: 261) и распространённостью.

Как источник письменного (печатного) языкового материала «Википедия» видится весьма ценным лингвистическим и этнолингвистическим ресурсом (Павлов 2010: 283), имеющим, однако, свои особенности, которые необходимо принимать во внимание. Эти особенности в основном связаны с механизмом и принципами создания некоторых публикаций. Так, многими учёными, а также модераторами самой «Википедии» отмечается, что на платформе имеет место **машинное создание однотипных статей** с помощью ботов, которые, обучившись на уже существующих публикациях, генерируют тексты на любых языках по заданным правилам (Орехов 2017b, Орехов, Решетников 2016: 266, Vrandecic 2021: 41, Bot article creations only). Такой способ создания статей называется ботозаливкой, которой известна, например, себуанская «Википедия» (Себуанская «Википедия»). Безусловно, такие публикации не способствуют формированию объективной картины о положении и состоянии того или иного языка в условиях реальной коммуникации.

Ещё одной особенностью публикаций в «Википедии» являются их **иноязычные версии**. В некоторых случаях это параллельные тексты, переведённые разработчиками и волонтерами платформы — википедистами (Козловский и др. 2020: 53). А иногда это статьи на одну и ту же тему, «но с разной историей создания и разным содержимым» (Козловский 2020: 22), поэтому однозначно говорить о том, что существует определённая головная версия статьи в «Википедии» с её переводными ответвлениями, не приходится.

Последняя особенность, выделенная нами в рамках проблематики данной статьи, это **человеческий фактор**. Согласно результатам недавнего исследования о ценностно-ориентационной организации авторов «Википедии», википедисты стремятся «с помощью знаний улучшить мир, к которому они относятся со всей любовью и бережливостью» (Брызгалов и др. 2022: 482). Относительно языкового активизма это может означать, что содержание публикаций, созданных носителями языков народов России, может отражать культурно-ценностные ориентиры и предпочтения весьма ограниченного числа представителей лингвокультурного сообщества.

Тем не менее, несмотря на перечисленные особенности, «Википедия» является, пожалуй, одной из наиболее популярных и интуитивно понятных в использовании Интернет-площадок для поддержки витальности языков народов России посредством увеличения их присутствия в киберпространстве. Существующие на базе «Википедии» проекты способствуют развитию некоторых социальнозначимых функций языков Российской Федерации, как коммуникативная и номинативная («Викиинкубатор» и «Викисловарь»), образовательная («Викиучебник», «Викиуниверситет»), культурная и просветительская («Викигид») и др. Возможностям этих и других проектов «Википедии» посвящён следующий раздел.

4. Проекты «Википедии» как поддержка языков народов России

В «Википедии» существует несколько проектов, которые различаются по своему назначению: «Википедия» (собрание энциклопедических статей), «Викисловарь» (собрание словарей разных типов), «Викицитатник» (собрание цитат), «Викитека» (собрание текстов, распространяемых по свободной лицензии), «Викиучебник» (проект по коллективному созданию учебной литературы), «Викисклад» (собрание мультимедийных файлов), «Викивиды» (таксономический справочник биологических видов), «Викиновости» (собрание новостей и интервью), «Викиуниверситет» (проект по коллективному созданию учебно-методических материалов), «Викигид» (проект по созданию путеводителей), «Викиинкубатор» (проект по тестированию новых языков), «Викиданные» (хранилище данных по всем проектам серии Вики), «Мета-вики» (проект по координации всех вики-проектов, служащий для систематизации метаданных), MediaWiki (базовое программное обеспечение для создания новых вики-проектов) (Козловский и др. 2020: 13-16).

Перечисленные проекты были проанализированы нами с точки зрения их возможностей для ревитализации и поддержки языков народов, проживающих на территории Российской Федерации, и аффилированных с ними культур. В результате анализа были выявлены проекты, функционал которых уже применяется языковыми активистами и носителями рассматриваемых языков для увеличения их цифрового присутствия. Такими проектами являются собственно «Википедия», «Викиинкубатор», «Викитека», «Викисловарь», «Викиучебник», «Викисклад» и «Викигид».

Перед тем, как перейти к описанию проектов, отметим, что их представление в данной статье выполнено не по единой структуре. Это обусловлено тем, что вики-проекты различаются по назначению и, как следствие,

информационному наполнению. В связи с этим описание каждого проекта продиктовано его структурой, заложенной разработчиками. В процессе анализа вики-проектов внимание обращалось прежде всего на то, как в их структурах представлен рассматриваемый языковой материал.

4.1. «Википедия»

«Википедия» — свободная энциклопедия, основной и наиболее популярный среди пользователей проект (Козловский и др. 2020: 13).

В рамках этого проекта возможно создание статей на различные темы, а также возможен перевод уже имеющихся публикаций на любые языки, поддерживаемые «Википедией», в том числе национальные. В результате перевода (если это действительно перевод, а не независимо созданные статьи на одну и ту же тему, о чём было сказано выше) в «Википедии» формируется база параллельных текстов. В дальнейшем эта база может стать референтным корпусом для обучения нейросетей автоматизированному переводу в парах с миноритарными языками (Яндекс 2016).

По правилам «Википедии» при создании параллельного текста на миноритарном языке необходимо копирование ссылок на первоисточники. Если первоисточник имеет несколько языковых версий, то предпочтение, согласно политике «Википедии», должно отдаваться источнику на таком же языке, что и публикуемая статья (Козловский и др. 2020: 38). Так, «Википедия» не только предоставляет площадку для создания и хранения текстов на языках народов России, но и ведёт библиографическую картотеку текстов, созданных на этих языках.

4.2. «Викиинкубатор»

Первый после собственно «Википедии» проект, который стоит рассмотреть в рамках данной статьи, это **«Викиинкубатор»**. Данный проект является вспомогательным и служит «для тестирования новых языковых разделов» (Козловский и др. 2020: 16). Согласно официальным данным, в «Викиинкубаторе» развиваются проекты на 286 языках, из которых более 40 — языки народов России (Козловский и др. 2020: 16). Существующие на сегодняшний день версии свободной энциклопедии на языках народов России тоже когда-то прошли стадию инкубации, например, такой в 2012 г. была тувинская версия «Википедии» (Кужугет 2012: 142). Сегодня, согласно статистике «Википедии»,

в ней имеется более 3 300 статей (точное количество 3 389 по состоянию на 2 февраля 2023 г.³), объём которых 1 081 498 слов («Список Википедий»).

4.3. «Викитека»

«Викитека» — библиотека оцифрованных или электронных изданий (документы, художественная литература и др.), которые распространяются по свободной лицензии. Согласно пособию «"Википедия". Вводный курс» (Козловский и др. 2020), разработанному российским сообществом википедистов, среди языков народов России в «Викитеке» представлены башкирский, татарский и якутский (Козловский и др. 2020: 13). Однако в ходе исследования в рамках настоящей статьи в «Викитеке» были обнаружены материалы только на якутском языке (рис. 2). Поскольку все вики-проекты динамичны и во многом отвечают потребностям и интересам языкового сообщества, вполне вероятно, что на момент издания пособия в 2020 году материалы на башкирском и татарском языках действительно были, но в небольшом количестве. Впоследствии они могли быть удалены или помещены в архив.

На якутском языке, согласно информации на домашней странице в «Викитеке», в этом проекте создано 594 статьи по следующим разделам и их внутренним категориям⁴: *Литература — Литэрэтиирэ (Драма — Дыраама, Критика — Кириитикэ, Сказки и стихи — Хоһоон и др.), Документы — Дөкүмүөн* (в этой категории хранятся нормативно-правовые акты, в частности перевод Уголовного кодекса Российской Федерации на якутский язык — *Российская Федерация хоһуобунай кодекса*), *Сферы знаний — Билии эйгэлэрэ (Охрана природы — Айылҕа харыстабыла, Лингвистика — Тыл үөрэҕэ и др.), Законодательство — Суут-сокуон, Религия — Итэҕэл (Христианство)*.

³ В статье приводится точная дата, поскольку статистические данные обновляются ежедневно, и на самой странице в «Википедии» регулярно обновляется информация, по состоянию на какое число опубликована статистика по языковому наполнению сайта.

⁴ Названия разделов и их категорий переведены с якутского языка на русский язык через Яндекс-переводчик, в котором на сегодняшний день существует только β-версия якутского языка, поэтому в переводе возможны некоторые неточности: <https://translate.yandex.ru/> (дата обращения: 03.02.2023).

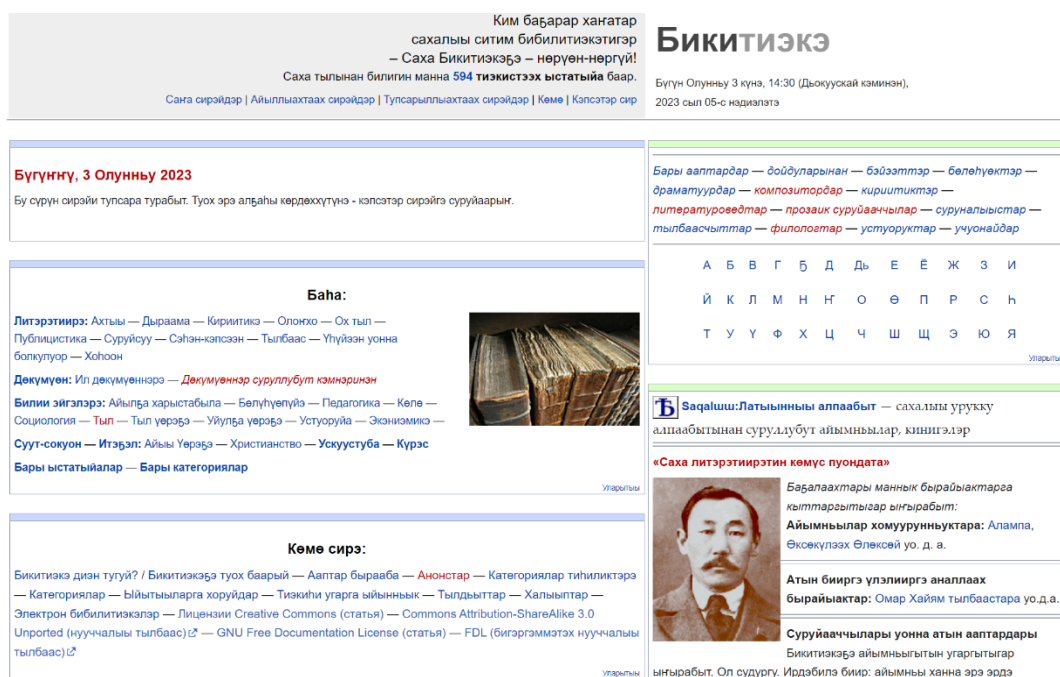

Рис. 2. Скриншот домашней страницы «Викитеки» на якутском языке

Figure 2. Screenshot of the Yakut-language Wikisource home page

В процессе анализа были сделаны следующие общие наблюдения о наполнении якутской «Викитеки». Некоторые категории, хоть и выделены в отдельные, являются пустыми — в них нет статей (*Социология*, *Экэниэмикэ*, *Христианство*). Некоторые категории видятся дублирующими, поскольку их наполнение практически идентичное (рис. 3). Этот факт может свидетельствовать о слабой структурированности разделов и их категорий в силу, отчасти, недостаточного количества материалов либо на языке вообще, либо материалов, которые можно распространять по свободной лицензии, что является необходимым условием для их размещения в «Викитеке». Наиболее полноценными с точки зрения текстового наполнения являются категории, содержащие фольклорные и литературные произведения на якутском языке.

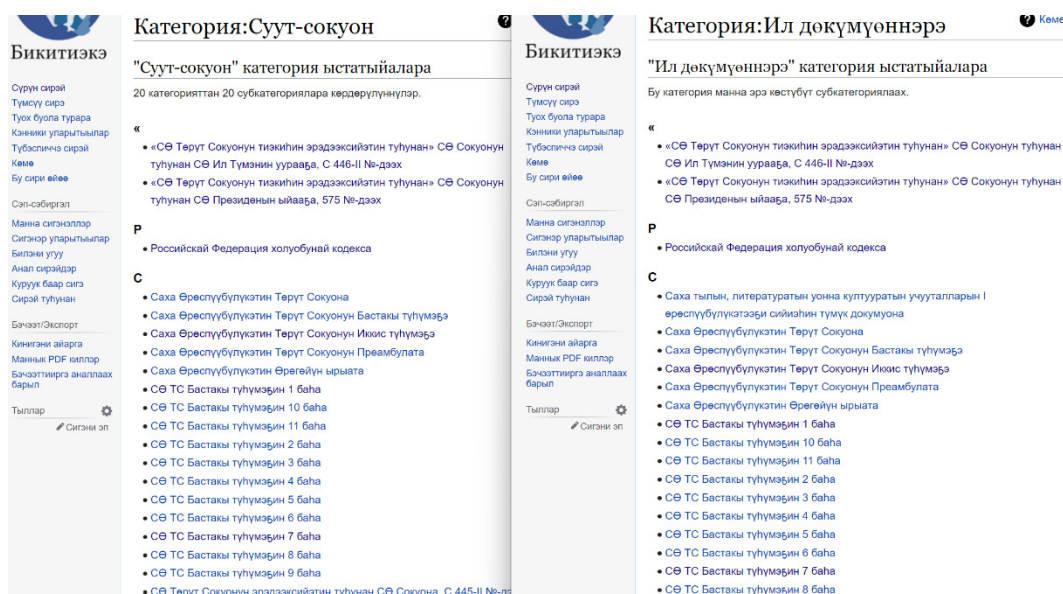

Рис. 3. Скриншот содержания категорий *Суутсокуон* (*Законодательство*) и *Ил дөкүмүөннэрэ* (*Регионы страны*) страницы «Викитеки» на якутском языке

Figure 3. Screenshot of the *Суутсокуон* (*Legislation*) and *Ил дөкүмүөннэрэ* (*Country Regions*) categories of the Yakut-language Wikisource page

Для более точного представления о содержании якутской «Викитеки» необходимо подробное изучение её материалов, их реальных и потенциальных источников.

4.4. «Викисловарь»

«Викисловарь» — проект, предназначенный для создания словарей, которые могут одновременно являться словарями грамматическими, толковыми, этимологическими и многоязычными (Козловский и др. 2020: 16). Словарной единицей в «Викисловаре» является языковая единица (лексема, корень, суффикс и др.), и в этом основное отличие «Викисловаря» от собственно «Википедии», в которой представлены статьи энциклопедического формата.

Сегодня «Викисловарь» создается на 174 языках, среди которых имеются и языки народов, проживающих на территории Российской Федерации (Козловский и др. 2020: 16). Ниже приведён график (авторская разработка), на котором показано количество статей в «Викисловаре» на языках России по состоянию на февраль 2023 года (рис. 4).

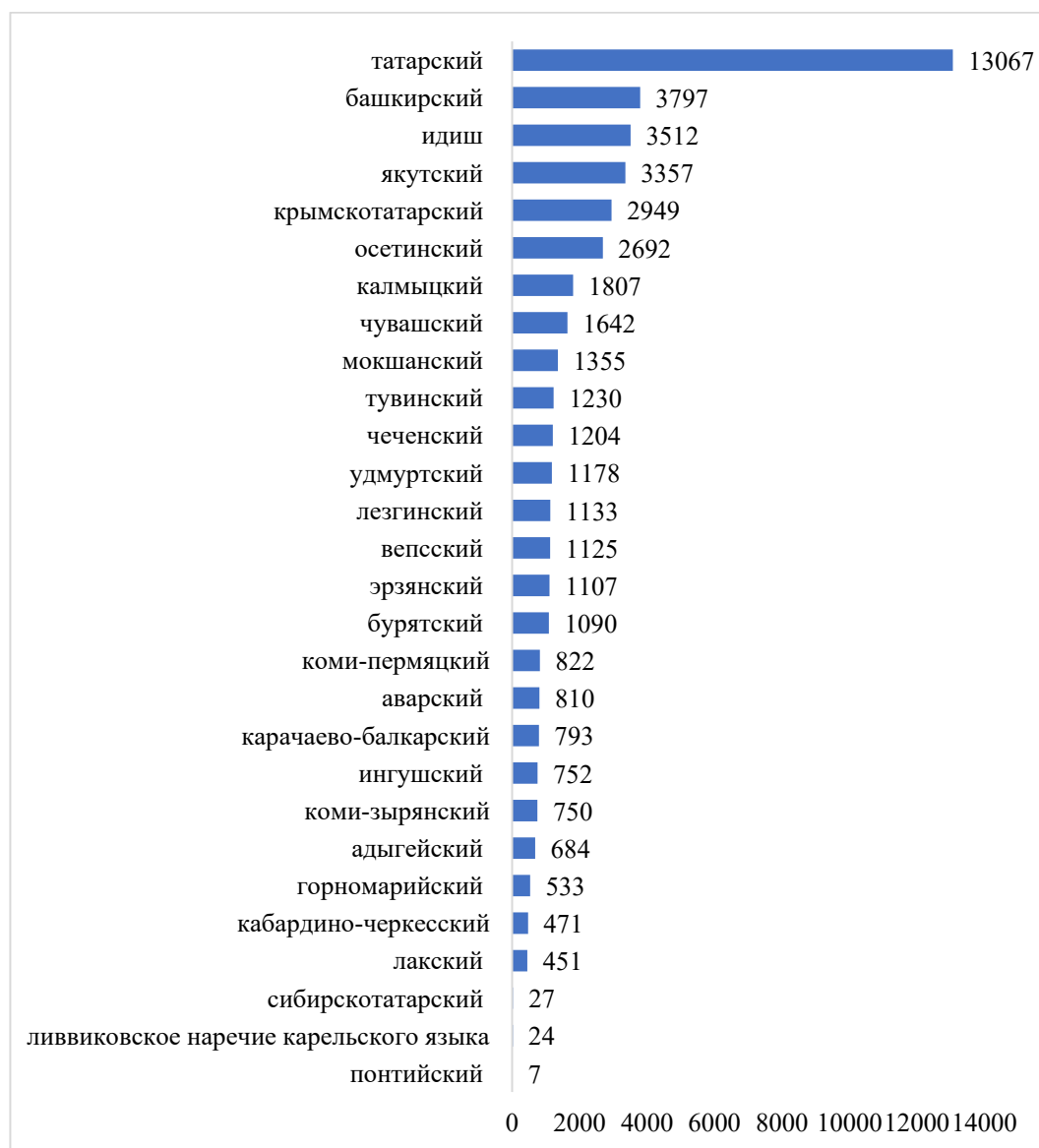

Рис. 4. Количество статей в «Викисловаре» на языках России

Figure 4. Number of articles in Wiktionary in the languages of Russia

На оси y (рис. 4) перечислены все языки народов России, представленные в «Викисловаре», а на оси x приведено количество статей, созданных для данных языков в рассматриваемом вики-проекте. Напротив каждого языка указано точное количество статей, созданных на нём в «Викисловаре».

Словарные страницы «Викисловаря» по умолчанию имеют следующие разделы и категории: «*Морфологические и синтаксические свойства*» (указание на частеречную принадлежность лексической единицы, её морфемный состав или указание на тип описываемой в словарной статье морфемы — корень, суффикс, приставка), «*Произношение*» (транскрипция и иногда аудиозапись с произношением), «*Семантические свойства*» (значение, синонимы, антонимы, гиперонимы, гипонимы), «*Родственные слова*», «*Этимология*». Иногда словарное описание дополняется такими разделами, как «*Фразеологизмы и устойчивые сочетания*» (куда включаются поговорки, поговорки), «*Переводы*», «*Анаграммы*». Кроме того, википедисты могут добавлять пользовательские разделы, которые видятся им значимыми для описания языковой единицы, а также сопровождать лексикографические данные иллюстрациями.

Безусловно, далеко не для всех словарных единиц, относящихся к языкам народов России, заполнены даже основные разделы и категории. Очень часто описание языковой единицы выглядит как скелет словарной статьи с пустыми или частично разделами (рис. 5). Поэтому количество словарных статей к тому или иному языку говорит лишь о количестве зафиксированных в вики-проекте единиц языка (что можно сравнить с орфографическим словарём), а не о качестве их лексикографического описания.

На скриншоте ниже приведены описания к двум лексическим единицам, которые относятся к языкам народов, проживающих на территории России: понтийскому (слева) и татарскому (справа). Первый язык имеет меньше всего статей в «Викисловаре» — 7, а второй — больше всего — 13 067 (по состоянию на февраль 2023 года). Как видим, наполнение словарных статей принципиально различается наличием более обширной морфологической информации о лексеме татарского языка (таблица с парадигмой склонений по падежам), транскрипцией и иллюстрацией описанного в статье объекта внеязыковой действительности. При этом у лексемы на понтийском языке имеется более обширное описание её этимологии. На скриншоте для татарского языка не поместился раздел *Этимология*, в котором указано лишь то, что лексема *абага* (папоротник) является общетюркской. Также не поместился раздел *Фразеологизмы и устойчивые сочетания*, в котором указано выражение *абага чачак аткач (после цветения папоротника⁵)*, не сопровождаемое толкованием и переводом.

⁵ Перевод с татарского языка на русский язык выполнен через Яндекс-переводчик: <https://translate.yandex.ru/> (дата обращения: 03.02.2023).

Понтийский [править]

Морфологические и синтаксические свойства

[править]

и́стория

Существительное, женский род.

Корень: --.

Произношение [править]

Семантические свойства [править]

Значение [править]

1. история ♦ Отсутствует пример употребления (см. рекомендации).

Синонимы [править]

Антонимы [править]

Гиперонимы [править]

Гипонимы [править]

Родственные слова [править]

Ближайшее родство [показать]

Этимология [править]

Происходит от др.-греч. ἱστορία (hístōría) «исследование; знание; история», далее родств. ἵστωρ «знающий, сведущий», от ἵστωρ «узнавать, исследовать, спрашивать». Далее предполагают родство с праиндоевр. *wid- «знать, видеть». В ряде европейских языков слово заимств. через лат. historia.

Понтийский [править]

Служебные страницы

Постоянная ссылка

Сведения о странице

Цитировать страницу

Печать/экспорт

Создать книгу

Скачать как PDF

Версия для печати

На других языках

English

Esat

Français

한국어

Malagasy

Тоҷикӣ

Tatarça/tatarça

Татарский [править]

Латиница (Latinça) [править]

abağa

Арабица (أباغا) [править]

أباغا

Морфологические и синтаксические свойства [править]

а-ба-га

Существительное.

Корень: -абага-

Произношение [править]

МФА: [abɑɣɑ]

Семантические свойства [править]

Значение [править]

1. папоротник (папоротниковый) ♦ Отсутствует пример употребления (см. рекомендации).

Синонимы [править]

1. ?

Антонимы [править]

1. —

Гиперонимы [править]

1. улак, үсемлек

Гипонимы [править]

падеж

ед. ч.

мн. ч.

Им.

абага

абагалар

Прит.

абаганың

абагаларның

Д.

абагага

абагаларга

В.

абаганы

абагаларны

М.

абагада

абагаларда

Иск.

абагадан

абагалардан

Принадлежность [показать]

Тропик абагалары.

57

Рис. 5. Скриншот наполнения словарных статей на понтийском языке (слева) и татарском языке (справа)

Figure 5. Screenshot of the content of dictionary articles in Pontic (left) and Tatar (right)

В ходе анализа «Викисловаря» были сделаны общие наблюдения, которые можно сформулировать как достоинства и недостатки изученного вики-проекта.

Значимым **преимуществом** «Викисловаря» перед авторскими словарями видится скорость его наполнения, поскольку «традиционная лексикографическая практика намного отстает от реальной языковой ситуации», которую не в полной мере отражают даже электронные источники (Ильясова, Яньбин 2018: 33).

Ещё одним важным **преимуществом** «Викисловаря» является то, что над его наполнением работают представители соответствующей лингвокультуры или заинтересованные активисты. Однако это преимущество можно рассмотреть и как **недостаток**, поскольку для составления словаря необходимы специальные знания. Вероятно, если речь идёт о толковом словаре, то с задачей определения семантики лексической единицы могут справиться многие носители языка, ведь толкование значения слова можно получить и посредством интервью в ходе полевой работы. Но если речь идёт о составлении, скажем, морфологического или этимологического словаря,

CALL FOR YOUNG RESEARCHES

31

то здесь, как правило, требуются академические знания, а также релевантные и надёжные источники, последних из которых для языков народов России может не быть.

Последнее наблюдение тоже с одной стороны является **достоинством** «Викисловаря», а с другой — **недостатком** этого ресурса. Для лексикографов, лингвистов и этнографов материалы «Викисловаря» могут выступать эмпирическим материалом — сырыми данными, которые им предоставляются носителями соответствующих лингвокультур, и на основе которых могут быть выполнены исследования. При этом, в отличие от полевых работ, снимается вопрос согласия респондентов на обработку персональных данных, хотя параллельно возникают сложности с достоверной метаинформацией об условных респондентах-википедистах: отсутствие доступа к данным об их уровне образования, возрасте, месте жительства и даже принадлежности к фокусной лингвокультуре.

4.5. «Викиучебник»

«Викиучебник» — проект, предназначенный для коллективного создания различной учебной литературы. Особенностью этого проекта является то, что его авторы могут самостоятельно создавать учебную литературу, не ссылаясь на источники и не оцифровывая исключительно те материалы, авторские права на которые истекли. На языках народов России существуют «Викиучебники», написанные на татарском и чувашском языках (Козловский и др. 2020: 14).

На башкирском, татарском, чувашском языках, из которых башкирская страница проекта «Викиучебник» наиболее развиваемая. Здесь имеются учебные разделы⁶ по башкирской кухне (*Аш-һыу*), по домашнему хозяйству (садоводству — *Баксасы белешмәһе*, птицеводству — *Кош-корт асрау*, пчеловодству — *Умартасылык серзәре*), строению солнечной системы (*Кояш системаһы*) и др. (рис. 6).

⁶ Названия разделов переведены с башкирского языка на русский язык через Яндекс-переводчик: <https://translate.yandex.ru/> (дата обращения: 03.02.2023).

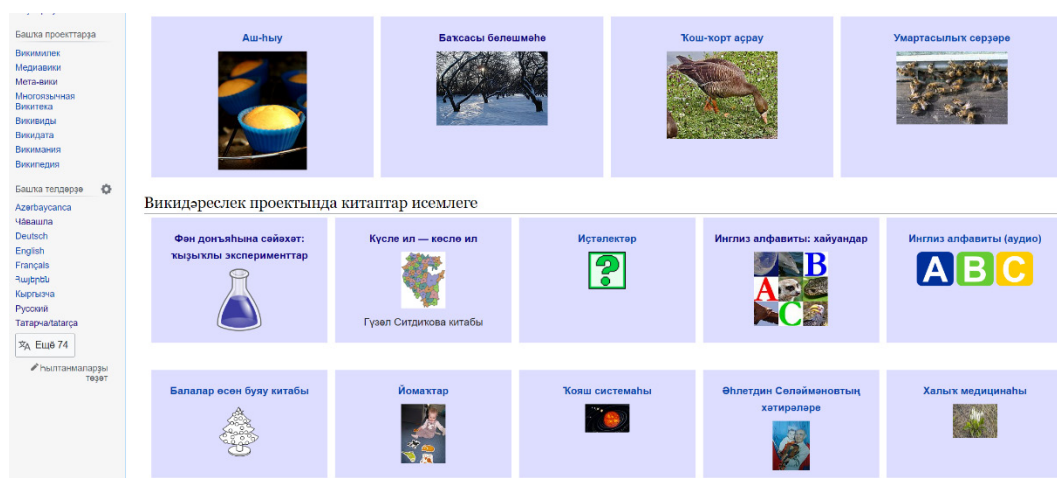

Рис. 6. Скриншот домашней страницы «Викиучебника» на башкирском языке

Figure 6. Screenshot of the *Wikibooks* home page in Bashkir

Представленные в «Викиучебнике» материалы могут быть свободно использованы для преподавания языка народа или для преподавания отдельных дисциплин на соответствующих языках народов России.

4.6. «Викисклад»

«Викисклад» — хранилище мультимедийных файлов, которые «перешли в общественное достояние из-за истечения срока авторского права» (Козловский и др. 2020: 14) или распространяются авторами по свободной лицензии. На момент исследования объём «Викисклада» насчитывал 90 476 874 медиафайлов, среди которых изображения, звуки и видео.

С точки зрения потенциала к ревитализации и поддержке языков народов России наиболее функциональными медиафайлами видятся звуковые и видеофайлы, которые в «Викискладе» разделяются на категории, в том числе языковые. В звуковых файлах имеются записи на 117 языках, но среди них не обнаружили записи на языках России. Коллекция видеофайлов насчитывает материалы на 170 языках, из которых к языкам народов России относятся следующие: карельский (1 видео), крымскотатарский (1 видео), татарский (1 видео), тувинский (2 видео). Пример формата видеозаписи на карельском языке приведён на скриншоте ниже (рис. 7).

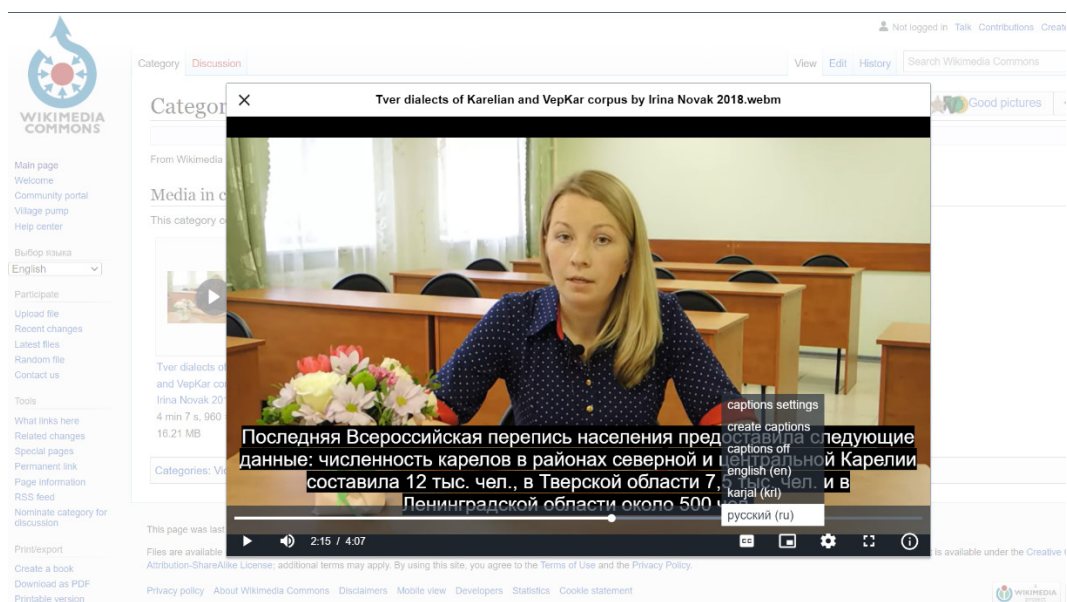

Рис. 7. Скриншот видеозаписи на карельском языке

Figure 7. Screenshot of a video in the Karelian language

На скриншоте (рис. 7) видно, что видеозапись с лекцией на карельском языке сопровождается субтитрами на русском языке, которые можно переключить на английский или карельский. Также инструментарий видеозаписей в «Викискладе» позволяет создать пользовательские субтитры на любом другом языке.

Коллекция изображений, которая находится в «Викискладе», преимущественно демонстрирует архитектурно-ландшафтные виды стран и городов. Однако данная категория медиафайлов может стать ценным хранилищем изображений, на которых зафиксированы национально-культурные особенности народов, проживающих на территории Российской Федерации: фотографии фестивалей, праздников, убранства и национальных костюмов. Наличие такой централизованной коллекции изображений, на повторное использование которых не возлагаются ограничения, могло бы решить проблемы с поиском иллюстративного материала для поддержки, популяризации, изучения и преподавания той или иной культуры, аффилированной с определённым языком, а также для обогащения других проектов «Википедии» фотоматериалами.

Таким образом, на настоящий момент проект «Викисклад» видится перспективным, но малоосвоенным с точки зрения использования его возможностей для ревитализации, поддержки и популяризации языков народов, проживающих на территории России.

4.7. «Викигид»

«Викигид» — проект, посвящённый созданию разговорников и туристических путеводителей. Сейчас «Викигид» создаётся на 21 языке. На русском этот каталог занимает седьмую строчку среди других разделов и содержит почти 6 000 путеводителей (Козловский и др. 2020: 15).

Разговорники заполняются преимущественно по стандартному шаблону: руководство по произношению (алфавит на основе латиницы и кириллицы, если возможны оба варианта, перечень гласных и согласных); раздел с часто встречающимися словами и фразами (*открыто, закрыто, вход, выход, от себя, на себя* и др.); раздел со списком фраз, сгруппированных по ключевым коммуникативным ситуациям в повседневном общении во время туристической поездки: основные⁷ (*Привет! Здравствуйте! Меня зовут ... ; Да; Нет* и т.д.), проблемы (*Мне нужна ваша помощь; Я потерял сумку*), числа и время, дни недели и месяцы, цвета, транспорт (*Сколько стоит билет в ...? Один билет в ..., пожалуйста.*), ночлег (*У вас есть свободные комнаты? Я останусь на _____ ночь/ночи/ночей.*), еда (*Столик на одного человека/двух человек, пожалуйста. Дайте, пожалуйста, чашку ...?*), покупки (*У вас есть это моего размера? Давайте две.*) и др.

Раздел по созданию разговорников в «Викигид» представлен четырьмя группами.

1. **Полные** — разговорники, для которых уже заполнен стандартный шаблон, но их ещё можно улучшать и дополнять. По состоянию на январь 2023 года в этой группе представлены разговорники на 10 языках (азербайджанский, персидский, узбекский, украинский и др.), один из которых — для миноритарного языка России — татарского.
2. **Скелеты** — разговорники, которые находятся на стадии создания по стандартному шаблону, но некоторые его сегменты не заполнены. По данным на январь 2023 года в этой группе созданы разговорники на 32 языках (амхарский, иврит, суахили, тигринья и др.), один из которых — для миноритарного языка России — якутского.

⁷ Здесь и далее названия коммуникативных ситуаций приводятся так, как они даны в «Викигиде».

3. **Наброски** — разговорники, в которых стандартный шаблон заполнен менее, чем наполовину: отсутствует перевод многих фраз либо их транслитерация. Из разговорников на 15 языках в этой группе (албанский, грузинский, курдский, талышский и др.) для миноритарных языков России создано 3: башкирского, коми, чеченского.
4. **Требуемые разговорники** — разговорники, которые на данном этапе представлены только перечнем 16 языков (африкаанс, бенгальский, датский, каталнский, урду и др.), на которых такие разговорники необходимо создать. Предположительно перечень требуемых разговорников обусловлен тем, что включённые в них языки распространены на тех территориях, для которых в «Викигиде» разработаны подробные туристические маршруты. К требуемым разговорникам на языках народов России относится один — на удмуртском языке.

Что касается второго направления проекта «Викигид» — разработка путеводителей, то ни на одном из языков народов России данный проект не представлен. Однако существует множество разработанных маршрутов, демонстрирующих культурное достояние отдельных республик: Адыгея, Башкортостан, Саха, Татарстан, Удмуртия и др.

5. Заключение

Исходя из цели исследования и на основании выполненного анализа вики-проектов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, проекты «Википедии» поддерживают статусное и корпусное языковое планирование в отношении миноритарных языков, а также планируемое овладение миноритарным языком. Поддержка статусного планирования проявляется в развитии печатной формы национального языка («Викиинкубатор»), цифровое присутствие которой увеличивается благодаря вики-проектам, развитию социальнозначимых функций языка. Корпусное планирование очевидным образом видится в создании и базы текстов (вклад всех вики-проектов) и мультимедийных материалов («Викисклад»), на основе которых могут быть разработаны собственно корпуса, усовершенствованы механизмы автоматизированного перевода, обучены программы (например, теггеры и лемматизаторы) для автоматического аннотирования корпусов (вклад «Викисловаря»). Поддержка планируемого овладения языками народов России видится в предоставлении площадки

для создания учебных (вклад «Википедии», «Викитеки», «Викиучебника», «Викисловаря») и развлекательных материалов («Викигид», «Викисклад»).

Во-вторых, проекты «Википедии» и их возможности способствуют развитию различных форм присутствия языков народов России в цифровом пространстве, что является неотъемлемым атрибутом их витальности в мире глобализации и цифровизации.

В-третьих, проекты «Википедии» являются источником письменных или печатных (почти все вики-проекты), звуковых («Викисклад»), фольклорных («Викитека»), лексикографических («Викисловарь») материалов, которые могут составить эмпирическую базу для изучения языков народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Таким образом, проекты «Википедии» видятся перспективным и действующим инструментом на поле ревитализации, поддержки и популяризации языков народов России. Исследование показало, что некоторые проекты уже освоены википедистами, а какие-то остаются практически нетронутыми в аспекте представленности языков России.

Список литературы / References

- Баранова В.В. «Какая речь может идти об акценте, если речь идёт о сохранении языка?»: отношение к неполной языковой компетенции // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 11–29. [Baranova, Vlada V. 2021. "How can we even talk about accents when it comes to preserving a language?": Attitudes towards partial linguistic competence. *Forum For Anthropology And Culture* 49. 11–29. (In Russ.)].
- Брызгалин Е.А., Войсунский А.Е., Козловский С.А. Ценностно-ориентационная дифференциация волонтеров-просветителей интернет-энциклопедии «Википедия» и проекта «Ответы». Часть 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 3. С. 465–487. [Bryzgalin, Evgeniy A., Alexander E. Voiskounsky & Stanislav A. Kozlovskiy. 2022. Educating of the Internet Encyclopedia «Wikipedia» and the Project «Otvety». Part 1. *RUDN Journal Of Psychology And Pedagogics* 3 (19). (In Russ.) 465–487].
- Веб-сайты Татарстана [Электронный ресурс]. URL: <https://kitaphane.tatarstan.ru/ciki/webt.htm> (дата обращения: 25.12.2022). [Web-saity Tatarstana (Websites of Tatarstan)]. Retrieved from URL: <https://kitaphane.tatarstan.ru/ciki/webt.htm> (accessed 25 December 2022).
- Десятилетие языков коренных народов [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.unesco.org/idil2022-2032> (дата обращения: 15.01.2023). [Desyatiletie yazykov korenykh narodov (Decade of Indigenous Languages)]. Retrieved from URL: <https://ru.unesco.org/idil2022-2032> (accessed 15 January 2023).
- Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. Вып. 5. 486 с. [Zherebilo, Tat'yana V. 2010. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. (Dictionary of linguistic terms). Vypusk 5. Nazran: «Pilgrim». (In Russ.)].

- Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки: Vammalan Kirjapaino Oy, 2012. 180 с. [Zamyatin, Konstantin, Annika Pasanen & Yanne Saarikivi. 2012. Kak i zachem sokhranyat' yazyki narodov Rossii? (How and why to preserve the languages of the peoples of Russia?). *Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy*. (In Russ.)].
- Павлов Н.Н. Проблемы увеличения числа сахаязычных пользователей Интернета // Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве. Сборник материалов международной конференции (Якутск, 2–4 июля 2008 г.) / под ред. Е. И. Кузьмина. М: МЦБС, 2010. С. 280–285. [Pavlov, N. Nikolai. 2008. Problemy uvelicheniya chisla sakhayazychnykh pol'zovatelei Interneta (Problems of increasing the number of Sakha-speaking Internet users). In Evgenii I. Kuz'min (ed), *Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii*. 280–285. Moscow: МЦБС. (In Russ.)].
- Ильясова С., Яньбин В. «Викисловарь» глазами филолога // Филология и культура. 2018. Т. 3. № 53. С. 32–38. [Ilyasova, Svetlana & Wang Yanbing. 2018. Wiktionary from the philological point of view. *Philological And Culture* 53 (3). 32–38. (In Russ.)].
- «Инде». Интернет-журнал о жизни в городах Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://inde.io/about/835-o-proekte> (дата обращения: 22.11.2022). [«Inde». Internet-zhurnal o zhizni v gorodakh Respubliki Tatarstan ("Inde". Online magazine about life in the cities of the Republic of Tatarstan)]. Retrieved from URL: <https://inde.io/about/835-o-proekte> (accessed 22 November 2022).
- Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://atlaskmns.ru/> (дата обращения: 25.12.2022). [Interaktivnyi atlas korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: yazyki i kul'tury (Interactive Atlas of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East: Languages and Cultures)]. Retrieved from URL: <https://atlaskmns.ru/> (accessed 25 December 2022).
- Кабмин утвердил план мероприятий Международного десятилетия языков коренных народов России [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13679051> (дата обращения: 14.12.2022). [Kabmin utverdil plan meropriyatii Mezhdunarodnogo desyatiletiya yazykov korennykh narodov Rossii (The Cabinet of Ministers approved the action plan for the International Decade of Indigenous Languages of Russia)]. Retrieved from URL: <https://tass.ru/obschestvo/13679051> (accessed 14 December 2022).
- Казакевич О.А. Поддержка малых языков с помощью информационно-коммуникационных технологий: зарубежный опыт // Представление языков России и стран СНГ в российском сегменте Интернета. Семинар Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» в рамках Межд. конф. «EVA 2007 Москва». М: МЦБС, 2008. С. 15–26. [Kazakevich, Ol'ga A. 2008. Podderzhka malykh yazykov s pomoshch'yu informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii: zarubezhnyi opyt (Support of small languages with the help of information and communication technologies: foreign experience). *Sbornik dokladov v ramkakh Mezhd. konf. «EVA 2007 Moskva»*. 15–26. Moscow: МЦБС. (In Russ.)].
- Кибрик А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Теоретические проблемы социолингвистики. 2020. Т. 1. № 1. С. 17–28. [Kibrik, Andrej

- A. 2020. Preservation of linguistic diversity in Russia: Contours of the program. *Theoretical Aspects Of Sociolinguistics* 1 (1). 17–28. (In Russ.).
- Кириленко С. В. Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков) // Научный диалог. 2021. Т. 4. С. 97–111. [Kirilenko, Svetlana V. 2021. Three-Component System of Language Planning: A Case Study Tuvan, Kalmyk and Karelian. *Nauchnyi dialog* (4). 97–111].
- Козловский С.А. и др. «Википедия». Вводный курс. М: Астро Дизайн, 2020. 56 с. [Kozlovskii, Stanislav A. i dr. 2020. *Vikipediya. Vvodnyi kurs*. (Wikipedia. Introductory course). Moscow: Astro Dizain (In Russ.)].
- Коми кыв. Портал для изучения языка коми [Электронный ресурс]. URL: <http://komikyv.ru/> (дата обращения: 05.01.2023). [Komi kyv. Portal dlya izucheniya yazyka komi (Komi kyv. Portal for learning the Komi language)]. Retrieved from URL: <http://komikyv.ru/> (accessed 05 January 2023).
- Корпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири (RuTuBiC) [Электронный ресурс]. URL: <https://nekrasovaed3.wixsite.com/website> (дата обращения: 30.12.2022). [Korpus ustnoi rechi russko-tyurkskikh bilingvov Yuzhnoi Sibiri (Oral speech corpus of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia)]. Retrieved from URL: <https://nekrasovaed3.wixsite.com/website> (accessed 30 December 2022).
- Кужугет А.К. Перспективы тувинской «Википедии» // Новые исследования Тувы. 2012. Т. 2. С. 142–145. [Kuzhuget, Ali A. 2012. Prospects of Tuvan Wikipedia. *The New Research of Tuva*. 2. 142–145].
- Манджиева Ц.Д. Методы ревитализации языков // Вестник калмыцкого университета. 2021. Т. 4. № 52. С. 74–85. [Mandzhieva, Tsygana D. 2021. Language revitalization methods. *Bulletin of Kalmyk University* 52 (4). 74–85].
- Орехов Б. Сеть малых языков. Как социальные медиа помогают поддерживать культурное разнообразие [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/209490840.html> (дата обращения: 12.12.2022). [Orekhov, Boris. Set' malykh yazykov. Kak sotsial'nye media pomagayut podderzhivat' kul'turnoe raznoobrazie (Network of small languages. How Social Media Helps Support Cultural Diversity)]. Retrieved from <https://iq.hse.ru/news/209490840.html> (accessed 12 December 2022).
- Орехов Б. Языки России в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/408411/> (дата обращения: 12.12.2022). [Orekhov, Boris. Yazyki Rossii v Internetе (Russian languages on the Internet)]. Retrieved from URL: <https://habr.com/ru/post/408411/> (accessed 12 December 2022).
- Орехов Б., Решетников К. Государственные языки России в «Википедии». К вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве / под ред. Е. Г. Лапина-Кратасюк, Е. Г. Ним, О. В. Мороз. М: Новое литературное обозрение, 2016. С. 261–279. [Orekhov, Boris & Kirill Reshetnikov. 2016. *Gosudarstvennye yazyki Rossii v Vikipedii. K voprosu o setevoi aktivnosti minoritarnykh yazykovykh soobshchestv* (Official languages of Russia on Wikipedia. On the issue of network activity of minority lan-

guage communities). *Nastroika yazyka: Upravlenie kommunikatsiyami na postsovetском prostranstve*. In Lapina-Kratasyuk G. Ekaterina, Evgeniya G. Nim. & Oleg. V. Moroz (eds). 261–279. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).

Сăмахкун. Разговорный клуб чувашского языка [Электронный ресурс]. URL: https://nekrasovka.ru/articles/languageclubs/Chuvash_language (дата обращения: 21.12.2022). [Sămakhkun. Razgovornyi klub chuvashskogo yazyka (Samahkun. Speaking club of the Chuvash language)]. Retrieved from URL: https://nekrasovka.ru/articles/languageclubs/Chuvash_language (accessed 21 December 2022).

Себуанская «Википедия» [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%B1%D1%83%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 30.01.2023). [Sebuanskaya Vikipediya (Cebuano Wikipedia)]. Retrieved from URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%B1%D1%83%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F (accessed 30 January 2023).

Список Википедий [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F:%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 25.12.2022). [Spisok Vikipedii (Wikipedia list)]. Retrieved from URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F:%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B9 (accessed 25 December 2022).

Сидорова Е.А. Языковая ситуация в Чувашской Республике // Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве. Сборник материалов международной конференции (Якутск, 2–4 июля 2008 г.) / под ред. Е. И. Кузьмин. М.: МЦБС, 2010. С. 195–211. [Sidorova, Elizaveta A. 2008. Yazykovaya situatsiya v Chuvashskoi Respublike (Language situation in the Chuvash Republic)]. In Evgenii I. Kuz'min (ed), *Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii*. 280–285. Moscow: МЦБС. (In Russ)].

Тишков В.А., Акбев Х.М. «Народ не умирает с языком» или «Язык не живет без народа»? Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка // Смерть языка - смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / под ред. Е. Филиппова, С. Соколовский. М.: Горячая линия - Телеком, 2019. С. 19–39. [Tishkov, Valerii. A., Akbev Kh. M. 2019. «Narod ne umiraet s yazykom» ili «Yazyk ne zhivet bez naroda»? Dialog uchenykh o konflikte vokrug rodnogo yazyka («People do not die with language» or «Language does not live without people»? Dialogue of scientists about the conflict over the native language). *Smert' yazyka — smert' naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh* / In Filippova I. Elena.I. & Sokolovskii M. Sergei. Institut etnologii i antropologii RAN, Moscow: Goryachaya liniya — Telekom (In Russ)].

- «Удмуртдунне». Цифровое публицистическое издание на удмуртском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://udmdunne.ru/> (дата обращения: 28.11.2022). [«Udmurtdunne». Tsifrovoye publitsisticheskoye izdanie na udmurtskom yazyke («Удмуртдунне»)]. Retrieved from URL: <https://udmdunne.ru/> (accessed 28 November 2022).
- Хилханова Э.В. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (на примере бурятского языка) // Монголоведение. 2019. № 4. С. 967–988. [Khilkhanova, Erzhen V. 2019. The internet and minority languages of Russia: symbolic presence or a revitalization tool? (A case study of the Buryat language). *Mongolian Studies* 4. 967–988. (In Russ.)].
- Хисамитдинова Ф.Г., Мухтаров Т.Г. Функционирование языков в республике Башкортостан: проблемы развития башкирского языка как государственного // Проблемы востоковедения. 2016. Т. 1. № 71. С. 70–75. [Khisamitdinova, Firdaus D. & Mukhtarov, Timur G. 2016. The functioning of languages in the Republic of Bashkortostan: problems of development of the Bashkir language as State language. *The Problems of Oriental Studies* 71 (1). 70–75. (In Russ.)].
- Электронный корпус хакасского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://khakas.altaica.ru/> (дата обращения: 23.12.2022). [Elektronnyi korpus khakasskogo yazyka (Electronic corpus of the Khakas language)]. Retrieved from URL: <https://khakas.altaica.ru/> (accessed 23 December 2022).
- Яндекс. Как Яндекс научил машину самостоятельно создавать переводы для редких языков [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/company/yandex/blog/317910> (дата обращения: 23.12.2022). [Yandeks. Kak Yandeks nauchil mashinu samostoyatel'no sozdavat' perevody dlya redkikh yazykov (Yandex. How Yandex taught the machine to create translations for rare languages independently). Retrieved from <https://habr.com/ru/company/yandex/blog/317910/> (accessed 23 December 2022).
- Bot article creations only [Электронный ресурс]. Retrieved from URL: <https://stats.wikimedia.org/EN/BotActivityMatrixCreates.htm> (accessed 5 January 2023).
- Cenoz, Jasone & Durk Gorter. Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. 10 (38). 901–912. DOI: 10.1080/01434632.2017.1284855.
- Comajoan-Colomé, Llorenç & Serafín M. Coronel-Molina. What does language revitalisation in the twenty-first century look like? New trends and frameworks // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2021. 10 (42). 897–904. DOI: 10.1080/01434632.2020.1827643
- Moskvitcheva S. Prototypical Notions of Minority Languages in the Soviet Union and Russia: “Native Language” (rodnoj âzyk) and “National Language” (nacional'niy âzyk) // *Minority Languages from Western Europe and Russia: Comparative Approaches and Categorical Configurations Language Policy*. In S. Moskvitcheva, A. Viaut (eds). Cham: Springer International Publishing, 2019. (21). С. 49–67. DOI: 10.1007/978-3-030-24340-1_5.
- Moskvitcheva, Svetlana & Alain Viaut. 2021. The Need for Minority Languages in Borderland Conditions: Field Research Methodology. In Agranat, Tatiana & Dodykhudoeva, Leyli

- R. (eds.). *Strategies for Knowledge Elicitation*. 63–83. Cham: Springer. DOI 10.1007/978-3-030-79341-8.
- Orehov, Boris, Irina Krylova & Ivan Popov, et al. 2016. Russian Minority Languages on the Web: Descriptive Statistics // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2016»* 22 (15). 452–461.
- Paulston, Christina, Chen Pow & Mary Connerty. 1993. Language Regenesiis: A Conceptual Overview of Language Revival, Revitalisation and Reversal // *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 4 (14). 275–286. DOI: 10.1080/01434632.1993.9994535
- Vrandecic, Danny. 2021. Building a Multilingual Wikipedia // *Viewpoint*. 38–41. 64 (4). The Most Common Languages on Wikipedia [Электронный ресурс]. Retrieved from URL: <https://www.statista.com/chart/23920/most-common-languages-wikipedia/> (accessed 25 December 2022).
- Number of newspaper titles published in Russia in 2021, by language [Электронный ресурс]. Retrieved from URL: <https://www.statista.com/statistics/1197871/number-of-newspaper-titles-published-in-russia-by-language/> (accessed 25 December 2022).

История статьи / Article history:

Получена / Received: 15 декабря 2022 / 15 December 2022

Принята в печать / Accepted: 10 марта 2023 / 10 March 2023

Сведения об авторе:

Юлия Матвеевна АЛЮНИНА получила степень PhD по лингвистике в Люмьер Лион 2 (Université Lumière Lyon 2) во Франции и степень кандидата филологических наук по направлению «Теория языка» в России. Является ассистентом кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН и специалистом Научно-образовательного Института современных языков, межкультурных коммуникаций и миграций РУДН. Ее научные интересы включают лексическую семантику, цифровые методы в лингвистике, взаимодействие языка и культуры, контакты языков.

<https://orcid.org/0000-0002-4970-5584>

E-mail: aliunina-yum@rudn.ru

Bionote:

Yulia M. ALYUNINA holds a PhD in Linguistics from Université Lumière Lyon 2 in France and a degree (Candidate of Philological Sciences) in Language Theory in Russia. She is an assistant lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN, and a research specialist at the Research and Academic Institute of Modern Languages, Intercultural Communications and Migrations, RUDN. Her research interests include lexical semantics, digital methods in linguistics, language-culture interaction, and language contacts.

<https://orcid.org/0000-0002-4970-5584>

E-mail: aliunina-yum@rudn.ru

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-43-75

EDN: SFPPVU

Научная статья

Языковой сдвиг и практики ревитализации в современной Кашубии¹

Олександр ВАСЮКОВ

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Санкт-Петербург, Россия

Фонд культур народов Сибири

Фюрстенберг (Хафель), Германия✉ ovasiukov@eu.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современной языковой ситуации в Кашубии, этнокультурном регионе на севере Польши. В 2005 г. кашубы были признаны языковым региональным сообществом страны. На материалах полевой антропологической работы последних лет, которая ведется в местах компактного расселения кашубов, автор покажет опыт реализации языковых прав данной этнической группы. Исследование затронет как специфику функционирования кашубского в статусе регионального, так и влияние правового признания на интенсивность языкового сдвига в сообществе. Будет показано, как внедрение кашубского языка в систему администрации и образования повлияло на процесс кодификации его литературной нормы, а также какую реакцию в речевом сообществе вызывает единый наддиалектный стандарт кашубского, пропагандируемый этническими активистами. Читатели узнают, как за последние годы статус регионального языка позитивно повлиял на социальный престиж кашубского, но не смог приостановить его постепенное вытеснение польским. Материалы интервью, собранных с носителями языка, позволяют заключить, что сама идея регионального языкового сообщества сегодня все чаще подвергается критике в этнической группе как недостаточный инструмент защиты культурных прав кашубов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда культур Сибири (Фюрстенберг (Хафель), Германия)

© Васюков О.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: кашубы, кашубский язык, Польша, миноритарный язык, региональный язык, языковой сдвиг, языковая ревитализация

Для цитирования:

Васюков О.Д. Языковой сдвиг и практики ревитализации в современной Кашубии // Macrosociolinguistics and Minority Languages. 2023. Т. 1. № 1. С. 43–75. doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-43-75 EDN: SFPPVU

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-43-75

EDN: SFPPVU

Research article

The Language Shift and Revitalization Practices in Contemporary Kashubia²

Oleksandr VASIUKOV

European university at Saint Petersburg

Saint Petersburg, Russia

Foundation for Siberian Cultures

Fürstenberg / Havel, Germany

✉ ovasiukov@eu.spb.ru

Abstract. The paper is focused on the modern language situation in Kashubia, ethno-cultural region in the Northern Poland. In 2005 the Kashubians have been recognized as the regional linguistic community in Poland. Based on the materials of the anthropological field work of recent years, the author will show the experience of the language rights' realization in Kashubia. The study explores the specificity of functioning of Kashubian as regional language as well as the impact of the legal recognition on the intensity of language shift in the community. The author shows how the introduction of the Kashubian language into the system of administration and education has influenced the process of its literary norm codification. The paper highlights the reactions among speech community, caused by Kashubian literary standard, promoted by ethnic activists. The readers will learn how the status of regional language has positively influenced the social prestige of Kashubian in recent years, but failed to stop its gradual displacement by Polish language. The materials of the interviews, collected with native speakers, allow us to conclude that the very idea of

² The work was supported by a fellowship of the Foundation for Siberian Cultures (Fürstenberg/Havel, Germany)

a regional linguistic community is greatly criticized in the ethnic group today as an insufficient tool for protecting the cultural rights of the Kashubians.

Keywords: Kashubians, Kashubian language, Poland, regional language, language shift, language revitalization

For citation:

Vasiukov, Oleksandr. 2023. The language shift and revitalization practices in contemporary Kashubia. *Macrosociolinguistics and Minority Languages* 1 (1). 43–75. (In Russian). doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-43-75 EDN: SFPPVU

1. Введение

Кашубы — западнославянская миноритарная этноязыковая группа, компактно проживающая на севере современной Польши. Сообщество обладает уникальным юридическим статусом, являясь с 2005 года единственным в стране языковым региональным сообществом. Языковая специфика автохтонного населения Кашубии сегодня определяет перечень охраняемых государством культурных прав, что происходит на фоне интенсивного языкового сдвига среди кашубов и повсеместного перехода членов группы на польский. Сегодня в нашем распоряжении уже имеется опыт полутора десятилетий функционирования кашубского в статусе регионального языка и почти тридцати лет последовательной практики языковой кодификации, предпринимаемой местными активистами. Это позволяет нам подвести первые итоги реализации языковых прав кашубов, а также зафиксировать и описать реакцию членов речевого сообщества на программы сохранения и поддержки этнического языка.

Этническая идентичность и языковые процессы среди кашубов, коренного славянского населения Померании, давно привлекают внимание исследователей. Первые профессиональные этнографические и лингвистические описания кашубов появляются уже к сер. XIX (Szultka 1992: 12). Работы того времени представляли собой удивительный сплав научного и политического дискурса, отражающего конкуренцию польского и немецкого национальных движений за включение местного населения в свой состав. Большинство польских ученых конца XIX — начала XX в. болезненно реагировали на возможность признания кашубов отдельным народом, а кашубского — отдельным славянским языком. Стратегическая заинтересованность Польши в Поморье и многовековая борьба с немцами за выход к Балтийскому морю содействовали стремлению польских политических и научных элит изобразить кашубов в качестве исконно польского населения региона. К

20–30-м гг. XX в. в польской школе этнографии сложились достаточно четкие этнолингвистические классификации населения страны. Языковая близость кашубов и поляков (реальная или воображаемая) были главным аргументом в спорах политиков и ученых касательно определения кашубов и демонстрировалась как доказательство польской национальной идентичности местного населения. Так, в 1929 г. классик польской этнографии Адам Фишер писал: «Кашубы, верные своему языку, спасли для Польши доступ к собственному морю. Отсюда происходит легко понятная заинтересованность, с которой немцы оспаривают польскость этого населения» (Fischer 1929: 11).

После Второй мировой войны риторика описания кашубов несколько меняется. Коммунистическая власть наложила негласное табу на то, как и что можно было писать о кашубах. Кашубам отводилась роль этнографической группы поляков с яркой фольклорной и языковой спецификой. Именно в этот период мы получаем качественные диалектологические, лексикографические и грамматические исследования языка местного населения (Sychna 1967; Popowska-Taborska 1980; Treder 1981), что, однако, совпало с началом массового перехода этнической группы на польский язык. После упадка коммунизма появляются первые публикации, в которых можно было свободно писать о палитре этнонациональных и лингвистических идентичностей кашубского населения (Synak 1998; Latoszek 1996; Mordawski 2005). Сегодня в нашем распоряжении имеется определенный корпус качественных социологических, социолингвистических и антропологических исследований, в которых рассматриваются языковые процессы (Dołowy-Rybińska 2010) и этнический активизм (Dołowy 2008; Mazurek 2010; Bukowski 2016) в современной Кашубии. Внимание ученых объясняется присуждением кашубам статуса регионального языкового сообщества. Вместе с тем, у нас до сих пор нет обстоятельных исследований опыта реализации данного правового статуса и обеспечения языковых прав кашубов на практике. Целый ряд вопросов остаются открытыми: влияние статуса регионального языка на стандартизацию кашубского, языковой сдвиг в Кашубии и типы современных носителей кашубского, практики языковой ревитализации и внутригрупповые дискуссии о возможном повышении правового статуса кашубов как этнического меньшинства в стране. Надеемся, наша работа последних лет позволит заполнить эти лакуны и предоставит ценный материал для дальнейшего анализа как повседневных языковых практик кашубов, так и стратегий презентации идентичности среди миноритарных славянских сообществ Центральной Европы.

2. Методология исследования

Материал для данной статьи собирался в ходе полевой антропологической работы, которая протекает с 2019 г. на территории компактного расселения этнических кашубов в Поморском воеводстве на севере Польши. В ходе наших экспедиций нам удалось посетить все три исторических субрегиона Кашубии: северную Кашубию или Норды (каш. *Nôrdë*) (Пуцкий, Вейхеровский повяты³), центральную (Картузский, Лемборский повяты и Труймясто), а также южную (Косцежский, Хойницкий повяты). Работа проходила в двух десятках населенных пунктах, среди которых можно выделить как крупные городские центры региона (агломерация Труймясто (Гданьск, Гдыня, Сопот), Слупск), средние по размеру города и центры повятов (Вейхерово, Картузы, Косцежина, Реда, Румя и др.), так и малые города, и поселки, центры гмин⁴ (Брусы, Хель, Ястарня, Дземяны, Жуково); а также небольшие села (Тшепово, Кемблово, Дзержонжно и др.). Работа в различных регионах Кашубии была изначальной целью исследования, поскольку нам было важно зафиксировать возможное разнообразие мнений информантов, которые проживают как в урбанизированных центрах, так и глубинке, в этнически гомогенных общинах (например, в гмине Дземяны 97% — этнические кашубы, в гмине Картузы — 91%, в г. Брусы — 82%, в гмине Ястарня — 81%), так и в поселках исторической Кашубии, где коренное население и этнические кашубы сегодня составляют меньшинство (например, г. Прушч-Гданьский — 8%, Слупск — 3,5%). (Mordawski 2018: 48)

Основными методами сбора материала являлись глубинное полуструктурированное интервью с этническими кашубами, включая носителей языка и языковых активистов, а также наблюдение за языковыми практиками информантов и изучение языкового ландшафта региона. Исходя из предмета нашего исследования, первоначальными информантами для нас в основном являлись этнические и языковые активисты, которые, будучи непосредственными участниками языкового строительства в Кашубии, отличаются высоким уровнем рефлексии по поводу языковых процессов и лингвистической идентичности в своей этнической группе. Позже, следуя методу «снежного кома», мы постепенно расширяли круг информантов за счет носителей кашубского языка разного типа, не ангажированных в социальный активизм.

³ Повят — средняя единица админ-тер. деления Польши, рангом ниже, чем воеводство, но выше, чем гмина.

⁴ Гмина — самая низшая единица админ-тер. деления Польши.

В качестве теоретической рамки нашего исследования выбрана теория языковой политики и языкового планирования. Прежде всего, мы опираемся на модель языковой политики Бернарда Спольски (2004), который разделяет ее на три составляющих компонента: 1) языковую практику — привычный образец выбора среди нескольких разновидностей, составляющих лингвистический репертуар конкретного речевого сообщества; 2) языковые убеждения или языковую идеологию — убеждения относительно языка и его использования; 3) языковое планирование (*language planning*) или управление языком (*language management*) — любые конкретные усилия по изменению или влиянию на языковую практику (Spolsky 2004: 5). Важным теоретическим инструментом для нас является концепция языкового сдвига, описывающая ситуацию отказа общности от использования старого языка и переход на новый, что может сопровождаться длительным периодом двуязычия (Дориан 2012: 382). Антропологическая перспектива настоящего исследования дополнена рядом конструктивистских теорий этничности. Особенное влияние на нас оказали идеи норвежского социального антрополога Фредрика Барта, согласно которому этнические группы могут мыслиться как формы социальной категоризации, главным признаком которой является приписывание идентичности себе и приписывание ее другим (Барт 2006: 15), а также американского социолога Роджерса Брубейкера, утверждающего, что этнос не является «коллективной личностью» с присущей ему единой идентичностью, интересами и стратегиями, но, скорее, результатом определенного политического проекта, конкретного дискурсивного фрейма (Брубейкер 2012: 47). Этим во многом объяснялась наша ставка на языковых активистов в качестве информантов, поскольку именно они являются «антрепренерами», создающими и распространяющими особые этнизирующие фреймы.

В структурном плане статья включает в себя три блока, последовательно описывающих численность, расселение, законодательный статус кашубов, а также дилемму этноязыковой идентичности, с которой сталкиваются члены исследуемого сообщества; специфику языкового сдвига в Кашубии, традиционные языковые иерархии в регионе и роль государственной школы в процессе языковой ассимиляции кашубов, а также современные вызовы, стоящие перед активистами языковой ревитализации в Кашубии, и рецепцию членов речевого сообщества на пропагандируемый активистами литературный стандарт кашубского языка. Все фотоматериалы, иллюстрирующие положения текста, сделаны автором в ходе полевой работы.

3. Кашубы как языковое региональное сообщество Польши

Вплоть до начала XIX в. в польском политическом и научном дискурсе кашубы описывались преимущественно в качестве этнографической группы поляков, говорящих на одном из самых архаичных диалектов польского языка — кашубском. Традицию научного исследования кашубов можно проследить к сер. XIX в. Именно тогда первые филологи, этнографы и историки заинтересовались культурой автохтонного населения Померании. Первоочередной задачей исследователей этого периода было стремление выяснить, кем же являются кашубы на самом деле: славянизированными немцами, онемечившимися поляками или отдельным западнославянским народом? Вероятно, подобный интерес отображал конкуренцию польского и немецкого национальных движений за коренное население Поморья. Кашубы, будучи сообществом, которое проживало в обширной зоне польско-немецкого культурного контакта, часто сочетали в себе более одной этнической идентичности и владели сразу несколькими языками.

К 20–30-м гг. XX в. в польской школе этнографии сложились довольно устойчивые этнолингвистические классификации населения страны, в которых возможность признания кашубов отдельным народом, а кашубского — отдельным языком воспринималась достаточно болезненно. Стратегическая заинтересованность Польши в регионе Поморья, дававшему выход в Балтийскому морю, а также языковая близость польского и кашубского (не важно, реальная или воображаемая) были главными аргументами в споре политиков и ученых о классификации кашубов. Первому поколению польских этнографов-систематизаторов (Юзеф Обрембски, Ян Быстронь, Станислав Понятовски и др.), удалось на десятилетия сформировать воображаемый этнический ландшафт и таксономию поляков. Стремясь вписать кашубов в общие классификационные этнические системы Польши, ученые вынуждены были признавать их наибольшую специфичность и максимальную культурную отдаленность в сравнении с другими группами поляков. Пытаясь найти причины хорошей сохранности специфических культурных черт и вернакулярных представлений об этнической особенности кашубов, этнограф Я. Камоцки, объясняет это отсутствием в регионе на протяжении долгого периода значительного слоя интеллигенции, которая в качестве национальных «агитаторов» была бы носителем общепольских идей (Kamocki 1992: 113).

Тем не менее, материалы нашей полевой работы показывают как множественную природу этнической идентичности современных кашубов,

так и острую внутригрупповую дискуссию, связанную с практиками национального самоопределения. Поскольку данная проблема не имеет прямого отношения к предмету нынешней статьи, лишь отметим, что мы зафиксировали значительный уровень биэтнической идентичности у современных кашубов. Большинство наших информантов считают себя или поляками и кашубами одновременно, или же поляками с особым региональным языком.

«У нас нет чувства кашубской национальности. И несмотря на то, что мы говорим по-кашубски, что это чувство кашубской идентичности очень сильно для меня, мы все равно — поляки. Я не чувствую, чтобы это было моей национальностью. Я не чувствую, чтобы мы были отдельным народом. Мне всегда говорили, что я полька...» (ж., кашубка, 37 л., Гданьск)

При этом мы не можем не отметить рост численности людей, которые считают себя представителями отдельного безгосударственного славянского народа в Польше.

«Мне больше всего соответствует (odpowiada) слово «народ». Мы народ, а значит имеем все то, что определяет народ. По моему убеждению, это общее происхождение, общая судьба и общие... общие цели на будущее. И, по-моему, у нас все это есть». (м., кашуб, 28 л., Гдыня)

Пока заявления таких информантов вызывают неоднозначную реакцию как внутри этнической группы, так и за ее пределами. Однако с уверенностью можно констатировать, в современной Кашубии уже сформировалось общественное движение за признание кашубов этническим меньшинством на законодательном уровне, что подробно рассматривается нами в отдельном исследовании (Васюков 2019: 189–193).

Данные наблюдения подтверждаются результатами государственной переписи населения. В качестве отдельной от поляков этнической группы кашубы впервые стали учитываться в 2002 г. Тогда всего 5,1 тыс. человек назвали себя кашубами, при этом 56 тыс. указало кашубский в качестве языка домашнего общения. В 2011 г. усовершенствованно методика переписи, позволявшая респондентам указывать более одной этнической идентичности, обнаружила около 233 тыс. кашубов в стране, из которых 16 тыс. (7% от группы) назвали себя только кашубами, тогда как остальные указали две этничности (в основном, кашуб-поляк или поляк-кашуб) (Narodowy Spis 2015: 33). При этом по оценкам этнографов и социологов, количество этнических кашубов в Польше сегодня превышает более полумиллиона. По оценкам Марека Лятошека, на конец

1980-х гг. в регионе Гданьского Поморья проживало около 0,5 млн кашубов (Łatoszek 1996: 12). Исследование Яна Мордавского от 1997–2004 гг., которое включало в себя масштабное анкетирование и анализ послевоенной миграции населения в Кашубии, показывает, насчитало 566 тыс. кашубов, которые в ряде повятов Поморского воеводства должны составлять большинство или заметное меньшинство: в Картузском (83,8%), Пуцком (64,6%), Косцежском (61,4%), Вейхеровском (47,9%), Бытовском (34,9%), Гданьском (21%) (Mordawski 2005: 43). Как видим, переписи населения не видят до половины этнической группы, что может объясняться спецификой польской переписи населения, умышленным сокрытием частью респондентов своего кашубского происхождения, а также отсутствием устойчивой традиции по декларации своей этничности как кашубской.

Подавляющее большинство кашубов (98%) проживает в пределах Поморского воеводства (Narodowy Spis 2015: 47) на севере страны. Именно этот регион, наряду с Силезским и Опольским, входит в тройку воеводств страны с наибольшим числом населения, имеющего непольскую или двойную (польская+непольская) этническую идентичность (Narodowy Spis 2015: 45). Кашубы — преимущественно сельское население, лишь 35,4% из них проживает в городах (Narodowy Spis 2015: 50). При этом значительное присутствие кашубов заметно лишь в небольших городках и поселках Кашубии с населением менее 50 тыс. чел.: Картузы (92% из 19 тыс. человек), Косцежина (82% из 23 тыс. человек), Пуцк (71% из 11 тыс. человек), Вейхерово (41% из 49 тыс. человек) (Narodowy Spis 2015: 48).

Все информанты, с которыми нам удалось поработать, в том числе и те, кто считает кашубов поляками, идентифицировали идиом своей группы в качестве отдельного языка. Более того, многие информанты крайне болезненно относились к восприятию кашубского языка диалектом или говором польского. Кажется, мы фиксируем достаточно четкий консенсус по этому вопросу в этнической группе:

«Для меня очевидно, что это язык, а не диалект... потому что... потому что сообщество, которое говорит на нем, так решило. А что говорит большинство... что ж... это уже дело самого этого большинства». (ж., кашубка, 46 л., Гданьск)

Возможно, на подобную лингвистическую идеологию (Silverstein 1979: 193) в сообществе мог повлиять опыт функционирования кашубского в статусе регионального языка Польши. В 2005 г. кашубы были признаны языко-

вым региональным сообществом. Теперь гмины, в которых, согласно переписи населения, количество этнических кашубов превышает 20%, могут признавать кашубский языком-помощником (Ustawa 6.01.2005). Подобный юридический статус позволил выделять финансирование на школьное преподавание языка, делопроизводство и установку двуязычных дорожных указателей на кашубском (Bukowski 2016: 91–93). В свою очередь, законодательное признание кашубского, его внедрение в систему администрации и образования интенсифицировало кодификацию литературной нормы для языка, который десятилетиями функционировал как средство почти исключительно устной коммуникации.

Вместе с тем, юридическое признание кашубского и его стандартизация пришлось на период интенсивной языковой ассимиляции, которую переживает этническая группа. Сегодня достаточно трудно оценить реальное количество носителей кашубского языка. Это объясняется как сложностью определения и субъективностью границ «носитель – полуноситель», так противоречивыми данными специальных социолингвистических исследований. Результаты переписи (2011) показывают, что 108 тыс. чел. указало кашубский языком домашнего общения (Narodowy Spis 2015: 70). При этом общие оценки этнографов и социологов сходятся на том, что около 2/3 этнической группы или примерно 300 тыс. чел. сохраняет ту или иную степень владения языком.

Согласно предположениям социолингвистов, сегодня кашубским языком может владеть от 80% до 64,5% этнической группы (Dołowy-Rybińska 2010: 52). Как показало масштабное анкетирование Яна Мордавского, проведенное в 2005г., лишь 80,9 тыс. чел. говорят по-кашубски ежедневно (14,2% от этнической группы) и еще 41 тыс. (7,3%) говорят часто. Большая же часть носителей языка прибегает к нему изредка (113 тыс. — 19,9%) или же почти никогда (131,5 тыс. — 23,1%) (Mordawski 2018: 46). Обратим внимание, что это результаты анкетирования, а значит — не более чем отражение субъективных оценок членов речевого сообщества, но не подтвержденная наблюдением языковая практика конкретных респондентов. Опираясь на материалы нашей полевой работы, а также огромный корпус работ из области оценки языковой ситуации, признаем, что информанты часто стремятся завысить как свой уровень владения языком, так и регулярность его использования. Лингвистические антропологи отмечают, что принадлежность к языку часто означает для информантов, скорее, принадлежность к группе, чем реальную языковую компетенцию (Иванс 2012: 498).

Скорее всего, даже такие цифры являются оптимистичными. Экспертные оценки, которые нам удалось собрать в ходе полевой работы от языковых активистов и исследователей, позволяют заключить, что сегодня активных носителей кашубского языка, которые говорят на нем в кругу семьи, насчитывается от 40 до 60 тыс. чел. Главным образом, это представители старшего поколения, а значит, языковая ситуация в Кашубии будет и дальше стремительно меняться в сторону польского монолингвизма, если срочно не предпринять эффективных программ ревитализации. Наше наблюдение за языковыми практиками жителей Кашубии показало, что уже во многих местах компактного проживания сообщества, а порой даже в этнически гомогенных селах, где численность кашубов превышает 90%, сегодня уже трудно услышать спонтанную бытовую речь на этом языке. В целом ряде мест, где мы работали, единственной средой, где продолжал воспроизводиться кашубский язык была школа (уроки кашубского) или же (реже) собрания этнических активистов. Таким образом, мы можем констатировать глубокий языковой сдвиг в этнической группе, а также попытаться описать его специфику среди кашубов.

4. Траектории языкового сдвига в Кашубии

Уже первые профессиональные исследования этнографов и филологов, работавших в Кашубии содержат свидетельства ассимиляции кашубов в немецкую или польскую языковую среду. Так, в 1856 г. в регионе работал молодой славист Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872), посетивший в ходе своей экспедиции практически весь кашубский этнический ареал. Результатом его исследований стала публикация в 1862 г. работы «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря», в которой ученый отмечал: «Язык кашубов и померанских словинцев есть последний живой остаток прибалтийского наречия, объем которого в средние века был, по крайней мере, равен объему наречия польского, но которое несчастные обстоятельства мало-помалу стерли и стирают с лица земли» (Гильфердинг 1862: 80–81). Труд Гильфердинга содержит многочисленные и бесценные для нас описания функционирования кашубского языка, его социального статуса и престижа в этнической группе, а также места в языковой иерархии региона на сер. XIX в.

Так, мы видим, что уже тогда кашубский язык воспринимался местным населением как сельский, непрестижный идиом, на котором не следует говорить образованному человеку: «...здесь везде немецкий язык заменяет

славянский в молодом поколении. В местечке Леба, лежащим у истока Лебского озера в море и ведущем довольно значительную торговлю, многие из простонародья знают еще по-кашубски, особенно люди пожилые, но стыдятся этого языка и публично говорят почти только по-немецки» (Гильфердинг 1862: 32). Языковые иерархии того времени формировались под влиянием и во много отражали иерархии социальные. Класс помещиков в Кашубии составляли в основном этнические немцы и поляки, среди которых ученый фиксировал наиболее уничижительные оценки кашубского: «Кашубская речь есть испорченный говор черни: как можно вельможным панам заниматься низким простонародьем и его грубою речью? (...) В разговоре со мной они даже выражали полунасмешливое удивление тому, что я находил кашубов и кашубское наречие заслуживающим изучения» (Гильфердинг 1862: 14). Гильфердинг сохранил для нас целые списки деревень, где он встречал последних пожилых носителей кашубского языка. Вместе с тем порой складывается впечатление, что ученый несколько преувеличил угрозу языкового сдвига среди кашубов. В описании этнической группы, которая испытывает «на глазах наших вымирание», а кашубского языка как исчезающего буквально «ежедневно» (Гильфердинг 1862: 5) нас убеждают, что в целом ряде мест Кашубии, особенно среди самых западных этнографических групп кашубов — словинцев и кабатков, уже через 20–30 лет не останется говорящих по-кашубски. Однако даже среди словинцев последних носителей фиксировали и в начале XX в., и после Первой мировой войны, и даже в 1950-е гг. Хотя, как показывает исследование Масталерж-Кристьянчук, «обнаружение» очагов кашубского языка среди словинцев в первые послевоенные годы могло быть и сильно преувеличенным. По результатам Второй мировой войны Польша приобрела контроль над всей этнической Кашубией, а славянская языковая практика местного населения была необходима новой администрации в качестве свидетельства польского национального самосознания словинцев. На основании языка словинцы должны были стать витриной славянскости/польскости приобретенных территорий, легитимирующей включение Западного Поморья в состав Польши (Mastalerz-Krystjańczuk 2019). В связи с этим в польской послевоенной публицистике был крайне высокий запрос на кашубский «языковой оазис» среди словинцев.

Работы Гильфердинга, как и его коллег (Szulłka 1992: 67), содержат отчетливый алармистский дискурс: традиционные культуры и народы вырождаются, хиреют и исчезают. Как отмечает Джеймс Клиффорд, заявления об исчезновении культур, языков и диалектов в момент, когда они впервые

описывались посторонними наблюдателями, — это центральная для западной этнографии риторическая фигура (Клиффорд 2014: 109). Тем не менее, языковой сдвиг среди кашубов является социальным фактом и его истоки можно проследить не позже сер. XIX в.

До конца Второй мировой войны языковая ситуация в Кашубии характеризовалась функционированием не менее четырех языковых кодов, которыми в разной степени владело большинство этнических кашубов. Внизу языковой иерархии традиционно находился локальный вариант кашубского, который в виде одного из многочисленных диалектов или говоров был основным языком внутрисемейного и соседского общения. Литературный немецкий долгое время, а в некоторых районах Кашубии вплоть до конца Второй мировой войны, был языком школы и администрации. Многие кашубы также владели и каким-либо локальным вариантом нижненемецкого, на котором общались с многочисленным немецким населением Померании, потомками средневековых колонистов-переселенцев. Будучи католиками, кашубы также постоянно слышали польский язык в костеле, а после 1920 г., когда часть региона вошла в состав Польши, он становится и языком политической власти (Zieniukowa 2009: 261–263).

«Моя бабка, помню, польского не знала. Только кашубский и немецкий. По-кашубски дома говорила, в семье. А по-немецки — если в город выбиралась, на рынок там...» (ж., кашубка, 36 л., Слупск)

Языковая картина региона радикально меняется после 1945 г., когда значительное число немецкого населения Поморья было депортировано, а вся этническая Кашубия окончательно вошла в состав Польши. Традиционная полиязычность кашубов сменяется кашубско-польским билингвизмом, носящим очевидно несимметричный характер. Языком администрации, школы, костела и СМИ становится исключительно государственный польский. Как отмечает Ханна Макурат, польский имел все преимущества как язык престижный, официальный, знание которого является обязательным для нормальной жизни в Польше (Makurat 2006: 109). Кашубский, которому отводилась роль архаичного диалекта, преподносился как не более чем средство выражения фольклорной специфики автохтонного населения региона. Именно в этот период происходит стремительное исчезновение некогда многочисленных диалектов кашубского языка, постепенно прекращается его межпоколенческая передача.

Основываясь на собранных в ходе полевой работы материалах, особенно наших семейных интервью, можно утверждать, что последнее поколение моноязычных или двуязычных, но не говорящих по-польски, кашубов ушло примерно к 1970–80-м гг., а наш опрос среди школьных учителей показал, что дети, свободно говорящие на кашубском как на первом, перестали приходить в школу еще с начала 1990-х гг.

«Родители работали и нас воспитывала сестра деда. Мы называли ее просто тётей. Она вообще польского не знала... Родилась еще до Первой мировой войны. В костеле она, конечно, слышала польский, но не говорила... И когда мой отец хотел позлить её, он всегда обращался к ней по-польски. Она этого терпеть не могла (смеется)». (м., кашуб, 54 г., Картузы)

В ходе наших интервью современные носители также отмечают низкий престиж родного языка как внутри сообщества, так и за его пределами.

*«Еще до этого закона был какой-то стыд... мол, это какой-то диалект. **На нем стыдно было говорить. Только дома...** а сейчас это тоже есть, но уже меньше».* (ж., 42 г., Картузы)

*«**В хлеве со свиньей можно было говорить по-кашубски...** а чтобы ученый человек... этого себе невозможно было представить».* (м., кашуб, 36 л., Вейхерово)

Таким образом, информанты последовательно описывают ситуацию диглоссии, или сосуществования двух вариантов языка (кашубский прежде считался диалектом польского), четко размежеванных по функциональной сфере и престижу (Фергюсон 2012: 44). Многими информантами кашубский преподносился или описывался как воспринимаемый в качестве деревенского языка, который должен остаться в пределах родного поселения, если кашуб выезжает в город. В ходе наблюдения мы не раз замечали, как в городском пространстве у информантов происходило переключение на польский язык. На польский переходили даже те, в чьих семьях кашубский до сих пор основной язык общения. Порой мы фиксировали, как информанты старались понижать тон своего голоса, если мимо нас проходили прохожие, например, на улицах Гданьска. Чаше всего мы специально не акцентировали на этом внимание наших собеседников и не задавали уточняющих вопросов, чтобы не спровоцировать внутреннюю рефлексию информантов, способную исказить их привычные языковые практики. Но полагаем, это связано с тем, что наши информанты старались избежать внимания окружающих к своей речи.

Наблюдая за тем, как информанты выстраивают актуальные для себя социальные границы мы не раз сталкивались с ситуативной трактовкой «своего» и «чужого». Практически для всех наиболее актуальной границей оказывалась черта, разделяющая городское пространство как территорию образования и цивилизации, где безгранично властвует польский язык и культура, где необходимо быть и вести себя “как поляки”, от деревни, где можно «быть собой». Кашубы — преимущественно сельская этническая группа, две трети которой проживает в селах и небольших поселках. Отсюда граница, как этническая, так и языковая, по линии «кашубское/некашубское» прочно ассоциируется с границей «город/деревня». И хотя сегодня жизнь многих кашубов намного сильнее связана с крупным городом, чем еще совсем недавно (многие из них учатся и работают в Гданьске и Гдыне), традиционный стереотип, что кашубский — это язык деревни, очень устойчив и, как мы заметили, продолжает прививаться молодому поколению:

«Наши школьные учителя говорили нам: «Не говорите по-кашубски в Гданьске. Иначе к вам отнесутся как к деревенщине». (м., кашуб, 25 л., Вейхерово)

По свидетельствам очевидцев, уже в 1950–1960-е гг. начинается процесс массового и повсеместного прекращения межпоколенческой передачи кашубского языка. Как заметила одна наша информантка, уроженка центральной Кашубии (из-под Картуз):

«Поколение моих родителей, 70-летние и старше, не передали язык своим детям... Они даже не имели такого намерения... Это, конечно, лишь мои наблюдения как журналистки и жительницы Кашуб, но, думаю, что это касается почти 90% семей здесь». (ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Низкий престиж кашубского влек за собой слабую языковую лояльность в сообществе. В речевом сообществе язык постепенно получал оценку как «бесполезного». Владение кашубским не считалось достоинством. Поколение, свободно владеющее идиомом и пользующееся им в разговорах между собой, оценивало знание языка не как дополнительный ресурс, а как признак отсталости и нецивилизованности.

«Мы в семье не говорили по-кашубски, но постоянно слышали, как мама говорила с тетей, бабушкой, соседками по-кашубски... Все время была такая установка, что... все это поколение считало, что обучение ребенка кашубскому его испортит». (ж., кашубка, 31 г., Гданьск)

Но как показывают материалы наших интервью, интенсивность языкового сдвига среди кашубов объясняется не только традиционно низким престижем кашубского в сообществе, но также и последовательная языковая, культурная и образовательная политика государства. После трагических событий Второй мировой, включая геноцид еврейского населения, последующую утрату обширных восточных регионов, населенных литовцами, белорусами и украинцами, а также депортацию этнических немцев, Польша воспринимала себя как гомогенное национальное государство.⁵ Как отмечает Эйнар Хауген, внутренняя логика национального государства состоит в том, чтобы минимизировать внутренние различия и максимизировать внешние. Идеал нации – внутренняя сплоченность и внешняя разделенность (Хауген 2012: 104). Государство очень быстро улавливает тревожные сигналы языкового сепаратизма, поэтому группы населения, чьи языковые практики и идентичность не вписываются в унифицирующие рамки нации, становятся объектом языкового переучивания. Это должно было особенно ярко проявиться в регионах, окончательно вошедших в состав Польши лишь после Второй мировой войны. Полевой материал обнаруживает живую память этнической группы о практиках языковой гомогенизации, реализуемой государством в течении всей второй половины XX в.

«Родителям говорили... годах в 1950-1960-х... что дети должны правильно учиться говорить по-польски, потому что детям будет сложнее в школе, если придут в школу, не зная правильного польского. Это было довольно забавно, ведь большинство родителей тут на Кашубах... того поколения предвоенного... польский был для них как иностранный. И они пытались правильно говорить с детьми. Конечно, говорили они неправильно. Собственно, они сами учились польскому от своих детей, которые позже шли в школу». (ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Как видно, одним из наиболее эффективных инструментов подобного «языкового перевоспитания» миноритарных приграничных сообществ являлась государственная школа. Многочисленные интервью показывают, как школа была ведущим государственным унифицирующим институтом, провоцирующем рефлексию о собственной культурной «инаковости» информантов. Особенно острым такое свывание со своей этничностью было у

⁵Понятие «национальное государство» нами заимствуется из классических модернистских теорий национализма. Так, Эрнест Геллнер подразумевал под ним исторически новый тип организации обществ, в котором государство ассоциируется с единой высокой стандартизированной культурой (Геллнер 1991: 51).

представителей старшего поколения, для которых кашубский был первым языком, а встреча со школой — этапом «переучивания правильному языку». Когда о школе говорят в прошедшем времени, пусть это будет даже начало 2000-х, она неизменно описывается как пространство, где нет места ничему кашубскому. Ни один информант, который получил образование до развала коммунизма, не смог вспомнить хоть один школьный праздник или концерт, где бы как-то подчеркивались этническая специфика региона. Один активист, описывая свои школьные годы (конец 1970-х), напоминает:

*«Я в школе никогда не слышал кашубский. С нами всегда говорили по-польски. Но однажды... мы поехали на какую-то экскурсию... и **учитель заговорил с хозяином по-кашубски. Я был шокирован**, что он может говорить по-кашубски. Думаю, большинство учителей знали язык, но специально с нами не говорили».* (м., кашуб, 54 г., Картузы)

Кашубский преподносился школой как нечто архаичное, что не может быть частью жизни современного, образованного человека.

«Случалось, мне мама рассказывала, что кашубский язык отождествлялся с... деревенщиной, с необразованностью. Учителя ее часто исправляли: «Не говори так! Говори по-польски правильно! Не говори, как село». Это остается в людях... Люди сами начинали стесняться говорить по-кашубски». (ж., кашубка, 35 л., Гданьск)

Наш полевой опыт среди других миноритарных этнических групп страны позволяет говорить, что подобное отношение к локальным идиомам было типичным явлением для польского общества во втор. пол. XX в. Во время работы среди силезцев на польско-чешском пограничье наши информанты делились удивительно близкими воспоминаниями:

«Я помню свою школу... Это был урок польского языка, нам что-то рассказывали о диалектах. Учительница говорила о мазурском, кашубском диалекте... о других. И тут я спрашиваю ее: «А как же наш говор [gwara]?». И тогда учительница ответила, что раньше был такой диалект... силезский... но только в селах, и только неграмотные люди говорили на нем. Мне это было так обидно... Ведь на этом языке я говорил со своей бабушкой и дедушкой...» (м., силезец, 61 г., Катовице)

Схожесть социолингвистической ситуации в сельской Кашубии и индустриальной Силезии, которая в тот момент испытывала экономический подъем, позволяет предположить, что в Польше того времени отсутствовала

«кашубофобия» (и «силезофобия») как таковая. А терминология, применяемая информантами: (*«niepoprawna polszczyzna», «niepoprawnie mówić po polsku»*) – «неправильный польский», «неправильно говорить по-польски»), позволяет предположить, что угнетению подвергался не столько кашубский как таковой, сколько тот самый «неправильный польский». Сведение кашубского языка к функциональному статусу диалекту позволяло воспринимать его как рудимент, сохранившийся в необразованных сельских массах. В свою очередь, это делало его исчезновение понятным, естественным, а порой даже желаемым. Размышления информантов позволяют пролить свет на ту мотивировку, которой руководствовались школьные учителя, будучи инструментом ассимиляции. Вытравливая из детей все кашубское, уча их тому, как «говорить по-польски правильно», учителя полагали, что действуют во благо ребенка, приобщают его/ее к более престижной стандартизированной культуре, которая открывает перед детьми больше перспектив.

«Во времена ПНР (Польской Народной Республики) те учителя, которые били за разговор по-кашубски, это же тоже часто были кашубы, которые хотели... ну имели такой идеологический подход, что кашубский язык — это что-то такое, что должно вымереть, что он нам мешает... и они часто очень грубально относились из-за этого к детям». (м., кашуб, 48 л., Вейхерово)

Последняя цитата затрагивает болезненный образ кашубского учителя, который стал орудием полонизации. Иногда в ходе интервью нам рисовали достаточно яркий образ национального предателя, ренегата. Информанты с осуждением и пренебрежением описывали конкретные случаи, когда такие учителя после упадка коммунизма резко меняли амплуа и включались в этнический активизм, становясь пионерами возрождения и преподавания родного языка.

«Может быть, это такое стремление с их стороны к искуплению свои дел... сделать что-то лучше, но я знаю, так как разговаривал с людьми, которые помнят про тех учителей, потому что сами были их учениками... и они говорят с таким огромным сожалением... «Для чего этот учитель теперь так хвалится тем, что выдал какую-то кашубскую книжку, почему он так гордится, что организовал какое-то мероприятие? Я же помню, что он нас бил за это». (м., кашуб, 28 л., Гдыня)

Одна из предыдущих цитат поднимает тему физического насилия за употребление родного языка. Сразу несколько информантов разных поколений рассказывали нам о насильственных практиках образования и вытеснения «низкой» кашубской культуры. Не раз мы слышали о том, как учителя били линейкой по рукам за разговор по-кашубски.

«Инф.: Когда была коммуна, кашубский подавляли... Били в школах линейкой... И мои родители, они как раз учились в то время, они не научились кашубскому. Незнакомый мужчина рядом (около 60 лет): Но после войны уже никого не били... если кто по-кашубски разговаривал.

Инф.: Били, били! Моим родителям 50. Их били. Отца били». (м., кашуб, 18 л., Брусы)

Обращение к сравнительному материалу других языковых меньшинств (Баранова 2010: 245) позволяет предположить, что упоминание телесных наказаний за использование родного языка может быть отдельным риторическим приемом в дискурсе сообщества. Более того, симптоматично, насколько неизменным может транслироваться образ школьного насилия по поводу языка даже в одном и том же сообществе. Читая описания Гильфердинга («... в их школах бьют детей за каждое слово, сказанное друг дружке по-славянски», «что касается сечения в школе за слово, произнесенное по-кашубски, то оно господствует и в Клечицах, как сказывал мне тамошний мальчик по собственному опыту») (Гильфердинг 1862: 27), мы не раз поражались их схожести с современными нарративами наших информантов, представленными выше.

Парадоксальная перемена заключается в том, что если в прошедшем времени о школе говорят как об институте по “перековке” кашубов в поляков, как об инструменте ассимиляции, то сегодня, в условиях далеко зашедшего процесса языкового сдвига в сообществе, именно школа воображается как последнее прибежище этнической культуры. В ситуации, когда межколоненческая передача языка практически прекратилась, именно от школы активисты ожидают ведущую роль в сохранении языка. Примечательно, что зачастую речь идет об одних и тех же («посткоммунистических») школах, которые пытаются вписаться в новый тренд ревитализации. Как показывает наше включенное наблюдение в школах, уже сегодня в ряде мест Кашубии школа осталась единственным пространством, где еще продолжает звучать кашубская речь.

«Наверное, если бы кашубский не изучался в школе, то у него бы не было ни единого шанса сохраниться». (ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

5. Возрождение кашубского: языковая стандартизация и критика сообщества

Первые последовательные попытки приостановить процесс языкового сдвига среди кашубов начались задолго до признания кашубского языка региональным в Польше в 2005 г. Во многом это было связано с изменением политического режима и трансформацией общепольской общественной дискуссии касательно этнического и лингвистического разнообразия в стране. Так, еще в 1991 г. кашубский язык впервые в истории появился как предмет школьного преподавания. Тогда группа из чуть более 20 детей его начала изучать в гимназии южнокашубского городка Брусы. Уже через несколько лет активистами языковой стандартизации был принят единый унифицированный для всех диалектов алфавит кашубского языка. В 2006 г. был создан орган, регулирующий процесс кодификации литературной нормы кашубского — Совет по кашубскому языку, куда вошли как профессиональные филологи, так и участники этнорегионального движения. Совет ежегодно издает отчетный бюллетень, в котором публикуются рекомендательные нормы для орфографии, терминологии и словотворчества формирующегося наддиалектного стандарта. В 2012 г. при филологическом факультете Гданьского университета создан Центр кашубского языка и культуры, который выпускает специалистов по направлению «кашубская этнофилология». Подразумевается, что это будет ведущий центр по подготовке кадров в области преподавания кашубского в регионе.

Рис. 1. Урок кашубского языка в селе Дземяны (Южная Кашубия)

Figure 1. The Kashubian lecture in Dziemiany village (Southern Kashubia)

Поскольку сегодня в нашем распоряжении уже имеется практически тридцатилетний опыт школьного преподавания кашубского языка, мы можем подвести определенные итоги этой практики, как и зафиксировать реакцию на нее в самом речевом сообществе. Сегодня кашубский язык изучает порядка 20 тыс. школьников практически на всей территории этнической Кашубии. Однако материалы наших интервью с языковыми активистами и педагогами, а также включенное наблюдение в нескольких школах с преподаванием кашубского, общение с учениками и их родителями показывают, что внедрение кашубского в систему школьного преподавания существенно не повлияло на приостановление языкового сдвига в сообществе, хоть и повысило уровень социального престижа у этнического языка. Во всех школах региона кашубский изучается как факультативный предмет и в среднем его изучение выбирает всего от трети до половины учеников класса, даже в этнически гомогенных селах. Наше наблюдение во время уроков зафиксировало, что чаще всего кашубский преподается по методике иностранного языка. Языком инструкции выступает польский. Порой лекции кашубского скорее напоминают этнорегионоведение, на котором дети время от времени поют с учителем песни на кашубском языке. Это мало способствует формированию у учеников высокой языковой компетенции. Многие изучающие кашубский язык дети, с которыми нам удалось побеседовать, с трудом поддерживают элементарный диалог на бытовые темы. Данная ситуация кардинально отличается от языковой картины, зафиксированной нами в Верхней Силезии (наша работа в марте 2022 в школе №19 г. Свентохловице), где в ряде повятов еще есть поколение детей, свободно говорящих по-силезски, но преподавание родного языка там не ведется. Отчужденность и слабую заинтересованность детей в изучении родного языка с явной грустью порой признавали и сами информанты:

«Недавно были уроки кашубского в том моем лицее, картузском. Не знаю, есть ли они еще. Несколько лет назад были, потому что их внедряла моя приятельница... Я была там на встрече, но видно было, что молодежь, которая должна была учить этот кашубский... то она так... всю эту кашубскость воспринимает так, будто это какая-то китайскость». (ж., кашубка, 52 г., Гданьск)

Хотя все же полтора десятилетия функционирования кашубского в статусе регионального языка привело к появлению специфического, хоть и довольно узкого, слоя неоносителей. Под неоносителями мы будем понимать кашубов, которые выросли в польскоязычных семьях, но освоили язык

в сознательном возрасте. Такая группа информантов была нами встречена пока исключительно среди педагогических кадров, а также молодого поколения этнических активистов, которые, получив основы кашубского в школе, позже совершенствовали свое владение родным языком при помощи самообразования или общения с пожилыми родственниками.

Термин «новые носители» не так давно получил распространение в социолингвистике для обозначения той категории носителей языка, которая появилась в результате попыток языковой ревитализации. По определению О'Рурка, новые носители — это индивиды, которые дома или внутри сообщества мало, или вообще не соприкасались с малым языком, но вместо этого выучили его благодаря иммерсивным или двуязычным образовательным программам, проектам языковой ревитализации или на курсах для взрослых (O'Rourke 2014: 1). То есть неоносители — это кашубы, которые вновь выучили кашубский язык после языкового сдвига.

Некоторые неоносители, которых мы встречали, прошли в свое время программу последипломного образования в Гданьском университете и сегодня являются школьными учителями кашубского. Как мы заметили, это порой вызывает некое смещение у традиционных носителей языка, поскольку они отмечают «неестественность», «ненатуральность» кашубского у этих новых учителей.

«Учителя уже чаще не native-speakerzy (нейтив-спикеры). Это люди, которые учили литературный кашубский. Они говорят на таком языке, который для поколения дедушек звучит странно, неестественно. На таком языке никто никогда не говорил. Только сейчас люди начинают осознавать, что есть такой литературный кашубский, и что он не звучит как язык из какой-либо деревни». (ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Подобное замечание заставляет нас обратить внимание на ту реакцию, какую в речевом сообществе вызывает внедрение и пропаганда нового варианта родного языка — его литературной нормы, с которой нынешние поколения носителей сталкиваются впервые. В целом, эту реакцию можно описать как настороженную и критическую. Информанты описывали нам «школьный язык» как «ненастоящий», «искусственный кашубский». Поразительно, как подобную критику часто разделяли не только традиционные носители языка, но и часть неоносителей, которые, критикуя языковые инновации, стремились защитить тот «естественный» и «исконный» кашубский, на котором сами уже не говорят.

«Тут появилось столько новых кашубских слов, что я бы был более осторожным. Эти **слова часто искусственные, они не звучат как настоящий кашубский язык** и тут формируется такая **пропасть между тем кашубским из книжек, и кашубским, который мы знаем из семей**». (м., кашуб, 28 л., Гдыня)

Более того, даже кашубы, не владеющие языком, имеют негативную оценку формирующегося литературного стандарта языка.

«В школе этот язык уже литературный. Когда мы его слышим, **мы чувствуем какую-то неправду... Мы немного смеемся с этого, это такой искусственный язык...** Они насильно стараются его осовременить». (м., кашуб, 61г., Ястарня)

Активисты, ответственные за создание и распространения единого стандарта кашубского, осознают и признают тревожную реакцию в этнической группе, однако описывают наддиалектную кодификацию литературного языка как неизбежный процесс, через который должно пройти сообщество в процессе сохранения своего языка. Как призналась нам авторка одной из известных грамматик кашубского языка:

«Да, диалекты сильно отличаются. Кашубский, можно сказать, такой... искусственный язык. Ну... не совсем естественный. Если я говорю на литературном кашубском с человеком из деревни, который, возможно, впервые столкнулся с литературным языком, то для него, конечно, это будет странным.

(...) Сильно отличается от диалектов, но надо было найти компромисс. Трудно найти компромисс, который удовлетворил бы всех. Это невозможно... Поэтому мы берем слова из разных диалектов...» (ж., кашубка, 37 л., Гданьск)

Смятение этнической группы, когда она впервые сталкивается с литературным вариантом родного языка не ново в исследовательской литературе. Как отмечал Эрик Хобсбаум: «Всякий язык, который переходит из исключительно устной речи в область чтения и письма, то есть а fortiori всякий язык, который становится средством школьного обучения или официального использования, меняет свой характер. Должна произойти стандартизация его грамматики, письма, словаря и, возможно, произношения. И его лексический диапазон должен быть расширен для покрытия новых потребностей. Само превращение языка в средство письма ведет к уничтожению разговорного языка. Если превратить его в школьный язык, он перестает быть языком, на котором говорят дети» (Хобсбаум 2005: 51). Наш интерес к кашубскому

случаю объясняется тем, что языковой активизм в данном сообществе представляет для нас интересную «лабораторию» для наблюдения за акцептацией и освоением письменного языка, который для большинства носителей всегда был средством исключительно устной коммуникации. Красочным примером для нас является рассказ информанта из Центральной Кашубии. В сер. 1980-тых ему в руки попал журнал «Pomerania», издаваемый крупнейшей кашубской этнической организацией ZKP, в котором периодически печатались кашубские стихи и небольшие статьи при помощи польского алфавита. Информант, для которого кашубский был и остается сегодня главным языком семейного общения, долго вертел журнал и не мог понять, на каком языке эти статьи, предполагая, что это чешский.

Сегодня в основу формирующейся литературной нормы кашубского языка положена центральнокашубская группа диалектов, особенно говоры, распространенные на территории современного Картузского повята. С одной стороны, это сделано, поскольку носители именно этой крупы диалектов сегодня численно преобладают в речевом сообществе, с другой стороны, лингвистические идеологии наших информантов преподносят центральный диалект как наиболее «аутентичный». Южнокашубские диалекты не раз нам описывались как «полонизированные», активисты жаловались, что южные кашубы, скорее, говорят на *полькаше* (*polkasz*), или на кашубско-польском суржике. Северные же диалекты, несмотря на их сравнительно хорошую сохранность, малопонятны большинству современных кашубов. Хотя отметим, что исторически первый проект кашубского литературного языка, предложенного региональным активистом и писателем Флорианом Цейнова (1817–1881), основывался именно на родных для автора пуцких говорах северного диалекта. В этой связи чешский лингвист Владислав Кнолл предлагает называть первый проект кашубской письменности как тупиковый, в том плане, что предложенный авторский вариант не лег в основу последующего литературного языка, но в определенной мере повлиял на него (Кнолл 2017: 17).

Материалы нашей полевой работы позволяют говорить о зарождающейся в речевом сообществе, по крайней мере на уровне языковых активистов, дискуссии о возможности одновременного развития и преподавания более одной литературной нормы кашубского. Подобные идеи возникают из-за специфики преподавания литературного языка, основанного на центральнокашубских диалектах, в современной Северной Кашубии. Как утверждает кашубский писатель, активист и педагог Артур Яблонский, повсеместное преподавание центральнокашубского не только не замедляет процесс языкового сдвига в сообществе, сколько подстегивает его. Кашубские дети в

Вейхеровском и Пуцком повятах, ознакомившись в школе с литературным языком, лишены возможности практиковать этот язык в коммуникации со старшими представителями своих семей, которые еще помнят родные северные диалекты, поскольку центральнокашубский малопонятен для них. В итоге это приводит к тому, что представители разных поколений все-равно вынуждены переходить на польский в общении между собой.

Сегодня предложения о создании «параллельного» северного варианта литературного языка или реформы кашубской письменности воспринимаются неоднозначно. Многие активисты полагают, что такие усилия приводят к утрате языковых достижений последних десятилетий.

«Тут процесс не пошел в очень хорошую сторону... то есть, мы чересчур сблизили письменность с польским языком, что, с одной стороны, упрощает его изучение. Ведь раз уж кто-то умеет писать по-польски, ну тогда проще ему будет научиться... но позже сложнее будет с произношением, так как много есть таких вещей, которые, казалось бы, похожи в обоих языках, но на самом деле различаются. То есть тут как бы... не пошло в нужную сторону. Пару вещей надо изменить, тогда как в последнее время появилась идея создания абсолютно новой письменности. И я с этим не согласен. Вышло уже много книг и много детей уже научилось такому кашубскому, который мы знаем, чтобы уже вводить новую письменность». (м., кашуб, 28 л., Гдыня)

Стихийные практики этнического активизма являются для нас важным материалом, который позволяет отслеживать реакцию в речевом сообществе на языковую гомогенизацию и сопротивление единому литературно-языковому канону «кашубскости».

Так, яркий пример нам дает севернокашубский курортный городок Ястарня, где протекала наша работа. Во всей Кашубии это единственный населенный пункт, где названия улиц полностью продублированы на кашубском языке, что является предметом особой гордости жителей. Однако, если приглядеться к табличкам повнимательнее, можно заметить буквы, которые отсутствуют в кашубском алфавите. Местные активисты решили использовать свою собственную графику, которая, по их мнению, лучше отображает особенности локального произношения. Интересно, что специфика языка здесь используется в этническом дисплее, видимом лишь внешнему наблюдателю, Кашубский не имеет в гмине статуса рабочего языка, а потому все официальное делопроизводство идет на польском. Сразу же после установки эти таблички стали популярной у польских

туристов достопримечательностью. Ястарня посредством таких табличек старается максимально подчеркнуть свою «непольскость» (а в некотором роде и альтернативную «кашубскость»), чтобы выглядеть более оригинально и нетривиально для туристов, которые летом приезжают на море. Кашубы из других регионов иногда критично оценивают подобную практику, называя это «беляцтвом» (от каш. *bělôscë* как принято в сообществе именовать этнографическую группу северных кашубов, проживающих на Хельском полуострове и говорящих на так называемых беляцких (*bělôcczich*), самых архаичных, диалектах кашубского).

Рис. 2. Двухязычный уличный указатель в г. Ястарня

Figure 2. Bilingual street sign from Jastarnia

Продолжая сюжет двухязычных указателей, заметим, что они оказываются одним из наиболее ярких элементов современного языкового ландшафта Кашубии и важным компонентом языковой ревитализации. Установка двухязычных польско-кашубских дорожных указателей, что с 2005 г. позволяет делать статус регионального языка, является эффективным инструментом конструирования специфического этноландшафта, то есть маркирования территории как принадлежащей конкретной этнической группе, имеющей на нее эксклюзивные права. Формирование этноландшафта является важной частью этнорегионализма, которое, по определению Смита, состоит в отождествлении региона с этническим сообществом (Смит 2004: 125).

Кашубия как отдельная административно-территориальная единица не существует. Кашубия существует лишь в представлении кашубов (как активистов, так и неактивистов) о том, какая территория является «нашей». Тем не менее, среди сообщества существует явное желание выделить свою территорию, перенести ее из области исключительно воображения членов малой этнической группы в наблюдаемую реальность, визуализировать ее границы и сделать видимой как для себя, так и для других. Как показывают интервью, двуязычные таблички очень эффективно справляются с задачей выстраивания этнической границы, которая моментально становится актуальной и видимой для информантов. Факт «прорисовки» такой границы в наших интервью всегда описывался как позитивный, а его влияние на самоощущение порой характеризовалось как «магическое».

«Не знаю, я когда выезжаю на машине за пределы Кашубии и возвращаюсь... то как же это классно (смеется)... Словно попадаешь в совсем другое место, другую страну... Это просто магия какая-то». (ж., кашубка, 43 г., Дземяны)

Рис.3. Двуязычный дорожный указатель в Южной Кашубии (г. Брусы)

Fig.3: Bilingual road sign in Southern Kashubia (Brusy)

6. Заключение

За последние три десятилетия кашубский язык проделал значительный путь от непрестижного сельского диалекта, стыдливо скрываемого его носителями, до единственного официально признанного в Польше регионального языка. Впервые в истории кашубский язык занял новые для себя функциональные сферы: образование, СМИ, делопроизводство, уличная реклама. Сегодня мы являемся свидетелями формирования его унифицированной литературной нормы. Вместе с тем, эмансипация кашубского языка, как и повышение его престижа в этнической группе, происходит на фоне глубокого языкового сдвига в сообществе, когда практически прекратилась его межпоколенческая передача. Став языком газет и школы, кашубский перестает быть языком, на котором говорят дома.

Материалы нашей полевой работы позволяют говорить о том, что сегодня опыт реализации языковых прав кашубов обнаруживает множество противоречий. Так, внедрение кашубского в образовательную сферу не повлияло на уменьшение темпов языкового сдвига в этнической группе, на что так возлагали свои надежды этнические активисты. Обилие прав для носителей кашубского, которые предоставляет статус регионального языка, нивелируется их непоследовательным применением или же практической нецелесообразностью. Так, ни один из опрошенных нами информантов никогда не писал официальных заявлений или обращений в органы власти на кашубском языке, поскольку все они также свободно владеют польским и скорее получают обратный ответ на польскоязычное обращение, так как не будет затрачиваться время на поиск переводчиков.

Сегодня в этнической группе критике все чаще подвергается сама концепция «языкового регионального сообщества», которая, по мнению части наших собеседников, не способна служить эффективным инструментом защиты этнической культуры перед угрозой ассимиляции.

«Этот термин — это лайтовая версия диалекта для XXI века. Это значит, что мы учим в школах не кашубский язык, а только региональный. И при этом нам преподают польский, который по умолчанию — родной. Это все — терминологическая полонизация кашубов. Каким образом польский родной для меня, для моего народа, тогда как еще три поколения назад никто его тут не знал?.. Все это делается для того, чтобы сделать из нас поляков, чтобы мы забыли, что когда-то мы были иными, что мы могли бы жить по-своему, а не иметь над собой этого польского культурно-языкового зонта». (м., кашуб, 36 л., Реда)

Многие информанты высказывали недовольство защитой лишь языковых прав сообщества.

«Если мы - лишь языковое региональное сообщество, то это значит, что поддержкой пользуется лишь язык, но никто не говорит о всей системе культуры... Если мы не будем среди молодежи развивать взгляды о своей отличительности... не только языковой отличительности, то это будет значить... что наше сообщество перестанет существовать». (ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

За подобными критическими замечаниями кроются претензии на повышение социального и юридического статуса сообщества, возможно, в виде законодательно признанного этнического меньшинства в стране. Осознание и постепенное смирение с фактом утраты сообществом родного языка, продемонстрированное нашими информантами, заставляет их оглядываться в поисках дополнительных инструментов консолидации групповой идентичности.

В то же время язык все еще остается одним из самых важных маркеров этнической идентичности в регионе, а языковая специфика кашубов сегодня определяет юридический статус всего сообщества. Пока еще живо старшее поколение, которое говорит на кашубском как на первом языке. Постепенно появляется слой неоносителей. Наши материалы показывают, что язык является тем индикатором, который особенно отличает информантов-активистов на фоне всего сообщества. Активисты, которые воспринимают себя как «витрину» своей группы, обладают изоцированной языковой рефлексией. В целом, эта рефлексия сводится к повышенным требованиям к собственной языковой компетенции. Так, многие наши информанты могли крайне негативно оценивать недостаточный уровень владения языком у своих коллег. Низкий уровень владения языком описывается как неискренний, ненастоящий активизм. Предположение, что этнический активист может не передать язык своим детям, воспринимается с негодованием. Как отмечает Николас Иванс, такое может происходить в ситуациях языковой смерти, когда знание языка идентифицируется с ритуальным и церемониальным статусом (Иванс 2012: 503–504). Создается впечатление, что человек, недостаточно владеющий кашубским или же просто недостаточно демонстрирующий свое владение языком, не может претендовать на репрезентацию своего сообщества.

Такой материал дают интервью. Но непосредственное наблюдение позволяет нам заключить, что соотношение между запросом на языковую

компетенцию и реальной языковой практикой среди активистов является намного более гибким. Проведя несколько часов на собрании активистов ЗКР в одном из южнокашубских поселков, мы заметили, что несмотря на состав участников (из шести местных активистов трое были учителями кашубского языка), за вечер не прозвучало ни одного слова по-кашубски. Как видно, идеология этнического и языкового возрождения в Кашубии сегодня сочетается с двуязычными или преимущественно польскоязычными практиками социального активизма.

Список литературы / References

- Баранова В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья. М.: ВШЭ, 2010. [Baranova, Vlada. 2010. *Yazyk i etnicheskaia identichnost'*. *Urumy i rumei Priazov'ia* (Language and ethnic identity. The Urums and Rumaiics of Azov region). М.: HSE.] (In Russ.)
- Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. [Barth, Fredrik. 2006. *Ethnic groups and boundaries. Social organizations of cultural differences*. М.: Novoe izdatel'stvo.] (In Russ.)
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: ВШЭ. 2012. [Brubaker, Rogers. 2012. *Ethnicity without groups*. М.: HSE.] (In Russ.)
- Васюков О.Д. Между этнографической группой и народом: национальный дискурс кашубских и силезских активистов в современной Польше // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. № 2. С. 173–209. [Vasiukov, Oleksandr. 2019. *Mezhdu etnograficheskoi gruppoi i narodom: natsional'nyi diskurs kashubskikh i silezskikh aktivistov v sovremennoi Pol'she* (Between an ethnographic group and a people: national discourse of Kashubian and Silesian activists in contemporary Poland). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 2. 173–209.] (In Russ.)
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. [Gellner, Ernest. 1991. *Nations and nationalism*. М.: Progress.] (In Russ.)
- Гильфердинг А. Остатки славян на Южном берегу Балтийского моря. Этнографический сборник. Выпуск V. СПб: Типография В. Безобразова, 1862. [Gilferding, Alexandr. 1862. *Ostatki slavian na Yuzhnom beregu Baltiiskogo moria* (The Slavic remnants at the Southern beach of Baltic Sea). St.P.: Tipografiia V. Bezobrazova.] (In Russ.)
- Дориан Н. Утрата и сохранение языка в ситуациях языкового контакта // *Социолингвистика и социология языка*. Т.1. / под ред. Н.Б. Вахтина. СПб: Издательство Европейского университета, 2012. С. 382–401. [Dorian, Nancy. 2012. *Language loss and maintenance in language contact situations*. In Nikolai B. Vakhtin (ed.), *Sociolinguistics and Sociology of Language*. 382–401. St.P.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta.] (In Russ.)

- Иванс Н. Последний носитель умер — да здравствует последний носитель! // *Социолингвистика и социология языка*. Т.1. / под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 494–526. [Evans, Nicolas. 2012. The last speaker is dead — long live the last speaker! In Nikolai B. Vakhtin (ed.), *Sociolinguistics and Sociology of Language*. 494–526. St.P.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta.] (In Russ.)
- Клиффорд Дж. Об этнографической аллегории // *Социологическое обозрение*. 2014. Т.13. №3. С. 94–125. [Clifford, James. 2014. On ethnographic allegory. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 3: 94–125.] (In Russ.)
- Кнолл В. От литературных идиолектов к региональным литературным языкам (не только) в славянском мире // *Миноритарные и региональные языки и культуры Славии* / под ред. С.С. Скорвида. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 11–43. [Knoll, Vladislav. 2017. Ot literaturnykh idiolektov k regional'nym literaturnym yazykam (ne tol'ko) v slavianskom mire (From literary idiolects to the regional literary languages in Slavic world). In Sergei S. Srorvid (ed.), *Minority and regional language in Slavic world*. 11–43. М.: Institut Slavianoviedenia RAN.] (In Russ.)
- Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий нации и национализма. М.: Праксис, 2004. [Smith, Anthony. 2004. Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations and nationalism. М.: Praksis.] (In Russ.)
- Фергюсон Ч. Диглоссия // *Социолингвистика и социология языка*. Т.1. / под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 43–62. [Ferguson, Charles. 2012. Diglossia. In Nikolai B. Vakhtin (ed.), *Sociolinguistics and Sociology of Language*. 43–62. St.P.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta.] (In Russ.)
- Хауген Э. Диалект, язык, нация // *Социолингвистика и социология языка*. / под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство Европейского университета, 2012. С. 97–114. [Haugen, Einar. Dialect, language, nation. In Nikolai B. Vakhtin (ed.), *Sociolinguistics and Sociology of Language*. 97–114. St.P.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta.] (In Russ.)
- Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // *Логос*. 2005. №4(49). С. 49–59. [Hobsbawm, Eric. 2005. Are All Tongues Equal? Language, culture, and national identity. *Logos* 4(49): 49–59.] (In Russ.)
- Bukowski Z. 2016. Prawny status języka regionalnego w Polsce na przykładzie języka kaszubskiego. *Studia z Zakresu Prawa, Administracji i Zarządzania*. N9. 89–108. [Bukowski, Zenon. 2016. Legal status of regional language in Poland. The Kashubian case. *Studia z Zakresu Prawa, Administracji i Zarządzania* N9. 89–108.] (In Pol.)
- Dołowy N. 2008. Kaszubi - naród, mniejszość, grupa posługująca językiem regionalnym. *Przegląd humanistyczny*. N6. 73–94. [Dołowy, Nocola. 2008. Kashubians. People, minority, regional linguistic community. *Przegląd humanistyczny* N6: 73–94.] (In Pol.)
- Dołowy-Rybińska N. 2010. Odwracanie Zmiany Językowej Na Kaszubach. *Studia Socjologiczne*. N3 (198). 47–76. [Dołowy-Rybińska, Nocola. 2010. The reversing of language shift in Kashubia. *Studia Socjologiczne* N3(198): 47–76.] (In Pol.)

- Fischer A. 1929. Zarys etnograficzny województwa pomorskiego. Toruń: Instytut Bałtycki. [Fischer, Adam. 1929. An ethnographic study of Pomeranian Voivodeship. Toruń: Instytut Bałtycki.] (In Pol.)
- Kamocki J. 1992. Zarys grup etnograficznych w Polsce. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio Historia*. N3. 103–132. [Kamocki, Jacek. 1992. An overview of ethnographic groups in Poland. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio Historia* N3: 103–132.] (In Pol.)
- Łatoszek M. 1996. Pomorze: zagadnienia etniczno-regionalne. Gdańsk: Gdańskie Tow. Nauk. [Łatoszek, Marek. 1996. Pomerania: ethnoregional question. Gdańsk: Gdańskie Tow. Nauk.] (In Pol.)
- Makura H. 2007. Sytuacja języka kaszubskiego z punktu widzenia hierarchiczności języków i polityk językowych na płaszczyźnie diachronicznej i synchronicznej. *Biuletyn Rady języka kaszubskiego*. 104–113. [Makura, Hanna. 2007. The situation of Kashubian language and the language hierarchies. *Biuletyn Rady języka kaszubskiego* 1: 104–113.] (In Pol.)
- Mastalerz-Krystjańczuk M. 2019. Ostatni Mohikanie Pomorza: ludność rodzima znad jezior Łebsko i Gardno w publicystyce polskiej lat 1945–1989. Gdańsk: Instytut Kaszubski. [Mastalerz-Krystjańczuk, Małgorzata. 2019. The last Mohicans of Pomerania. Gdańsk: Instytut Kaszubski.] (In Pol.)
- Mazurek M. Język. 2010. Przestrzeń. Pochodzenie. Analiza tożsamości kaszubskiej. Gdańsk: Instytut Kaszubski. [Mazurek, Monika. 2010. Language. Space. Origin. The analysis of Kashubian identity. Gdańsk: Instytut Kaszubski.] (In Pol.)
- Mordawski J. 2018. Geografia Kaszub. Gdańsk: ZKP. [Mordawski, Jan. 2018. The geography of Kashubia. Gdańsk: ZKP.] (In Pol.)
- Mordawski J. 2005 Statystyka ludności kaszubskiej. Kaszubi u progu XXI wieku. Gdańsk: ZKP. [Mordawski, Jan. 2005. The statistics of Kashubian population. Gdańsk: ZKP.] (In Pol.)
- Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2015. [People census 2011. Warszawa: Główny urząd statystyczny.] (In Pol.)
- O'Rourke, Bernadette, Pujolar, Joan. 2014. New speakers of minority language: the challenging opportunity — Foreword. *International Journal of the Sociology of Language* 231. 1–22.
- Popowska-Taborska H. 1980. Kaszubszczyzna. Zarys dziejów. Warszawa: PWN. [Popowska-Taborska, Hanna. 1980. The history of Kashubian language. Warszawa: PWN.] (In Pol.)
- Silverstein, Michael. 1979. Language Structure and Linguistic Ideology. In Michael Silverstein (ed.) *The Elements: a Paresession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society.
- Spolsky, Bernard. 2004. Language policy. Key topics in sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sychta B. 1967–1976. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, Volume 1–7. Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. [Sychta, Bernard. 1967–1976. The dictionary of Kashubian dialects. Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich.] (In Pol.)

- Synak B. 1998. Kaszubska tożsamość, ciągłość i zmiana: Studium socjologiczne. Gdańsk: WUG. [Synak, Brunon. 1998. Kashubian identity. Gdańsk: WUG.] (In Pol.)
- Szultka Z. 1992. Studia nad językiem i rodowodem Kaszubów. Gdańsk: Muzeum Piśmiennictwa. [Szultka, Zygmunt. 1992. The study on Kashubian language and origin. Gdańsk: Muzeum Piśmiennictwa.] (In Pol.)
- Treder J. 1981. Gramatyka kaszubska: zarys popularny. Gdańsk: ZKP. [Treder, Jerzy. 1981. Kashubian grammar. Gdańsk: ZKP.] (In Pol.)
- Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. „O mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym (<http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf>) (accessed 30 March 2022)
- Zieniukowa J. 2009. Zmiany w statusie języka kaszubskiego od połowy XX wieku do początku XXI wieku *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. N21. 259–269. [Zieniukowa, Jadwiga. 2009. The changes in Kashubian language status. *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury* 21: 259–269.] (In Pol.)

История статьи /Article history:

Получена / Received: 3 Декабря 2022 / 3 December 2022

Принята в печать / Accepted: 8 Февраля 2023 / 8 February 2023

Сведения об авторе:

Олександр Дмитриевич ВАСЮКОВ является аспирантом факультета антропологии, Европейского университета в Санкт-Петербурге и сотрудничает с Фондом культур народов Сибири (Фюрстенберг / Хафель, Германия). Сфера научных интересов: социолингвистика, миноритарные языки, антропология, ревитализация языков.

E-mail: ovasiukov@eu.spb.ru

Bionote:

Oleksandr D. VASIUKOV is a PhD student at European University (Saint Petersburg, Russia). Research field: Sociolinguistics, minority languages, anthropology, language revitalization.

E-mail: ovasiukov@eu.spb.ru

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-76-100

EDN: SKSDBE

Научная статья

**Принцип «субъектности и разнообразия»
в языковой политике и языковом планировании
Китайской Народной Республики
в первые десятилетия XXI века**

Ли Сюэ

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Москва, Россия

✉ evelynlee@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются языковая политика и языковое планирование Китайской Народной Республики в период с начала XXI века. В центре проблематики стоят вопросы последовательной смены трех этапов языковой политики и планирования: от первого этапа реформирования языка и письменности (1949–1986) ко второму этапу (1986–2000), связанному с внедрением норм, нормативизации и кодификации и к третьему этапу (с 2000 — по настоящее время), отмеченному законодательной деятельностью по упорядочению использования языков и мер по их защите. Данные этапы сопровождались сменой векторов сознательного влияния на языковую ситуацию: на первых двух этапах меры языковой политики и планирования разрабатывались отдельно для путунхуа и этнических языков, на современном этапе преобладает политика «субъектности и разнообразия», которая направлена на все коммуникативное пространство Китая. В КНР по мере усиления национальной политики «мягкой силы» постоянно подчеркивается важность языка, а внедрение путунхуа (общего языка) при сохранении языкового и культурного разнообразия стали одной из важных задач внутренней политики Китая в XXI веке. Распространение путунхуа способствует межэтнической коммуникации внутри страны, укреплению национального единства и является одним из путей ликвидации бедности, что соответствует целям экономического развития и социального прогресса страны. На рубеже XX–XXI государство предприняло ряд мер по усилению распространения путунхуа и одновременно по защите жизнеспособности этнических языков в государстве. Достижения, достигнутые в области языковой

© Сюэ Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

политики и языкового планирования за последние 20 лет, предоставляют ценный опыт для будущего развития языка и письменности.

Ключевые слова: Китайская народная республика, языковая политика Китая, языковое планирование Китая, политика субъектности и разнообразия, стратегия языкового развития, путунхуа, этнические языки.

Для цитирования:

Сюэ Л. Принцип «субъектности и разнообразия» в языковой политике и языковом планировании Китайской Народной Республики в первые десятилетия XXI века // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2023. Т. 1. № 1. С. 76–100. doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-76-100 EDN: SKSDBE

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-76-100

EDN: SKSDBE

Research article

The Principle of “Subjectivity and Diversity” in Language Policy and Language Planning in the People's Republic of China in the First Decades of the 21st Century

Li SYUE

RUDN University

Moscow, Russia

✉evelynlee@mail.ru

Abstract. This article examines the language policy and language planning of the People's Republic of China since the beginning of the 21st century. At the center of the problem are the issues of the successive change of the three stages of language policy and planning: from the first stage of reforming the language and writing (1949–1986) to the second stage (1986–2000), associated with the introduction of norms, standardization and codification, and to the third stage (from 2000 to the present), marked by legislative activity to streamline the use of languages and measures to protect them. These stages were accompanied by a change in the vectors of conscious influence on the language situation: at the first two stages, language policy and planning measures were developed separately for Putonghua and ethnic languages, at the present stage, the policy of “subjectivity and diversity” prevails, which is aimed at the entire communicative space of China. In the PRC, as the national policy of “soft power” is strengthened, the importance of language is constantly emphasized, and the introduction of Putonghua (common language) while maintaining linguistic and cultural diversity has become one of the important tasks of China's domestic policy in the 21st century. The spread of Putonghua promotes interethnic communication within the country,

strengthens national unity and is one of the ways to eliminate poverty, which is in line with the goals of the country's economic development and social progress. At the turn of XX-XXI, the state took several measures to increase the spread of Putonghua and at the same time to protect the viability of ethnic languages in the state. The achievements made in the field of language policy and language planning over the past 20 years provide valuable experience for the future development of language and writing.

Key words: People's Republic of China, Chinese language policy, Chinese language planning, subjectivity and diversity policy, language development strategy, Mandarin, ethnic languages.

For citation:

Syue, Li. 2023. The principle of "subjectivity and diversity" in language policy and language planning in the People's Republic of China in the first decades of the 21st century. *Macrosociolinguistics and Minority Languages* 1 (1). 76–100. (In Russian). doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-76-100 EDN: SKSDBE

1. Введение

В эпоху глобализации и информационных технологий язык представляет собой не просто средство коммуникации в традиционном смысле, но и культурный и экономический ресурс, а также один из важнейших векторов «мягкой силы» определенной нации. Беспрецедентные и глубокие изменения произошли в отношении государства к роли и месту языка в общественном пространстве, к его значению в национальном управлении, в развитии страны и общей безопасности. Различные страны мира, в том числе многонациональные/полиэтнические страны, сталкиваются с новыми типами языковых проблем, с новыми возможностями и вызовами, которые требуют срочного и тщательного изучения и решения. Языковые вопросы стали одной из ключевых тем, связанных с общей ситуацией в области национальной стратегии и развития во всем мире.

Это в полной мере относится к КНР, имеющей обширную территорию с высоким уровнем разнообразия языков и письменностей. В течение длительного времени государство прилагало усилия для оптимального решения задач, связанных с управлением языковым разнообразием, и вопросы языковой политики и языкового планирования находились и находятся в центре внимания, постоянно корректируются и совершенствуются в соответствии с развитием государства и социальным прогрессом.

Несмотря на то, что практика языковой политики и языкового планирования в Китае существует с глубокой древности, а именно с династии Цинь (221 г. до н.э. — 207 г. до н.э.), научное исследование языковой политики и

языкового планирования появились относительно поздно. Термин «языковая политика»¹ начал появляться в китайской литературе с начала 60-х годов XX века. Понятие «языковая политика» в этот период — это языковая политика в особом, специфическом китайском понимании. Начиная с 1988 года, на основе исследований языковой политики других стран, термин «языковая политика» начал приобретать современное значение в китайском контексте, соответствующее «language policy» западной традиции.

Термин «языковое планирование»² ранее не использовался в китайском контексте. Слово «языковой план»³ как самый ранний китайский перевод появился только в 1979 году, когда статьи иностранных ученых были переведены на китайский язык. В 1984 году отечественный академический круг впервые предложил другой вариант перевода — «языковое планирование» — и провел систематическое исследование по теории языкового планирования. После 1990-х годов, по мере накопления знаний в этой области, термин «языковое планирование» заменил «языковой план» и используется до настоящего времени.

2000 год стал особым годом в исследованиях и практике языковой политики и языкового планирования Китая. В этом году государство обнародовало первый в своей истории специальный закон о языке и письменности «Закон КНР об общеупотребительном в государстве языке⁴ и письменности»⁵ (Yuyuan wenzi fa 2000). С момента издания данного закона языковая политика Китая вступила в стадию «слияния», это означает, что государство перешло от предшествующего этапа разработки мер языковой политики отдельно для путунхуа и отдельно для языков этнических меньшинств к объединению этих мер в единое целое и формированию единой языковой политики, направленной на всю совокупность языковых ситуаций КРН и отвечающей особенностям их общего развития. Целью данного закона является построение гармоничной языковой жизни, в которой сосуществуют различные языки. В 2012 году Министерство образования Китая и Государственный

¹ 语言政策. 'yuyan zhengce'

² 语言规划. 'yuyan guihua'

³ 语言计划. 'yuyan jihua'

⁴ Под общеупотребительным (в государстве) языком понимается путунхуа, который представляет собой общий и стандартный язык народа Хань, а также стандартный язык Китая. В целях избежания недопонимания, номинация «путунхуа» будет использоваться далее в работе вместо «общеупотребительного (в государстве) языка». «общеупотребительный язык» как термин будет употребляться только в переводе юридических текстов.

⁵ 中华人民共和国国家通用语言文字法. Zhonghua renmin gongheguo guojia tongyong yuyan wenzi fa

комитет по работе в области языка и письменности опубликовали «Национальный среднесрочный и долгосрочный план реформирования и развития языковых мероприятий на 2012–2020 годы»⁶ (Zhongchangqi gangyao 2012), в котором основной задачей языковой политики и планирования ставилось распространение путунхуа и нормативных иероглифов. Большая роль отводилась содействию процессам стандартизации и развитию цифровых технологий в области языка, а именно использованию передовых достижений науки и информационных технологий для развития языков и письменностей, в том числе разработке и применении машинного перевода, теоретическим исследованиям и разработке технологий в области распознавания и синтеза речи, распознавание письма, создание сайтов на языках народов Китая с использованием разных вариантов письменных систем и т.д. Не меньшая роль отводилась и совершенствованию единого «языкового пространства», то есть росту общих для всех языковых компетенции и созданию реестра «языковых услуг»⁷ (т.е. предоставления разнообразных услуг, для удовлетворения языковых потребностей общества с использованием языковых продуктов и языковых технологий). Важным стало и научное сохранение языков и письменностей различных этнических групп и т.д.

Наряду с концептами языковой политики и языкового планирования в дискурсе, связанном с управлением языковым разнообразием КНР в XXI веке, также присутствует понятие *языковые стратегии*, которое было выдвинуто в рамках общей национальной стратегии и является ее частью. Это имеет большое значение и актуально для КНР, поскольку основная роль языка заключается в служении обществу и содействии развитию государства.

2. Языковая политика Китая в XXI веке: от расхождения к слиянию

Китай является единой, полиэтнической страной, где 56 этносов совместно развивали и укрепляли территорию Китая, создавали китайскую историю и цивилизацию. В силу разнообразия этнических групп защита единства государства и реализация принципов этнического равенства служат не только основой этнической политики Китая, но и важным основанием для формулирования языковой политики страны. Китайский этнос (хань)⁸ является самой крупной по численности населения (91% от общей численности

⁶ 国家中长期语言文字事业改革和发展规划纲要 (2012–2020年). Guojia zhongchangqi yuyan wenzi shiye gaige he fazhan guihua gangyao (2012–2020 nian)

⁷ 语言服务. 'yuyan fuwu'

⁸ 汉族. 'hanzu'. Синоним: народ Хань.

населения) и основной этнической группой в Китае. Путунхуа⁹ представляет собой не только литературный (стандартный) язык народа хань, но и язык общения между различными этносами по всей стране. Нормативные китайские иероглифы являются общеупотребительной в государстве письменностью. Таким образом, для решения проблемы общего для страны языка и письменности, а также в целях содействия национальному единству и этническому сплочению, была предложена языковая политика 'внедрения путунхуа и нормативных китайских иероглифов'. Данная языковая политика, выдвинутая для обеспечения доминирующего, основного, ядерного положения китайского языка, также называется *политикой 'субъектности'*¹⁰ (Zhou Qingsheng 2013).

С другой стороны, КНР внедряет систему региональной этнической автономии, то есть под единым руководством государства в районах, где компактно проживают различные этнические меньшинства, осуществляется принципы региональной автономии, создаются органы самоуправления, то есть осуществляется право на автономию. Для этнических меньшинств соблюдение принципа равенства в языках и письменностях всех этнических групп является важной составляющей этнического равенства и гарантий права этнических меньшинств на автономию. В то же время языки и письменности этнических меньшинств — это основные носители традиций и культуры народов. Защита и развитие языков и письменностей этнических меньшинств является одной из мер по поддержанию этнической жизнеспособности и разнообразия. Соответственно, принципы 'языкового равенства и развития языков и письменностей этнических меньшинств' стали основой языковой политикой, разработанной для обеспечения сохранения разнообразия этнических языков и письменностей, которая также называется *политикой 'разнообразия'*¹¹ (там же).

*Языковая политика 'субъектности и разнообразия'*¹² (Yuan Wei 2020) является основной языковой политикой Китая. Она направлена как на урегулирование отношений между языками, так и на научную защиту языков и письменностей различных этнических групп при условии использования и

⁹ 汉语普通话. 'hanyu Putonghua': синоним путунхуа. Здесь слово «китайский» используется для подчеркивания связи между путунхуа и китайским народом, так как путунхуа первоначально был сформулирован как общий язык китайского народа на основе китайских диалектов.

¹⁰ 主体性政策. 'zhutixing zhengce'. (Анг. перевод: Subjectivity Policy)

¹¹ 多样性政策. 'duoyangxing zhengce'. (Анг. перевод: Diversity Policy)

¹² “主体多样”语言政策. “'zhuti duoyang” yuyan zhengce”. (Анг. перевод: Language Policy for “Subjectivity with Diversity”).

ведущей роли путунхуа и нормативных иероглифов, что позволяет эффективно и гармонично обеспечивать языковые потребности общества. Далее, мы дадим общее определение стратегии языковой политики, которая получила название «от расхождения к слиянию» и кратко опишем основные составляющие языковой политики периода «слияния», а именно построение гармоничной языковой жизни, защиту языков, повышение уровня языковых услуги языковых компетенций.

2.1. Определение стратегии «расхождение и слияние»

В настоящее время большинство китайских социолингвистов определяют языковую политику в духе американских и европейских научных школ. «Языковая политика — это совокупность «политик, мер, планов и реформ национального уровня, сформулированных и осуществляемых правительством с целью изменения способа говорения или чтения во всем обществе»¹³ (Zhou Qingsheng 2019: 60). Отношение государства к языкам после 1949 года нашло прямое отражение в двух статьях «Конституции Китайской Народной Республики»¹⁴, а именно в статье №19 Первой главы сказано: «Государство распространяет общеупотребительный в стране язык»¹⁵ (Xianfa 1982) и в статье № 4 Первой главы «все этнические группы имеют право использовать и развивать свой этнический язык, как письменный, так и устный, и сохранять или реформировать свои этнические обычаи и традиции»¹⁶ (там же), что впоследствии стало основным содержанием и важнейшими принципами китайской языковой политики 'субъектности с разнообразием'¹⁷ (Zhou Qingsheng 2013).

Исходя из этих двух положений, китайское правительство осуществило ряд мер в рамках языковой реформы, в том числе реформу китайского/ханьского языка¹⁸ (О пределах в синонимии между номинациями китайский и ханьский язык см. (Москвичева, Ли Сюэ 2017). Среди мер корпусного планирования следует отметить упрощение китайских иероглифов, распространение путунхуа, внедрение

¹³ 语言政策通常是指政府制定并实行的大规模的、国家层面的方针、措施、规划、改革，旨在改变全社会的说话方式或识字方式 — перевод мой — Л.С.

¹⁴ 中华人民共和国宪法. 'zhonghua renmin gonghehuo xianfa'.

¹⁵ 国家推广全国通用的普通话 — перевод мой — Л.С.

¹⁶ 各民族都有使用和发展自己的语言文字的自由，都有保持或者改革自己的风俗习惯的自由 — перевод мой — Л.С.

¹⁷ 主体多样. Zhuti duoyang. Англ. перевод: Subjectivity with Diversity

¹⁸ 汉语. Hanyu. Здесь китайский язык и ханьский язык совпадают, обе эти номинации относятся к языку народа Хань. Но далее в работе будет использоваться номинация «китайский язык».

«проекта фонетической транскрипции китайского языка», но также и реформу языков и письменностей этнических меньшинств. Соответственно, с 1949 по 2006 год содержание китайской языковой политики «субъектности и разнообразия» претерпело три периода изменений в связи с постоянным развитием языка и письменности, что представлено на рис. 1.

Источник изображения: рисунок автора

Рис. 1. Содержание языковой политики «субъектности и разнообразия» (1949–2006)

Figure 1. Language policy: 'subjectivity and diversity'

Из вышеуказанного видно, что в период с 1949 по 2006 год языковая политика, направленная на китайский язык и языковая политика относительно этнических языков были разработаны и реализовывались отдельно, то есть две ветви «субъектность» и «разнообразие» существовали и развивались независимо. Следует подчеркнуть, что в 2000 году был обнародован «Закон КНР об общеупотребительном в государстве языке и письменности»¹⁹ (Yuyuan wenzi fa 2000), который является первым в истории Китая специальным законом о языке и письменности. С этого момента значение языкового законодательства в Китае возросло, и языковое управление страны начало двигаться в направлении

¹⁹ 中华人民共和国国家通用语言文字法. Zhonghua renmin gongheguo guojia tongyong yuyan wenzi fa

верховенства закона. С 2006 года по настоящее время — это период расширения языковой политики, в котором закончилось долгосрочное состояние расхождения языковой политики «субъективности и разнообразия» и началась новая эра слияния языковой политики «субъективности с разнообразием». Процесс развития китайской языковой политики представлен на рис. 2.

В период слияния китайское правительство не подчеркивает независимость языковой политики субъективности и языковой политики разнообразия в отдельности, а сосредоточивается на их общем развитии. Соответственно, основным содержанием китайской языковой политики 'субъективности с разнообразием' в данный период являются построение гармоничной языковой жизни, защита языков, языковые услуги и повышение языковой компетенции.

2.2. Принцип построения гармоничной языковой жизни

Смысл построения гармоничной языковой жизни заключается, во-первых, в координации взаимоотношений между путунхуа и языками различных этнических групп. В статье «Построение гармоничной языковой жизни»²⁰, опубликованной Министерством образования КНР, говорится, что «необходимо распространить путунхуа и нормативные китайские иероглифы во всех регионах нашей страны, уважая языки и культуру различных этнических групп»²¹ (Goujian hexie de yuyan shenghuo 2008). Во-вторых, для построения гармоничной языковой жизни необходимо разумно разобраться с отношениями между путунхуа и диалектами, нормативными китайскими иероглифами и традиционными иероглифами и разными написаниями (вариантами китайских иероглифов). Министерство образования отметило, что использование диалектов и традиционных иероглифов их носителями должно быть гарантировано в соответствии с «Законом КНР об общеупотребительном в государстве языке и письменности» (Yuyuan wenzi fa 2000). За пределами сфер, где закон четко требует использования путунхуа, граждане имеют право употреблять диалекты для коммуникации и общения. В-третьих, построение гармоничной языковой жизни требует координации отношений между путунхуа и иностранными языками. Было подчеркнуто то, что нет никакого противоречия между правом граждан изучать и использовать иностранные языки и правом использовать путунхуа для обмена информацией и выражения своих пожеланий. Государству следует усилить четкое управление и руководство чрезмерным предпочтением иностранным языкам и игнорированием собственных национальных языков.

²⁰ 构建和谐的语言生活. 'goujian hexie de yuyan shenghuo'

²¹ 在我国所有地区都要推行普通话和规范汉字, 同时尊重各个民族的语言文化 — перевод мой — Л.С.

2.3. Защита языков

По мере быстрого развития социальной модернизации и урбанизации, языки этнических меньшинств и китайские диалекты в Китае подвергаются серьезным испытаниям. Многие из них находятся под угрозой исчезновения или вымирают, что привело к упадку этнических и региональных культур. Данные процессы привлекли внимание различных социальных кругов и групп. Цао Чжюнь полагает, что защита языков и письменностей различных этнических групп на научной основе включает в себя как сохранение языков, так и защиту языков. «Для поддержания жизнеспособности языков и диалектов посредством разных эффективных политик, мер и средств, чтобы они могли продолжать выживать и развиваться, особенно необходимо избегать вымирания языков и диалектов, уязвимых и находящихся под угрозой исчезновения» (Cao Zhiyun 2015: 11).

В 2007 году в «Одиннадцатом пятилетнем плане работы в области языка и письменности»²² было сказано, что «уделение повышенного внимания защите, развитию и использованию языковых ресурсов является одним из основных принципов работы»²³ (Shiyi wu guihua 2007). В «Решении ЦК КПК по ряду важных вопросов о углублении реформы системы культуры и содействии развитию и процветанию социалистической культуры»²⁴, изданном Шестым Пленумом ЦК КПК 17-го созыва в 2011 году, было предложено, что «необходимо всемерно распространять и нормативно использовать путунхуа, защищать на научной основе языки и письменности всех этнических групп»²⁵ (Zhonggong Zhongyang de jueding 2011).

²² 国家语言文字工作“十一五”规划. Guojia yuyan wenzi gongzuo “shiyi wu” guihua

²³ 重视语言资源的保护及开发利用是基本工作原则之一 — перевод мой — Л.С.

²⁴ 中共中央关于深化文化体制改革、推动社会主义文化大发展大繁荣若干重大问题的决定. Zhonggong Zhongyang guanyu shenhua wenhua tizhi gaige, tuidong shenhui zhuyi wenhua dafazhan dafanrong rugan zhongda wenti de jueding

²⁵ 大力推广和规范使用国家通用语言文字, 科学保护各民族语言文字 — перевод мой — Л.С.

Источник изображения: Zhou Qingsheng 2019: 70

Рис. 2. Процесс развития политики «субъективности и разнообразия»
Figure 2. Process of developing the policy of 'subjectivity and diversity'

Впоследствии государство запустило «Проект по защите языковых ресурсов»²⁶ (Yubao gongcheng 2015), «Проект по спасению и защите вымирающих языков этнических меньшинств»²⁷ (Shaoshu minzu gongcheng 2012) и др. в целях защиты языков. Основное содержание данного ряда проектов включает в себя: научную защиту языковых ресурсов, спасение и защиту находящихся под угрозой исчезновения языков, защиту культурного наследия языка и защиту языковых прав этнических меньшинств.

2.4. Повышение языковой компетенции

Языковая компетенция²⁸ включает в себя две части: языковые компетенции государства и языковые компетенции народа. В «Национальном средне- и долгосрочном плане» 2012 года впервые было выдвинуто, что цель повышения языковой компетенции народа заключается в улучшении уровня владения народом путунхуа и нормативными иероглифами; в то же время следует «поощрять граждан развивать многоязычие. ...Планировать рационально в соответствии с потребностями и создавать условия для улучшения способности граждан использовать несколько языков»²⁹ (Zhongchangqi guihua gangyao 2012).

Языковая компетенция государства относится к языковой компетенции, необходимой стране для решения важных вопросов внутри страны и за рубежом, таких как устранение опасности и спасательные работы, борьба с терроризмом и поддержание устойчивости, поддержание мира за рубежом, океанское сопровождение, совместные военные учения, защита и эвакуация сограждан, а также для другого международного сотрудничества. Таким образом, языковая компетенция государства — это «совокупность способностей страны использовать языковые ресурсы, предоставлять языковое обслуживание, решать языковые проблемы и развивать языки и связанные с ним мероприятия»³⁰ (Zhao Shiju 2015: 104). Языковая компетенция государства включает способность владеть языковыми ресурсами, способность к использованию языка и языковому обслуживанию, способность к развитию

²⁶ 语言资源保护工程. Yuyan ziyuan baohu gongcheng

²⁷ 少数民族濒危语言抢救和保护工程. Shaoshu minzu binwei yuyan qiangjiu he baohu gongcheng

²⁸ 语言能力. Yuyan nengli

²⁹ 提倡国民发展多语能力。...根据需要合理规划，为提升国民多种语言文字应用能力创造条件 — перевод мой — Л.С.

³⁰ 一个国家掌握利用语言资源、提供语言服务、处理语言问题、发展语言及相关事业等方面能力的总和 — перевод мой — Л.С.

и использованию языковых ресурсов, способность к подготовке языковых талантов, способность к управлению языком, языковое влияние и т.д. В «Тринадцатом пятилетнем планировании работы в области языка и письменности» 2016 года указывалось, что «языковая компетенция нашей страны не полностью адаптировалась к потребностям экономического, социального и культурного развития, и она по-прежнему представляет собой слабое звено в нынешнем языковом работе нашей страны»³¹ (Shisan wu guihua 2016).

Общим принципом языковой политики Китая в XXI веке остается политика «субъектности и разнообразия». Однако, за этот период ее русло изменилось естественно, перейдя от состояния расхождения к стадии слияния. Государство больше не подчеркивает независимости и различия между китайским языком и этническими языками, но начинает сливать их и стремится к построению гармоничной языковой жизни, в которой осуществляются многоязычное сосуществование и общее развитие.

3. Языковое планирование Китая в XXI веке: третья «золотая пора» работы в области языка и письменности

Языковое планирование в Китае также называется работой в области языка и письменности, основными задачами которой являются определение статуса языков в стране и обществе, координация языковых отношений, защита языковых прав граждан, повышение осведомленности народа о языковых нормах, усиление нормативизации и стандартизации языка и письменности, улучшение языковой репутации, повышение жизнеспособности языков, использование в полной мере социальной коммуникативной функции языков и способствование устойчивому и здоровому развитию языков и языковой жизни для лучшего служения обществу. Конкретные задачи языкового планирования меняются постоянно, и они меняются с непрерывным развитием общества, эволюцией языка и языковой жизни, а также прогрессом языкового планирования. Соответственно, с момента принятия «Закона КНР об общеупотребительном в государстве языке и письменности» (Yuyuan wenzi fa 2000) в 2000 году языковая среда Китая подверглась изменению, и работа в области языка и письменности вступила в третью золотую пору. Основные направления работы в этот период относятся к построению гармоничной языковой жизни, повышению языковой компетенции страны и народа, защите и разви-

³¹ 我国的国家语言能力还不能完全适应经济、社会和文化发展的需求，仍然是我国当今语言文字事业中的一个薄弱环节 — перевод мой — Л.С.

тию языковых ресурсов и построению общества, свободного от информационных барьеров. Более конкретно это включает следующие положения. Во-первых, уважение языкового разнообразия, во-вторых, осознание языковой жизни, то есть формирование гармоничной многоязычной языковой среды, в которой доминирует путунхуа, и языковые отношения регулируются научно; в-третьих, осознание значимости информационных технологий, то есть понимание необходимости рассматривать развитие Интернета и языковых информационных технологий в качестве основного направления; в-четвертых, с помощью концепции '*широкого взгляда на язык*'³² выполнять работу в области языка и письменности во всех направлениях.

В соответствии с «Национальным средне- и долгосрочным планом реформирования и развития языковых мероприятий (2012–2020 годы)» (Zhongchangqi guihua gangyao 2012), опубликованным Государственным комитетом по работе в области языка и письменности Министерства образования в 2012 году, и «Тринадцатым пятилетним планированием развития языковых мероприятий государства» (Shisan wu guihua 2016), выпущенным им в 2016 году, основные задачи работы в области языка и письменности Китая за последние 20 лет могут сводиться к следующим:

- 1) распространение путунхуа и нормативный иероглифы;
- 2) содействие нормализации, стандартизации и информатизации языка и письменности;
- 3) повышение уровня языковых услуг государства и возможности граждан по применению языка и письменности;
- 4) научно обоснованная защита языков и письменностей различных этнических групп;
- 5) развитие и распространение языковой культуры Китая;
- 6) совершенствование системы управления работой в области языка и письменности.

В целях успешного выполнения различных задач государство разработало планы и запустило ряд ключевых проектов. Далее, в качестве примеров будут приведены «План действий по ликвидации бедности путем распространения путунхуа (2018–2020 годы)»³³ и «Проект по защите языковых ресурсов»³⁴. Основное содержание плана и проекта представлено на рис. 3.

³² 大语言观. 'da yuyan guan'

³³ 推普脱贫攻坚行动计划(2018–2020年). Tuipu tuopin gongjian xingdong jihua (2018–2020 nian).

³⁴ 语言资源保护工程. Yuyan ziyuan baohu gongcheng.

Рис. 3. Планы действий по ликвидации бедности путем распространения путунхуа и по защите языковых ресурсов

Figure 3. Plans to eradicate poverty through Putonghua and to protect language resources

3.1. «План действий по ликвидации бедности путем распространения путунхуа»

Исходя из положения, что «борьба с бедностью должна начинаться с помощи людям в приобретении необходимых знаний и навыков, но для этого необходимыми им помочь овладеть языком»³⁵ (Xingdong jihua 2018), язык может не только способствовать прогрессу человеческой цивилизации, но и способствовать региональному экономическому росту. Исходя из этого, Министерство образования, Управление по борьбе с бедностью Госсовета и Государственный комитет по работе в области языка и письменности исследовали и разработали «План действий по ликвидации бедности путем распространения путунхуа (2018–2020)» (Xingdong jihua 2018), целью которого являются распространение путунхуа в бедных районах и исправление положения, когда ликвидация бедности не может быть осуществлена из-за языковых барьеров. К 2020 году будет достигнуто то, что все новые члены бедных семей с рабочей силой смогут общаться на путунхуа и применять его в повседневной жизни, а находящаяся в бедных районах молодежь и лица зрелого возраста с рабочей силой будут обладать основными навыками общения на путунхуа; уровень популяризации путунхуа на местах будет значительно увеличен, а также ориентировочно будет сформирована языковая среда для общения на путунхуа.

1. Одной из мер «Плана действий по ликвидации бедности путем распространению путунхуа» является организация и проведение обучения путунхуа для молодых работников, занятых в аграрном секторе экономики. Это специализированная подготовка для молодых крестьян и пастухов, которые не могут общаться на путунхуа, целью которой является приобретение базовых способностей использовать путунхуа для коммуникации. Учащиеся, сдавшие экзамен на обучение после подготовки, могут воспользоваться соответствующей политикой финансирования и получить приоритетные рекомендуемые возможности для трудоустройства и учебы.
2. Вторая мера заключается в синхронном продвижении профессиональной подготовки и распространении путунхуа. В проектах профессиональной подготовки изучение путунхуа должно рассматриваться как важное содержание подготовки и должно сочетать

³⁵ 扶贫先扶智，扶智先通语 — перевод мой — Л.С.

распространение путунхуа с обучением профессиональным навыкам для повышения конкурентоспособности занятости и стимулирования занятости среди бедных.

3. Третья мера касается знания путунхуа государственными служащими низовых уровней. Она сводится к образцовой роли госслужащих, как знающих путунхуа. От вновь нанятых госслужащих на всех уровнях требуется владение путунхуа на соответствующего уровня, и требуется усиления информированности низовых кадров о важности использовании путунхуа и повышения их квалификации в целях его применения. В то же время следует провести специальную подготовку низовых кадров уездного уровня³⁶ и ниже, которые не могут общаться на путунхуа, и стремиться к тому, чтобы все работающие кадры имели возможность употреблять путунхуа в течение 13-й пятилетки (2016–2020 г.) (Shisan wu guihua 2016).
4. Четвертая мера подчеркивает необходимость активного усиления языковой работы в школах, обеспечение использования общего языка как основного языка образования, а также обеспечение возможности выпускников средних школ всех этнических групп использовать путунхуа и уметь на нем общаться при уважении и защите права учащихся этнических меньшинств на получение образования на своем этническом языке.
5. Пятая мера заключается в строгом контроле за языком учителей, что требует, чтобы вновь нанятые учителя всех уровней и типов школ соответствовали стандартам оценки уровня владения путунхуа, установленным государством, и путунхуа всех работающих учителей соответствовал стандартам с помощью различных методов, таких как обучение с отрывом от работы и дистанционное самообучение, а также требует, чтобы двуязычные учителя этнических меньшинств могли использовать путунхуа для преподавания и их знание путунхуа достигло соответствующего уровня.

Несмотря на то, что «План действий по ликвидации бедности путем распространению путунхуа» (Xingdong jihua 2018) прежде всего направлен на

³⁶ В настоящее время в КНР существует четырёхступенчатое административное деление: провинции (автономные районы, города центрального подчинения), округи, уезды и волости. А уезд — основная административная единица уездного уровня в КНР. Уезды постоянно существовали с периода Сражающихся царств, то есть, намного раньше, чем любая другая административная единица КНР.

распространение путунхуа, он также предусматривает всестороннее планирование и комплексное развитие других языков КНР. При активном распространении путунхуа и нормативных иероглифов, данный План уважает свободу всех этнических групп использовать свои этнические языки и письменности. Таким образом, «План действий по ликвидации бедности путем распространению путунхуа» (Xingdong jihua 2018) имеет высокое языковое и социальное значение, он действительно соответствует стратегии «построение гармоничной языковой жизни».

3.2. Проект по защите языковых ресурсов

Китай характеризуется наличием большого числа языки и богатыми языковыми ресурсами. Однако по мере разработки и осуществления политики «распространения по всей стране путунхуа» (Cao Zhiyun 2015: 11) использование и развитие многих китайских диалектов и языков этнических меньшинств в разной степени подверглись влиянию, и даже многие языки находятся под угрозой исчезновения. Вместе с тем они являются носителями этнического культурного наследия, ресурсом развития, а также одним из важных компонентов мягкой силы страны. Защита языковых ресурсов имеет чрезвычайно большое значение. В последние годы Китай придерживается концепции «языковых ресурсов» и осуществляет ряд проектов по защите языков.

Государственный комитет по языковой политике и реформе Министерства образования в изданном «Проекте разделения труда 13-го пятилетнего плана развития национального языка и письменности»³⁷ (Fengong fangan 2016) считает необходимым «реализовать проект по защите китайских языковых ресурсов, собирать и распределить фактические языковые ресурсы и сетевые языковые ресурсы китайских диалектов, языков этнических меньшинств и народной устной культуры, создать крупномасштабную и устойчиво развивающуюся мультимедийную библиотеку языковых ресурсов, разработать систему демонстрации языков, составить и усовершенствовать лингвистический атлас Китая, языковой журнал и другие основные серии научных достижений; содействовать постройке Музея китайских языков и письменностей»³⁸ (Fengong fangan 2016).

³⁷ «国家语言文字事业“十三五”发展规划»分工方案.«Guojia yuyan wenzi "shisan wu" fazhan guihua» fengong fangan.

³⁸ 实施中国语言资源保护工程, 收集整理汉语方言、少数民族语言和民间口头文化的实态语料和网络语料, 建设大规模、可持续发展的多媒体语言资源库, 开发语言展示系统, 编制和完善中国语言地图集、语言志等基础性系列成果; 推动筹建中国语言文字博物馆 — перевод мой — Л.С.

«Национальный среднесрочный и долгосрочный план реформирования и развития языковых мероприятий (2012–2020 годы)» (Zhongchangqi gangyao 2012) в качестве концепции предлагает «научно обоснованную защиту» и выдвигает конкретные меры по защите языков и письменностей различных этнических групп, в том числе предлагается:

1. Научная запись и сохранение языков и письменностей различных этнических групп. Предполагается создать аудио базу китайских языковых ресурсов. Путем научного проектирования и единообразного планирования, исследовать и собрать звуковой корпус пунхуа, китайских диалектов и языков этнических меньшинств для сохранения, углубленного развития и использования. А также научно сохранить фактическую форму этнических языков Китая.
2. Строительство информатизации языков и письменностей этнических меньшинств. Предполагается разработать нормы и стандарты в отношении языков и письменностей этнических меньшинств. Ускорить разработку основных норм и стандартов языков и письменностей этнических меньшинств, которые срочно необходимы для социального применения и информатизации. Наладить работу по стандартизации терминологии языков этнических меньшинств. Создать базу данных языков и письменностей этнических меньшинств. Сбирать и сортировать историю развития языков и письменностей этнических меньшинств и их культурную информацию, а также создавать библиотеку языков и культур этнических меньшинств и крупномасштабный корпус традиционных и общих языков этнических меньшинств.
3. Спасение и защита языков этнических меньшинств, находящихся под угрозой исчезновения. Предполагается оказать поддержку Государственной комиссии по делам этносов в завершении расследования 20 языков этнических меньшинств, находящихся под угрозой исчезновения, и опубликовать «Серию книг о защите языков и письменностей этнических меньшинств Китая».

Проект по защите языковых ресурсов Китая добился заметных успехов. В соответствии с докладами «Состояние работы в области языка и письменности и языковой жизни Китая»³⁹ (Yuyan zhuangkuang 2019, 2020), опубликованными в 2019 и 2020 годах, до 2020 года страна успешно завершила первый этап проекта по защите языковых ресурсов сроком на 5 лет, провела

³⁹ 中国语言文字事业和语言生活状况. Zhongguo yuyan wenzi shiye he yuyan shenghuo zhuangkuang.

обследование по 1712 пунктам, охватывающим все провинции страны, включая Гонконг, Макао и Тайвань, а также 123 языка и их основные диалекты, что стало крупнейшим проектом по защите языковых ресурсов в мире. В 2020 году государство разработало план строительства для второго этапа проекта, содействовало составлению местных серий книги, таких как «Описание языков Китая, находящихся под угрозой исчезновения»⁴⁰ и «Сборник языковых ресурсов Китая»⁴¹, в различных местах, а также открыло пробную эксплуатацию Библиотеки языковых ресурсов Китая и платформы сбора данных⁴², в которых сводятся данные опросов.

Проект по защите языковых ресурсов Китая также получил широкое одобрение и активно использовался международным сообществом в качестве примера. 21 февраля 2019 года в 20-й «Международный день родного языка» Китай совместно с ЮНЕСКО опубликовали итоговый документ первой Международной конференции по защите языковых ресурсов «Защита и содействие сохранению языкового разнообразия в мире: Декларация Юэлу»⁴³ (Yuelu xuanyan 2019), которая донесла голос Китая до всего мира, предоставила китайскую мудрость и в полной мере воплотила концепцию 'построения сообщества единой судьбы человечества'⁴⁴ (Gongtongti 2015).

Первые два десятилетия нового века стали третьим золотым периодом работы в области языка и письменности. В Китае была построена многоязычная и гармоничная языковая жизнь, в которой доминирует путунхуа, были сформированы рабочие рамки 'управления языком по закону'⁴⁵ и рабочая модель 'широкого взгляда на язык'⁴⁶. Объектом языкового планирования являются не только путунхуа и нормативные иероглифы, но и диалекты китайского языка, этнические языки, языки особых групп, такие как языки жестов, шрифт Брайля и др., и иностранные языки; языковое планирование больше не касается только языковой жизни на материковом Китае, но и языковой жизни Гонконга, Макао и Тайваня; оно также интересуется статусом китайского языка за

⁴⁰ 中国濒危语言志. Zhongguo binwei yuyanzhi.

⁴¹ 中国语言资源集. Zhongguo yuyan ziyuanji.

⁴² 中国语言资源库和采录展示平台. Zhongguo yuyan ziyuanku he cailu zhanshi pingtai.

⁴³ 保护和促进世界语言多样性: 岳麓宣言. Baohu he cujin shijie yuyan duoyangxing: Yuelu xuanyan.

⁴⁴ 构建人类命运共同体. Goujian renlei mingyun gongtongti.

⁴⁵ 依法治国. Yifa zhiyu.

⁴⁶ 大语言观. Da yuyanguan.

рубежом и международной языковой жизнью. На основе опыта работы третьего золотого периода проведение академического и практического отчетов о языковом планировании Китая способствует пониманию целей и направлений будущего развития работы в области языка и письменности.

4. Заключение

Роберт Ходж, австралийский семиотик и лингвист отметил, что «язык, так же как и коммуникация, является средством контроля» (Hodge 1996: 6). Языковая политика представляет собой важный механизм для государства по управлению обществом и разрешению политических конфликтов, она также играет важную роль в формировании общественного мнения, укреплении политических сил и централизации экономических ресурсов. Практика показывает, что цели языковой политики разных исторических периодов обычно согласуются с политическими целями государства данного периода и часто служат политическим целям государства.

С момента основания Нового Китая 'защита национального суверенитета'⁴⁷ и 'обеспечение этнического равенства'⁴⁸ стали главными целями управления государством и обеспечения стабильности в стране. Разработка и реализация языковой политики, соответствующей политическим потребностям страны, напрямую связаны с национальной идентичностью и национальным единством. Соответственно, появилась языковая политика 'субъективности с разнообразием', которая стала основной линией и направлением языковой политики Китая. До 21-го века языковая политика 'субъективности с разнообразием' была разделенной и независимой, политика 'субъективности' имела приоритет над политикой 'разнообразия', а 'разнообразие' держалось отдельно от 'субъективности'. После 21-го века политика построения гармоничной языковой жизни, политика защиты языков, политика языковых услуг и политика повышения языковой компетенции в большей степени воплощают тенденцию слияния языковой политики 'субъективности с разнообразием'. Проблемы, волнующие лингвистические и литературные круги, больше не ограничиваются макро- и микропроблемами, которые связаны с самим языком и письменностью. Они начали уделять внимание некоторым вопросам, связанным со страной и функцией языка, а также начали инициативно служить государственной стратегии развития. Тенденция к тому, что

⁴⁷ 维护国家主权. Wei hu guojia zhuquan.

⁴⁸ 实行民族平等. Shixing minzu pingdeng.

цели языковой политики страны служат политическим целям страны, становится все более очевидной.

«С тех пор как люди вступили в цивилизованное общество, они никогда не были пассивными и не пускали все на самотек, но всегда активно и намеренно влияли на развитие языка, что представляет собой неотъемлемую часть того, чтобы человек доминировал в обществе и преобразовывал объективный мир. Такое активное влияние становится все больше и больше по мере развития общества. Особенно в эпоху индустриализации языковое планирование постепенно стало очень сознательным поведением правительств различных стран»⁴⁹ (Xu Jialu 2000: 481).

Первые 20 лет нового века стали третьим золотым периодом работы в области языка и письменности. В данный период основными темами работы являются построение гармоничной языковой жизни, повышение языковой компетенции страны и народа, защита и развитие языковых ресурсов и построение общества, свободного от информационных барьеров. Посредством ряда мер, таких как «ликвидация бедности путем распространения путунхуа» (Xingdong jihua 2018) и реализация «проекта по защите языковых ресурсов» (Li Mingyu 2021), в Китае построилась гармоничная языковая жизнь, в которой доминирует путунхуа; государство ценит формулирование языковых норм и стандартов, что привело к формированию масштабной системы нормативов и стандартов; уделяя внимание отечественному языковому планированию, Китай также исследует международную языковую жизнь, старается смягчить языковые конфликты и укрепить международное языковое сотрудничество путем инициативы «Пояса и Пути»⁵⁰ и построения сообщества единой судьбы человечества. В общем, работа в области языка и письменности Китая в третий золотой период достигла больших успехов, что предоставило ценный опыт для своего будущего развития.

Исследование языковой политики и языкового планирования становится все более важным в современном обществе. Все страны пытаются разработать языковую политику, соответствующую своим конкретным условиям страны, и провести разумное языковое планирование. Рассматривая языковую политику и языковое планирование Китая за последние 20 лет, можно сделать вывод, что формулирова-

⁴⁹ 自人类进入文明社会以后，人类从来就不是消极地任其自流，总是要积极地、有意地影响语言的发展。这是人类主宰社会、改造客观世界的一个组成部分。这种主动施加的影响随着社会的进步越来越大。特别是进入工业化时代，语言规划逐渐成为各国执政者十分自觉的行为 — перевод мой — Л.С.

⁵⁰ 一带一路. Yi dai yi lu.

ние языковой политики и языкового планирования Китая часто связывается с государственными потребностями и служит государственной стратегии развития. В будущем область исследований китайской языковой политики и языкового планирования будет очень широкой, а исследовательские вопросы будут весьма сложными, соответственно, потребности страны и общества в языке и письменности будут более разнообразными.

Список литературы / References

- Москвичева С.А., Ли Сюэ. Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве Китайской Народной Республики // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Вып. 8, № 4. Москва: РУДН. С. 1103–1117. [Moskvicheva, Svetlana. Syue, Li. 2017. Kategorizatsiya nominatsii yazykov v sotsiolingvisticheskim prostranstve Kitaiskoi Narodnoi Respublike. (Categorization of language nominations in the sociolinguistic space of the People's Republic of China.) Vestnik RUDN. Seriya: Teo-riya yazyka. Semiotika. Semantika. Vyp. 8, N4. Moskva: RUDN. 1103–1117.]
- Cao Zhiyun (2015). 曹志耘. (2015). 中国语言资源保护工程的定位、目标与任务. *语言文字应用*, 第4期. pp. 10–17. [Цао Чжюнь (1960). Позиционирование, цели и задачи Проекта по защите языковых ресурсов Китая. Применения языка и письменности, вып. 4. С. 10–17].
- Fengong fangan (2016). «国家语言文字事业“十三五”发展规划»分工方案 [Проекте разделения труда на «13-го пятилетнего плана развития национального языка и письменности]. http://www.gov.cn/xinwen/2017-01/16/content_5160213.htm (Дата обращения: 26/12/22).
- Gongtongti (2015). 构建人类命运共同体 [Построения сообщества единой судьбы человечества]. <https://baike.baidu.com/item/构建人类命运共同体/23152032> (Дата обращения: 26/12/22).
- Goujian hexie de yuyan shenghuo (2008). 构建和谐的语言生活 [Построение гармоничной языковой жизни]. https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2008-02/22/nw.D110000gmrb_20080222_4-10.htm (Дата обращения: 26/12/22).
- Hodge R., Kress G. (1996). *Language as Ideology*. London: Routledge, pp. 6. [Ходж Р., Кресс Г. (1996). Язык как идеология. Лондон: Ратледж, 1996 — С. 6].
- Shaoshu minzu gongcheng (2012). 少数民族濒危语言抢救和保护工程 [Проект по спасению и защите вымирающих языков этнических меньшинств]. <http://www.gov.cn/zhengce/content/2012-07/> (Дата обращения: 26/12/22).
- Shen Haiying (2014). 沈海英. (2014). 中国语言政策研究综述. *昆明理工大学学报(社会科学版)*, 第14卷, 第3期. pp.93 — 101. [Шэнь Хайин (2014). Обзор исследования языковой политики Китая. Журнал Технологического университета Куньмина (Серия: Наука и техника), вып.14, № 3. С. 93–101].

- Shisan wu guihua (2016). 国家语言文字事业“十三五”发展规划 [Тринадцатое пятилетнее планирование развития языковых мероприятий государства]. <http://www.moe.gov.cn/> (Дата обращения: 26/12/22).
- Shiyi wu guihua (2007). 国家语言文字工作“十一五”规划 [Одиннадцатое пятилетнее планирование работы в области языка и письменности]. <https://baike.baidu.com/item/国家语言文字工作“十一五”规划> (Дата обращения: 26/12/22).
- Xian Fa (1982). 中华人民共和国宪法 [Конституции Китайской Народной Республики]. http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (Дата обращения: 26/12/22).
- Xingdong jihua (2018). 推普脱贫攻坚行动计划 (2018–2020年) [План действий по ликвидации бедности путем распространения путунхуа (2018–2020 г.)]. http://www.moe.gov.cn/srcsite/A18/s3129/201802/t20180226_327820.html (Дата обращения: 26/12/22).
- Xu Jialu (1998). 许嘉璐. (1998). 开拓语言文字工作新局面 为把社会主义现代化建设事业全面推向21世纪服务 — 在全国语言文字工作会议上的报告 (1997年12月23日). *语言与翻译*, 第1期. pp. 3–10. [Сюй Цзялу (1998). Создание новой обстановки в работе в области языка и письменности Служение содействию делу строительства социалистической модернизации в 21 веке — Доклад на государственной конференции по работе в области языка и письменности (23 декабря 1997 г.). *Язык и перевод*, вып. 1. С. 3–10].
- Xu Jialu (2000). 许嘉璐. (2000). 未成集 — 论新时期语言文字工作. 北京: 语文出版社, pp. 481. [Сюй Цзялу (2000). Незавершенный сборник — О работе в области языка и письменности в новый период. Пекин: Издательство китайского языка, 2000 — С. 481].
- Yuan Wei (2020). 袁伟. (2020). 我国主体多样的语言政策. *中国民族教育*, 第11期. pp. 9–10. [Юань Вэй (1998). Языковая политика 'Субъективности с разнообразием' нашей страны. *Этническое образование Китая*, вып. 11. С. 9–10].
- Yubao gongcheng (2015). 语言资源保护工程 [Проект по защите языковых ресурсов]. <https://baike.baidu.com/item/中国语言资源保护工程/19458256?fr=aladdin> (Дата обращения: 26/12/22).
- Yuelu xuanyan (2019). 保护和促进世界语言多样性: 岳麓宣言 [Защита и содействие сохранению языкового разнообразия в мире: Декларация Юэлу]. <https://baike.baidu.com/item/岳麓宣言/23265584?fr=aladdin> (Дата обращения: 26/12/22).
- Yuyan zhuangkuang (2019, 2020). 中国语言文字事业和语言生活状况 [Состояние работы в области языка и письменности и языковой жизни Китая]. <http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2020/>; <http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2021/> (Дата обращения: 26/12/22).
- Zhao Shiju (2015). 赵世举. (2015). 全球竞争中的国家语言能力. *中国社会科学*, 第3期. pp. 104–118. [Чжао Шицзю (2015). Языковая компетенция государства в условиях глобальной конкуренции. *Социальные науки в Китае*, вып. 3. С. 104–118].

- Zhongchangqi gangyao (2012). 国家中长期语言文字事业改革和发展规划纲要 (2012-2020 年) [Национальный средне- и долгосрочный план реформирования и развития языковых мероприятий (2012–2020 годы)]. [https://baike.baidu.com/item/国家中长期语言文字事业改革和发展规划纲要\(2012-2020年\)/12983157?fr=aladdin](https://baike.baidu.com/item/国家中长期语言文字事业改革和发展规划纲要(2012-2020年)/12983157?fr=aladdin) (Дата обращения: 26/12/22).
- Zhonggong Zhongyang de jue ding (2011). 中共中央关于深化文化体制改革、推动社会主义文化大发展大繁荣若干重大问题的决定 [Решение ЦК КПК по ряду важных вопросов о углублении реформы системы культуры и содействии развитию и процветанию социалистической культуры]. http://www.gov.cn/jrzq/2011-10/25/content_1978202.htm (Дата обращения: 26/12/22).
- Zhonggong Zhongyang de jue ding (2017). 中共中央关于完善社会主义市场经济体制若干问题的决定 [Решение ЦК КПК по ряду важных вопросов о совершенствовании системы социалистической рыночной экономики]. http://www.scopssr.gov.cn/zlzx/ddh/ddh17_3945/ddh173/201811/t20181121_329140.html (Дата обращения: 26/12/22).
- Zhou Qingsheng (2013). 周庆生. (2013). 中国“主体多样”语言政策的发展. *新疆师范大学学报(哲学社会科学版)*, 第2期. pp. 32–44. [Чжоу Циншэн (2013). Развитие языковой политики 'Субъективности с разнообразием' Китая. Журнал Синьцзянского педагогического университета (Серия: философия и социальная наука), вып. 2. С. 32–44].

История статьи / Article history:

Получена / Received: 27 декабря 2022 / 27 December 2022

Принята в печать / Accepted: 20 февраля 2023 / 20 February 2023

Сведения об авторе:

Ли СЮЭ является аспирантом кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Сфера научных интересов: социалингвистика, лингвистическая семантика, лингвистическая типология, миноритарные языки, вопросы языковой политики и языкового планирования.

E-mail: evelynlee@mail.ru

Bionote:

Le SYUE is a PhD student at Faculty of Philology, RUDN University. Research field: Sociolinguistics, linguistic semantics, linguistic typology, minority languages, language policy and language planning.

E-mail: evelynlee@mail.ru

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-101-117

EDN: SNXLQL

Научная статья

Модернизация терминосистемы в области высшего образования в Казахстане как пример корпусного планирования

Ангелина Викторовна ПАК

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

Алматы, Казахстан✉ angelinapak98@mail.ru**Алена Сергеевна ДЕМЧЕНКО**

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

Алматы, Казахстан✉ alenchika@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена аспектам языковых заимствований в рамках модернизации системы высшего образования Казахстана, анализируются социальные аспекты процесса заимствования и понятийно-терминологический аппарат административного дискурса Казахстана. На сегодняшний день употребление заимствованной лексики в речи и официальных документах становится распространенным лингвистическим явлением. Данный вопрос имеет особую значимость в связи с условиями модернизации системы высшего образования Казахстана, основанный на Болонском процессе. Актуальность исследования обусловлена большим количеством лексических заимствований в русском языке, а также их употреблением в речи на разных языковых уровнях. Постоянно растущая роль высшего образования в XXI веке определяется научно-техническим прогрессом и глобальной технологизацией развитых стран мира. Развитие казахстанского общества является органичной частью процесса постепенного перехода человеческой цивилизации к новому этапу ее

© Пак А.В., Демченко А.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

развития. Задача Болонского процесса — создание европейского пространства высшего образования, что приведет к возникновению поистине панъевропейского интеграционного проекта в этой области. В связи с этим процессом наблюдается пополнение большого пласта заимствованной лексики. Изучение сущности данного лингвистического феномена остаётся по-прежнему актуальным.

Ключевые слова: русский язык в Казахстане, языковая политика, корпусное планирование, английские заимствования, терминология, терминосистема высшего образования, Болонский процесс

Для цитирования:

Пак А.В., Демченко А.С. Модернизация терминосистемы в области высшего образования в Казахстане как пример корпусного планирования // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2023. Т. 1. № 1. С. 101–117. doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-101-117 EDN: SNXLQL

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-101-117

EDN: SNXLQL

Research article

Modernization of terminological system in the field of higher education in Kazakhstan as an example of corpus planning

Angelina Viktorovna PAK

Al-Farabi Kazakh National University

Almaty, Kazakhstan

✉angelinapak98@mail.ru

Alena Sergeevna DEMCHENKO

Al-Farabi Kazakh National University

Almaty, Kazakhstan

✉alenchika@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the aspects of language borrowings within the framework of the modernization of the higher education system in Kazakhstan, the social aspects of the borrowing process and the conceptual and terminological apparatus of the administrative discourse of Kazakhstan are analyzed. Today, the use of borrowed vocabulary in speech and official documents is becoming a common linguistic phenomenon. This issue is of particular importance in

connection with the conditions for the modernization of the higher education system of Kazakhstan, based on the Bologna process. The relevance of the study is due to the large number of lexical borrowings in the Russian language, as well as their use in speech at different language levels. The ever-growing role of higher education in the 21st century is determined by scientific and technological progress and the global technologization of the developed countries of the world. The development of Kazakhstani society is an organic part of the process of gradual transition of human civilization to a new stage of its development. The task of the Bologna Process is to create a European Higher Education Area, which will lead to the emergence of a truly pan-European integration project in this area. In connection with this process, there is a replenishment of a large layer of borrowed vocabulary. The study of the essence of this linguistic phenomenon is still relevant.

Keywords: Russian language in Kazakhstan, language policy, corpus planning, English borrowings, terminology, higher education terminological system, Bologna process

For citation:

Pak, Angelina and Demchenko, Alena. 2023. Modernization of terminological system in the field of higher education in Kazakhstan as an example of corpus planning. *Macrosociolinguistics and Minority Languages* 1 (1). 101-117. (In Russian). doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-101-117 EDN: SNXLQL

1. Введение

Развитие любого языка на том или ином этапе связано и характеризуется наличием процесса заимствования. Этот процесс зависит от экстралингвистических условий и событий, то есть обусловлен социально. Геополитические и социальные сдвиги в обществе отражаются на понятийно-терминологическом аппарате (количество, содержание, тип, интенсивность использования терминов). Изучение и анализ процесса заимствования дает возможность оценить политическую, культурную сторону жизни общества и, таким образом, установить корреляции между социальными факторами и природой динамики языка.

В теоретическом плане эти процессы возвращают нас к проблемам, которые советская лингвистика обсуждала в 20-30-х годах XX века, а именно к возможности/невозможности сознательного влияния на язык.

«Проблема принципиальной возможности языковой политики по-разному решалась в языкознании первой трети XX века. Понимание языка Ф. де Соссюром как явления «насквозь социального», но вместе с тем «недостижимого не только для индивида, но и для массы говорящих» предполагало невозможность вмешательства общества в языковой процесс. Аргументы, опровергающие эту точку зрения также приведены в статье Л.П. Якубинского (Якубинский 1931). Критику позиции Ф. де Соссюра также

можно найти в ряде статей Н. Волошинова (Волошинов 1928, 1930)» (Moskvitcheva 2016: 127)¹. Наиболее законченное и концептуально завершённое оформление идея о не просто возможности, но необходимости влияния на язык с целью развития его социальных функций получила уже в 60-е годы в трудах Х. Клосса, который предложил термины статусное и корпусное планирование. Х. Клосс в работе 1966 года впервые выделил два основополагающих типа языкового планирования (Kloss 1966). «Оно может быть направлено на изменение структуры и системы языка как такового, и тогда речь идет о корпусном планировании, и на изменение социально-культурного статуса и функций языка, такой тип планирования получил название статусного планирования» (Москвичева 2013: 94). Наше исследование вписывается в проблематику корпусного планирования.

2. Контекст исследования: реформы образовательного пространства Республики Казахстан

Современное казахстанское общество характеризуется общественной модернизацией и включением в мировые интеграционные процессы, где ведущую позицию занимает образование. Под модернизацией мы понимаем переход от традиционного общества к современному, которое, по мнению советского и российский философа, специалиста в области социальной философии, методологии социального познания В.Г. Федотовой, включает в себя, коренное отличие от традиционного. Т.е. ориентацию на инновации, преобладание инноваций над традицией, светский характер социальной жизни, поступательное (нециклическое) развитие, выделенную личность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности, индустриальный характер, массовое образование, активный деятельностный психологический склад и т.д. (Федотова 2000).

Высокоэффективная система образования является одним из основных факторов обеспечения устойчивого роста экономики страны и казах-

¹ «Le problème de la possibilité de mener une politique linguistique fut abordé de diverses façons dans la linguistique du premier tiers du XXe siècle. Le fait que F. de Saussure comprenait la langue comme un phénomène « entièrement social » et simultanément « inaccessible non seulement pour un individu, mais aussi pour l'ensemble des locuteurs » éliminait toute possibilité, pour la société, d'intervention dans les processus linguistiques. Les arguments (néanmoins pas très convain- cants) qui réfutent ce point de vue, sont proposés dans l'article de L. Jakubinskij ([Yakoubinski], 1931). La critique de la position de F. de Saussure peut être trouvée aussi dans des articles de N. Volochinov (Vološinov, 1928, 1930)». — Перевод С.А. Москвичевой.

станского общества. Образовательная политика Казахстана, отражая общенациональные интересы в сфере образования и предъявляя их мировому сообществу, учитывает вместе с тем общие тенденции мирового развития, обуславливающие необходимость модернизации в системе образования, которые заключаются в следующем:

во-первых, ускорение темпов развития общества, расширение возможностей политического социального выбора;

во-вторых, переход к постиндустриальному, информационному обществу, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, в связи с чем особую важность приобретают формы коммуникабельности толерантности;

в-третьих, возникновение и рост глобальных проблем, которые могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества, что требует формирования современного мышления у молодого поколения;

в-четвертых, динамичное развитие экономики, рост конкуренции, сокращение сферы неквалифицированного и малоквалифицированного труда, глубокие структурные изменения в сфере занятости, определяющие постоянную потребность в повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, росте их мобильности;

в-пятых, возрастание роли человеческого капитала.

Рассмотренные выше общие тенденции мирового развития, в области модернизации в системе образования, говорят нам о том, что человеческий фактор становится главным в определении будущего страны в новом тысячелетии. Поэтому пришло понимание, что будущее современной цивилизации зависит не только от уровня технического прогресса и экономического роста. Оно все больше определяется ролью личности, готовой решать главные социально-экономические проблемы на благо и во имя человека. По данным ЮНЕСКО, одной из причин этого явления стала переоценка ценностей мировой цивилизации, в процессе которой общество подошло к осознанию необходимости воспитания человека культуры с планетарным мышлением, способного активно участвовать в социальном прогрессе (Калжанова 2016).

3. Внедрение принципов Болонской системы в Казахстане

Модернизация системы высшего образования Казахстана началась с присоединения Казахстана к Болонскому процессу, который выделил проблему создания европейского региона высшего образования в качестве ключевого момента для развития мобильности граждан, их востребованности и глобального развития континента. В марте 2010 года Казахстан официально присоединился к Болонской декларации и стал 47-м полноправным членом Европейской зоны высшего образования. Болонская конвенция представляет из себя соглашение, подписанное главами департаментов образования 29 европейских государств в 1999 году. Цель соглашения заключается в создании единого образовательного пространства, единой системы высшего образования в Европе. Болонский процесс стал толчком к развитию процессов, необходимых для того, чтобы система высшего образования в Европе стала более сопоставимой, конкурентоспособной, привлекательной как для граждан Европы, так и для представителей других континентов. Болонский процесс признает место высшего образования в общественном достоянии, уделяет особое внимание качеству, но утверждает, что поддержание качества его повышение потребует увеличения государственных инвестиций в систему и в ее кадры.

Ключевыми позициями в рамках Болонского процесса являются:

во-первых, повышение конкурентоспособности и привлекательности европейского образования; во-вторых, сближение национальных образовательных систем; в-третьих, процесс структурной перестройки высшего образования, предусматривающей реформирование национальных систем высшего образования, введение многоуровневого высшего образования; в-четвертых, принятие системы академических кредитов; контроль качества образования; в-пятых, расширение студенческой и преподавательской мобильности; ориентация на результаты обучения.

Из этого следует, что сотрудничество и интеграция в мировое образовательное пространство — это одно из основных направлений в политике Казахстана, развитии внешнеполитического курса страны. Участие в Болонском процессе означает для республики повышение конкурентоспособности казахстанских образовательных услуг, признание уровня квалификации ученых и преподавателей. Вхождение казахстанской высшей школы в Болонский процесс рассматривается как средство повышения качества подготовки специалистов для национальной экономики, а также как необходимое

условие усиления позиций Казахстана в международном образовательном пространстве.

Реализация принципов Болонского процесса требует от казахстанской высшей школы:

во-первых, перехода на трехуровневую модель обучения (бакалавриат–магистратура–докторантура PhD). Согласно Закону Республики Казахстан «Об образовании» 2007 года в Казахстане предусмотрена трехступенчатая модель подготовки специалистов: бакалавр–магистр–доктор PhD. Выполнение принятых обязательств было обозначено в Государственной программе развития образования РК на 2011–2020 годы;

во-вторых, внедрена кредитная технология обучения. Академические кредиты ECTS (European Credit Transfer System – Европейская система перевода и накопления баллов). Система трансферта кредитов ECTS позволяет проводить оценку усвоения и освоения образовательных программ в единицах трудоемкости. Данная технология направлена на обеспечение академической мобильности студентов и преподавателей, признание национальных программ и обеспечение конвертируемости отечественных дипломов;

в-третьих, в связи с этой целью вводится выдача единого европейского приложения к диплому (Diploma Supplement).

Так, опираясь на опыт высшей школы развитых стран мира, отечественное образование выстраивает систему, обеспечивающую востребованность выпускников высшей школы на рынке труда.

Поэтому на основе вышеизложенного были приняты следующие шаги по реализации новой системы высшей школы Казахстана:

во-первых, с 2015 года законодательно закреплены нормы обязательного прохождения студентами профессиональной практики, начиная со второго курса обучения. Обязательна также отработка по специальности студентов, обучавшихся по госзаказу;

во-вторых, в 2016 году в Государственный общеобязательный стандарт докторантуры внесены изменения и дополнения в части включения понятия постдокторантуры (мотивация научного карьерного роста). В этом же году была предоставлена возможность получить степень доктора PhD на платной основе, а с 2019 года Diploma Supplement стал обязательным документом, выдаваемым выпускникам вузов совместно с дипломом об окончании вуза. Данный документ является результатом выполнения Парижского коммюнике (май 2018 г.);

в-третьих, мы знаем, что выполнение основных параметров Болонского процесса включает также развитие полиязычного образования. На стадии становления полиязычного образования находится и Высшая школа Казахстана. В 2023 году по сравнению с 2012 годом количество вузов, предоставляющих обучение на английском языке, увеличилось значительно, в настоящее время более чем в 50 вузах функционируют специальные отделения, где обучение ведется на английском языке;

в-четвертых, классификатор направлений подготовки и специальностей высшего образования 2004 года содержит компетентностную модель подготовки кадров. Внедрение европейской системы трансферта кредитов (ECTS) начато с 2009 года. Для обеспечения преемственности программ бакалавриата и магистратуры в 2009 году принят действующий Классификатор специальностей высшего и послевузовского образования;

в-пятых, ГОСО высшего и послевузовского образования разрабатывались в контексте расширения академической свободы вузов. Рассматривалось соотношение дисциплин обязательного компонента и компонента по выбору в сторону постепенного уменьшения обязательного компонента;

в-шестых, Высшая школа Казахстана разработала образовательные программы с учетом потенциала ППС (профессорско-преподавательский состав) и учебно-лабораторной базы, потребностей рынка труда. Результаты обучения на выходе разрабатывались в соответствии с Дублинскими дескрипторами. Созданы органы оценки качества высшего и послевузовского образования: Республиканский аккредитационный совет, национальный реестр аккредитационных органов, аккредитованных вузов и программ. В ГОСО высшего образования академическая самостоятельность вузов расширена до 65%, магистратуре — 70%, докторантуре — 90%;

в-седьмых, в 2012 году принята Национальная рамка квалификаций (НРК). Она создала основу для признания квалификаций на рынке труда и реализации стратегии обучения в течение всей жизни. В 2013 году разработан План поэтапной разработки национальной системы квалификаций. В последующие годы в НРК были внесены соответствующие изменения. Национальная рамка квалификаций (НРК) содержит 8 уровней квалификации, что соответствует Европейской рамке квалификаций и уровням образования, определенным Законом Республики Казахстан от 27 июля 2007 года «Об образовании». Восемь рекомендуемых уровней описаны в форме результатов обучения;

в-восьмых, на основе 13 профстандартов разработана 131 образовательная программа. Унифицирован стандарт по циклам социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Это развивает академическую мобильность и технологичность учебного процесса;

в-девятых, разработка типовых учебных планов, образовательных программ, рабочих учебных планов специальностей, индивидуальных учебных планов студентов и учебных программ по дисциплинам должна в обязательном порядке соответствовать требованиям ГОСО высшего образования (Шуиншина, Альпеисов, Ахметова, Туяков, Адамова 2019).

Отмечаем, что в Казахстане, на момент 2023 года, насчитывается 120 высших учебных заведений с контингентом учащихся около 623 тыс. студентов. Численность ППС – 36378 чел. Согласно ГОСО ВПО, в Казахстане обучение в бакалавриате насчитывает 240 кредитов, в специалитете 300 кредитов, в магистратуре 60–120 кредитов, в докторантуре 180 кредитов.

Мы наблюдаем, что активно идет процесс академической мобильности студентов, ППС (профессорско-преподавательский состав) и административного персонала. Государство приглашает зарубежных ученых для сотрудничества с казахстанскими вузами. Начало реализации программы академической мобильности в казахстанских вузах относится к 2011 году. В период с 2011 по настоящее время, количество обучаемых, выехавших по программе мобильности в целом за счет бюджетных и внебюджетных средств более 17 000 человек. Например, в КазНУ для формирования конкурентоспособного, обладающего необходимыми компетенциями специалиста созданы многосторонние программы с зарубежными университетами, не просто обменные, но и программы двойного диплома; есть опыт работы в рамках УШОС, сетевого университета СНГ.

Мы знаем, что выход казахстанского высшего образования на внешние рынки является задачей Стратегического плана развития РК до 2025 г. и будет способствовать повышению конкурентоспособности и востребованности национальной системы высшего образования.

Итак, на основе вышеизложенного, мы утверждаем, что система высшего образования Республики Казахстан на сегодняшний день, в корне реформирована по ведущему европейскому образцу. Более того, образовательная система страны постоянно совершенствуется, чтобы каждый гражданин Республики Казахстан всегда имел возможность получения качественного конкурентного на рынке труда образования. Происходящие изменения в системе образования Казахстана заметно повлияли на терминологию в сфере образования. В связи вхождением в Болонский процесс

обновлён понятийно-терминологический аппарат профессионального образования современного Казахстана, который отражает существенные изменения, идущие в самом профессиональном образовании.

4. Трансформационные процессы в терминологии в области высшего образования

В связи с модернизацией системы высшего образования Казахстана люди начали активно использовать термины, характеризующие системы профессионального образования зарубежных стран, процессы международного сотрудничества в сфере профессионального образования, взаимодействие сфер труда и образования в нашей стране и за рубежом. Употребляются термины и определения, связанные со службой занятости, переподготовки кадров, повышения квалификации и опережающего обучения взрослых, которые стали актуальны в последнее время. Поэтому в образовательной среде высшей школы в административном дискурсе Казахстана наблюдается процесс заимствования.

Мы рассматриваем процесс заимствований на основе документов, связанных с модернизацией системы высшего образования в Казахстане на примере: во-первых, Государственного общеобязательного стандарта высшего образования (далее — ГОСО); во-вторых, Национальной рамки квалификаций (далее — НРК); в-третьих, образовательных программ вузов (далее — ОП).

Описанный процесс модернизации системы высшего образования Казахстана рассматривается как причина и цель процесса заимствования в вышеперечисленных документах (ГОСО, НРК, ОП), так как наблюдается пополнение большого пласта заимствованной лексики.

Мы можем назвать заимствованную лексику лингвистическим объектом, привязанный к разнообразным социальным оценкам конкретных заимствованных слов или процесса заимствования в целом, поэтому мы изучаем ее с собственно языковой, а также с культурологической и социолингвистической точек зрения. Ученые-лингвисты выделяют важнейшие характерные черты языка. Это изменчивость, подвижность, стремление к совершенствованию с помощью разнообразных ресурсов и средств. Заимствование иностранной лексики — самый распространенный способ пополнения словарного состава языка (Ваулина 2005). Вместе с новыми реалиями в языке появляются слова, которые их обозначают, поэтому мы можем утверждать, что процесс заимствования является прямым следствием появления культурных, политических, экономических связей между различными странами.

Мы согласны с мнением Н.И. Гайнуллиной — профессором, доктором филологических наук, специалистом в области исторической лексикологии, семасиологии, социолингвистики (синхрония и диахрония), этимологии, диахронической русистики, лингвокультурологии, что сам процесс заимствования слов тем или иным языком является естественным процессом. Цель заимствований заключается в семантизации новых понятий, явлений, предметов и т.п. В основе данного процесса могут быть разные причины. Необходимо их определить.

Разделяя мнения лингвиста Л.П. Крысина, мы утверждаем, что существуют следующие причины заимствований:

во-первых, потребность в наименовании новой вещи или нового явления;

во-вторых, при наличии в языке содержательно близких, но при этом все же различающихся понятий — их следует разграничить;

в-третьих, необходимость специализации понятий;

в-четвертых, объект, не расчлененный на отдельные составляющие, должен обозначаться «цельно», а не сочетанием слов;

в-пятых, социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью заимствованного слова как более престижного, «ученого», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия (Крысин 1968).

Рассмотрим разные подходы к определению причин заимствования.

По мнению лингвиста М. А. Брейтера, в пособии для иностранных студентов-русистов, он акцентирует наше внимание на несколько иные причины заимствования:

во-первых, отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-реципиента. Автор отмечает, что в язык могут входить слова и выражения, новые для языка-реципиента и не существующие в языке источнике;

во-вторых, отсутствие соответствующего и более точного наименования в языке-реципиенте;

в-третьих, обеспечение стилистического эффекта;

в-четвертых, выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-реципиенте (Брейтер 1997).

Другие лингвисты находят причины появления в русском языке заимствованной лексики: появление названий новых реалий (У. Вайнрайх); потребность в рациональном использовании речевых средств (Ю.С. Сорокин,

Е.Д. Поливанов); двуязычия (У. Вайнрайх, М.П. Алексеев); зарубежная лексика вошла в моду (В.В. Виноградов, Г. Пауль) и др.

Проанализировав данные теории причин заимствования, все они сходятся к одному и выделяют: во-первых, экстралингвистические (или внеязыковые), во-вторых, интралингвистические (внутриязыковые) причины лексического заимствования.

Мы описываем два вида причин появлений заимствованной лексики в связи с процессом модернизации высшего образования в Казахстане.

Так, к экстралингвистическим (внешним) причинам заимствования в административном дискурсе Казахстана на материалах ГОСО, НРК, ОП относятся, во-первых, социальные контакты: политические, экономические, культурные, дипломатические, образовательные, в связи с модернизацией системы высшего образования и ориентацию на европейскую модель образования. К интралингвистическим (внутренним) причинам относятся: первое, проявление закона экономии речевых средств; второе, восполнение лакун в языке; третье, заимствованное слово входит в синонимический ряд заимствующего языка, имея при этом некоторый нюанс значений; четвертое, психологическая причина — заимствуется слово, которое более модное, яркое для употребления (Шанский, Иванов 1987).

Здесь следует отметить, что более детально характеризуются внутриязыковые причины заимствования (четыре пункта). Необходимо отметить, что указывается еще и психологическая причина как одна из важных внутриязыковых причин что, на наш взгляд, является справедливым.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем административный дискурс — это разновидность институционального дискурса, обладающая рядом специфических признаков. Традиционно он относится к конституционному и административному праву, т.е. юридическому дискурсу, рассматриваемому в разных значениях. В наиболее широком смысле это подвид государственной власти, деятельность органов исполнительной власти, связанная с осуществлением исполнительных и распорядительных функций, в узком — деятельность только той части органов исполнительной власти, которые связаны с правоохранительными функциями государства, например, органы внутренних дел, налоговой полиции и т.д. Необходимо отметить, что документирование является одной из главных характеристик административного дискурса.

Документ или документный текст — это сложный лингвистический объект, для создания которого требуется соблюдение языковых законов

письменной речи и внеязыковых правил организации, которой принадлежит данный документ (Косова 2016).

Целью нашей работы мы ставим изучение специфики документирования как неотъемлемого компонента административного дискурса (АД). Важным основанием документирования в АД нам представляются такие категории, как легитимность, официальность, волюнтаристичность и информативность. Каждая из категорий носит коммуникативный характер, то есть проявляет организующую или регулирующую функцию, и имеет языковое выражение в текстах документов.

Мы рассматриваем административный дискурс в области образования РК, в частности документации: ГОСО, НРК, ОП вузов, документы Болонского процесса: QF EHEA ("дублинские дескрипторы") и The European Qualifications Framework for Lifelong Learning (EQF) (Европейская система квалификаций для обучения на протяжении всей жизни).

Так, заимствованные слова в современном административном дискурсе Казахстана появились в связи с введением кредитной технологии обучения по многоуровневой системе образования Казахстана (основанный на Болонском соглашении) появились заимствованные слова, определившие новую структуру обучения по уровням: бакалавриат, магистратура, докторантура.

Заимствованные термины, в рамках обсуждаемой темы, заменили ряд ранее имеющихся в учебном процессе слов и оборотов: кредит (объем часов), силлабус (программа), траектория (индивидуальный учебный план), офис регистратора (учебная часть), офис-час (консультация), элективный курс (дополнительный курс); тьютор (куратор), эдвайзер (научный руководитель, куратор) и др. Новые термины введены и в соответствии с обновленной рейтинго-балловой системой оценки знаний обучающихся: *midterm*, *final exam*, *retake*, GPA, баллы по уровням A, B, C, D, E, F и др.

Наиболее типичной формой заимствования являются наименования, пришедшие вместе с новым предметом, понятием, явлением и т.д., которые можно назвать культурно-историческими. Они составляют основную часть лексических заимствований, например, кафедра, администратор, декан и др. Помимо этого, появлению заимствований способствовали переводы документов как специфическая форма контактов между носителями разных языков. В результате такого рода опосредствованных контактов в русском языке появились заимствования из английского языка, связанных с присоединением Казахстана к Болонскому процессу. Например, критерий, кредит, модуль, тьютор, бакалавр, магистр, доктор, аккредитация, транскрипт и др. Следующий путь пополнения лексики современного русского языка

обусловлен действием принципа экономии языковых средств: замена двучленного наименования одночленным: лекция вместо теоретическое занятие, семинар вместо практическое занятие, сессия вместо экзаменационная неделя и др.

Мы приходим к выводу, что заимствованная лексика прошла все этапы усвоения и закреплена в нормах русского литературного языка и функционирует в нем и многие лексические единицы повторяются в ГОСО РК, НРК РК, ОП казахстанского вуза, которые были непосредственно взяты из документов Болонского процесса.

Таким образом, проблемы, которые решились развитием в сфере образования Казахстана, связаны как с трендами в мировой образовательной системе, так и с внутренними целями и задачами трансформации и модернизации общества. Для решения проблем есть соответствующий мировой и собственный опыт, который позволил выбрать наиболее эффективную и оптимальную модель для дальнейшего развития культуры и общества Казахстана, связанный с Болонским соглашением.

Мы рассматриваем заимствованную лексику и по функционировании ее в языке-реципиенте, и по путям ее возникновения. По мнению В. И. Беликова и Л. П. Крысина, чем престижнее статус группы в глазах других членов данного социума, тем вероятнее, что именно ее язык способен служить образцом для подражания (Беликов, Крысин 2001). Мы соглашаемся с мнением ученых, и наблюдаем в административном дискурсе Казахстана заимствованную лексику из английского языка (вопрос социального престижа). Заимствование обогащает язык, делает его более гибким и обычно не ущемляет его самобытности, так как при этом сохраняется основной словарь языка, присущий данному языку грамматический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития. Мы говорим, что использование заимствованной лексики в связи с процессом модернизации высшего образования, имеет обоснованный характер. В свою очередь подобное утверждение тесно связано с определяющими признаками исторической эпохи, своеобразием господствующей общественно-политической системы и выбранного курса развития.

5. Заключение

На основе вышесказанного, уместно сказать, что в наш век индустриализации, научно-технического прогресса, интенсивной общественно-политической жизни, полной событиями международного значения, все время

идет процесс лексического обогащения языка. Все изменения и процессы, происходящие в общественной жизни, находят непосредственное отражение в языках всех стран мира, и русский язык, естественно, не является исключением в этом отношении. Процесс заимствования новых слов был характерен для лексической системы русского языка на всех этапах ее развития, начиная со второй половины XVIII века по настоящее время, то затухая, то время от времени активизируясь. В настоящее время наиболее активным является процесс заимствования из современных европейских языков, это подтверждают и заимствования в сфере образования.

Таким образом, начавшийся в конце XX и начале XXI в. стремительный рост заимствований из английского языка продолжается и в настоящее время. Это явление обусловлено рядом политических, экономических, культурно-социальных факторов, поэтому сам процесс рассматривается в совокупности всех этих факторов, в неразрывной связи с культурными и другими контактами между носителями языков как часть и как результат таких контактов.

Список литературы / References

- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитарн-т, 2001. [Belikov, Vladimir. Krysin, Leonid. 2001. *Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya vuzov*. (Sociolinguistics: Textbook for universities.) М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т.] (In Russ.)
- Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. М.: АО "Диалог-МГУ", 1997. [Breiter, Mikhail. 1997. *Anglitsizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy*. (Anglicisms in Russian: history and perspectives.) М.: АО "Dialog-MGU".] (In Russ.)
- Ваулина Е.Ю. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. М.: Филол. фак. СПбГУ, Академия, 2005. [Vaulina, Ekaterina. 2005. *Davaite govorit' pravil'no! Noveishie i naibolee rasprostranennye zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyke*. (Let's talk right! The latest and most common borrowings in modern Russian.) М.: Filol. fak. SPbGU, Akademiya.] (In Russ.)
- Волошинов В.Н. Новейшие течения лингвистической мысли на западе // *Литература и марксизм*. 1928. №5. С. 115–149. [Voloshinov, Valentin. 1928. *Noveishie techeniya lingvisticheskoi mysli na zapade*. (The latest trends in linguistic thought in the West.) *Literatura i marksizm*. N5. 115–149.] (In Russ.)
- Волошинов В.Н. Слово и его социальная функция // *Литературная учеба*. 1930. №5. С. 43–59. [Voloshinov, Valentin. 1930. *Slovo i ego sotsial'naya funktsiya*. (The word and its social function.) *Literaturnaya ucheba*. N5. 43–59.] (In Russ.)
- Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // *Вопросы философии*. 2000. №4. С. 10–12. [Fedotova, Valentina. 2000. *Tipologiya modernizatsii i*

- sposobov ikh izucheniya. (Typology of modernizations and ways to study them.) *Voprosy filosofii*. N4. 10–12.] (In Russ.)
- Калжанова Г.М. Модернизация системы образования в Казахстане // *Проблемы и перспективы развития образования*. 2016. №1. С. 52–55. [Kalzhanova, Gulsara. 2016. Modernizatsiya sistemy obrazovaniya v Kazakhstane. (Modernization of the education system in Kazakhstan.) *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya*. N1. 52–55.] (In Russ.)
- Косова М.В. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях // *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*. 2016. № 1. С. 7–17. [Kosova, Marina. 2016. Metod dokumentovedcheskogo analiza v lingvisticheskikh issledovaniyakh. (The Method of Documentary Analysis in Linguistic Research.) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie*. N1. 7–17.] (In Russ.)
- Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. [Krysin, Leonid. 1968. Inoyazychnye slova v sovremenном russkom yazyke. (Foreign words in modern Russian.) М.: Nauka.] (In Russ.)
- Москвичева С.А. Языковая политика. Языковое планирование. Языковая идеология. // Типология языковых ситуаций и языковая политика в России и мире. М.: РУДН, 2013. С. 82–116. [Moskvicheva, Svetlana. 2013. Yazykovaya politika. Yazykovoe planirovanie. Yazykovaya ideologiya. (Language policy. Language planning. language ideology.) *Tipologiya yazykovykh situatsii i yazykovaya politika v Rossii i mire*. М.: RUDN. 82–116.] (In Russ.)
- Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1987. [Shanskii, Nikolai. Ivanov, Vyacheslav. 1987. Sovremennyy russkii yazyk. (Modern Russian language.) М.: Prosveshchenie.] (In Russ.)
- Шуиншина Ш.М., Альпеисов Е.А., Ахметова Б.С., Туяков Е.А., Адамова М.Е. Некоторые вопросы модернизации системы образования Казахстана // *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 2. С. 34–37. [Shuinshina, Sholpan. Al'pei-sov, Esenbai. Akhmetova, Botagoz. Tuyakov, Esenkel'dy. Adamova, Manara. 2019. Nekotorye voprosy modernizatsii sistemy obrazovaniya Kazakhstana. (Some issues of modernization of the education system of Kazakhstan.) *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. N2. 34–37.] (In Russ.)
- Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. [Yakubinskii, Lev. 1986. Izbrannye raboty. Yazyk i ego funktsionirovanie. (Selected works. Language and its functioning.) М.: Nauka.] (In Russ.)
- Kloss, Heinz. 1966. Types of Multilingual Communities. *Sociological Inquiry*. N36. 135–145
- Moskvitcheva S. 2016. La problématique du social dans la linguistique soviétique des années 1920–1930: au sujet de la méthodologie « marxiste » et de l'« édification linguistique », in : Dennes M. et Martsinkovskaya T. (réds.) *Interdépendence et influence réciproque des sciences en Russie et en France dans la première moitié du XX siècle*. Pessac: Maison des sciences de l'Homme d'Aquitaine. 115–145. [Moskvitcheva S. 2016. The problematic of the social in the Soviet linguistics of the years 1920–1930: about "Marxist" methodology and "linguistic edification". In Dennes M. and Martsinkovskaya T. (ed.) *Interdependence and reciprocal influence of the sciences in*

Russia and France in the first half of the 20th century. Pessac: Maison des sciences de l'Homme d'Aquitaine. 115–145.] (In French)

История статьи /Article history:

Получена / Received: 12 января 2023 / 12 January 2022

Принята в печать / Accepted: 25 февраля 2023 / 25 February 2023

Сведения об авторах:

Ангелина Викторовна ПАК является выпускницей магистратуры филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы с присуждением двойного диплома филологического факультета РУДН и филологического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан). Сфера научных интересов: лингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, дискурсология, теория заимствований.

E-mail: Angelinapak98@mail.ru

Алена Сергеевна ДЕМЧЕНКО является PhD Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан), доцент кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан. Сфера научных интересов: литературоведение, анализ дискурса, лингвопрагматика.

E-mail: alenchika@mail.ru

Bionote:

Angelina Viktorovna PAK is Master student of the Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. Research field: Linguistics, sociolinguistics, cognitive linguistics, discourse studies, theory of borrowing.

E-mail: Angelinapak98@mail.ru

Alena Sergeevna DEMCHENKO is Doctor PhD of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. Research field: literary studies, discourse analysis, linguopragmatics.

E-mail: alenchika@mail.ru

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-118-137

EDN: SOWKNO

Научная статья

Некоторые лингвистические особенности английского языка аборигенов Австралии (микрокорпусное исследование)¹

Эвелина Олеговна ТИМОФЕЕВА

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Россия

✉ 113222047@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу английского языка, используемого аборигенами в Австралии, и его сравнению со стандартным австралийским вариантом английского языка. Новизна данной работы состоит в том, что автор анализировал более широкую с жанровой точки зрения выборку языковых материалов, чтобы доказать, что общие черты можно проследить во всех текстах, независимо от их жанровой принадлежности. Так, в качестве материала исследования были использованы такие различные тексты, как статьи с государственных сайтов, интервью с музыкантами, художниками, старейшинами, авторские песни, отрывки из повседневных разговоров. В результате работы был составлен собственный микрокорпус текстов на английском языке, используемом аборигенами Австралии, проанализированы и описаны нетривиальные лексические и грамматические черты этой разновидности английского в сопоставлении со стандартным австралийским английским. Также был составлен обзор морфологических и синтаксических черт, описана яркая прагматическая особенность — стремление говорящих выражать свои намерения косвенно, а не прямо, краткий словарь специфичной лексики, в том числе включающий фразовые глаголы, практически не освещенные в более ранних работах.

¹ Исследование было подготовлено и стало победителем Всероссийского конкурса исследовательских и проектных работ школьников «Высший пилотаж» по направлению «Лингвистика» в 2022, организованном Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики»

© Тимофеева Э.О., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: английский язык, стандартный австралийский вариант английского языка, диалектология, конверсационный анализ

Для цитирования:

Тимофеева Э. Некоторые лингвистические особенности английского языка аборигенов Австралии (микрокорпусное исследование) // *Macrosociolinguistics and Minority Languages*. 2023. Т. 1. № 1. С. 115–132. 10.22363/2949-5997-2023-1-1-118-137 EDN: SOWKNO

DOI: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-118-137

EDN: SOWKNO

Research article

Some Linguistic Features of Australian Aboriginal English (Microcorpus Study)

Evelina Olegovna TIMOFEEVA

RUDN University

Moscow, Russia

✉ 1132222047@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the English used by aborigines in Australia and its comparison with the standard Australian English. The novelty of this paper lies in the fact that the author analyzed a wider sample of linguistic materials from a genre point of view in order to prove that common features can be traced in all texts, regardless of their genre. Thus, such various texts as articles from state websites, interviews with musicians, artists, elders, author's songs, excerpts from everyday conversations were used as research material. As a result of the work, we compiled our own microcorpus of texts in English used by the natives of Australia, analyzed and described the non-trivial lexical and grammatical features of this variety of English in comparison with standard Australian English. A review of morphological and syntactic features was also compiled, a striking pragmatic feature was described - the desire of speakers to express their intentions indirectly, and not directly, a short dictionary of specific vocabulary, including phrasal verbs, which were practically not covered in earlier works.

Key words: English language, standard Australian Language, aborigines, dialectology, conversational analysis

For citation:

Timofeeva, Evelina. 2023. Some Linguistic Features of Australian Aboriginal English (Microrpus Study). *Macrosociolinguistics and Minority Languages* 1 (1). 118-137. (In Russian). doi: 10.22363/2949-5997-2023-1-1-118-137 EDN: SOWKNO

1. Введение

Прежде всего необходимо дать самые общие сведения о диалекте аборигенов Австралии. Несмотря на то, что в Австралии существует примерно 250 языков коренных народов, только 12% австралийских аборигенов говорят на них (Butcher, 2008). Однако большая часть владеет английским — государственным языком страны. Однако английский язык, используемый многими аборигенами в повседневной жизни, отличается от того, который используется австралийцами английского происхождения в печати, преподается в школе, изучается большинством иностранцев и считается стандартным. Английский язык аборигенов Австралии имеет разные вариации, которые формируют вертикальный языковой континуум, то есть некоторые из них ближе к английскому некоренных австралийцев — акролект, а некоторые менее похожи на него — такие разновидности могут быть классифицированы как базилекты. Наиболее самобытные и отличные от стандартного австралийского английского формы английского языка аборигенов были признаны самостоятельными идиомами в 1960-е годы, ранее они воспринимались как «неправильный» английский язык, использование которого могло считаться признаком недостаточной образованности. Например, многие школьные учителя не относились к такому английскому как иному варианту, не менее эффективному с коммуникационной точки зрения, чем стандартный австралийский английский (Butcher, 2008). Следует отметить, что этот стереотип проявляется и в настоящее время. Пример (1) является выдержкой из статьи о мерах безопасности для аборигенов во время пандемии на государственном сайте штата Квинсленд:

(1) *You can protect yourself and others by: staying 2 big steps away from other people.* [Текст 4]

Очевидно, что здесь идёт речь о социальной дистанции в 1,5 метра, однако автор/редактор посчитал, что читателю-аборигену будет понятна менее абстрактная, привязанная к жизненным реалиям формулировка.

2. Методология исследования

Мы считаем, что с лингвистической точки зрения идиом аборигенов представляет собой уникальную разновидность английского языка, нуждающуюся в исследовании и документации. Цель этой работы — описать некоторые лингвистические особенности английского языка аборигенов Австралии на основе подборки текстов, созданных разными авторами с разными целями, сравнив эту разновидность английского языка со стандартным австралийским английским. Для достижения цели мы сформулировали следующие задачи:

- Проанализировать коллекцию текстов на исследуемом диалекте;
- Выявить и описать уникальные грамматические, лексические и прагматические черты;
- Уточнить и дополнить уже имеющиеся описания на основе новых данных.

2.1. История вопроса

Во многих исследованиях, объектом которых являются различные варианты английского языка австралийских аборигенов, в центре проблематики была фонетика, грамматика, семантика и прагматика данного варианта английского языка. Обычно материалом исследования служили короткие повседневные диалоги. Наиболее часто встречающийся метод изучения английского языка аборигенов Австралии — это конверсационный анализ, то есть анализ непродолжительных по длине диалогов, записанных как аудио или видео. Так, в статье (Koch, 2014) часть материалов взята из аудиозаписей, где аборигены обсуждают особенности их родного языка кайтетье (*Kaytetye*) на английском языке, а также рассказывают легенды на том же английском. Кроме того, существуют исследования, которые основаны на коммуникативно-этнографическом подходе (Eades, 2013), который состоит в том, что исследователь наблюдает за повседневной жизнью носителей с целью изучить, кто, с кем и о чем может говорить. Однако далеко не все исследования базируются исключительно на повседневной разговорной речи. Так, например, во втором разделе статьи (Eades, 2013) речь идет об особенностях вариации английского языка, используемой аборигенами Австралии, в судебном контексте.

Новизна нашей работы состоит в том, что мы, в отличие от предшественников, анализировали более широкую с жанровой точки зрения выборку языковых материалов, чтобы доказать, что общие черты можно проследить во всех текстах, независимо от их жанровой принадлежности.

2.2 Материалы и методы исследования

В ходе этой работы нами были проанализированы лингвистические особенности текстов различной природы на английском языке, используемом аборигенами Австралии. Все тексты находятся в открытом доступе в сети Интернет.

Как уже упоминалось, мы учитывали то, что все они были созданы с разными целями в разной обстановке: это статьи с государственных сайтов, ориентированные на читателей-аборигенов; интервью (изначально существовали в устной форме) с музыкантами, художниками, старейшинами; отрывки из записанных повседневных разговоров и даже авторские песни. Мы специально взяли тексты разных жанров, предполагая, что в них обнаружатся общие черты. Большая часть авторов происходит из Северной Территории², в том числе из достаточно отдаленных от городов местностей, при этом для многих из них английский язык не является родным. Хотя для анализа были взяты тексты, созданные представителями разных языковых/этнических групп, три из них — *Anindilyakwa*, *Tiwi*, *Yolngu* — территориально близки. Важно отметить, что автор статьи «*Strong Spirit, Safe Mob*» (Текст 10) нам неизвестен, следовательно, нельзя утверждать, что статья написана носителем английского языка аборигенов Австралии, однако он размещен на сайте правительства в разделе «*First Nations people — coronavirus (COVID-19)*», ориентированном на читателей-аборигенов.

3. Морфологические особенности

Прежде всего мы обратимся к анализу морфологических особенностей текстов на английском языке, созданных аборигенами и/или для аборигенов Австралии. В силу ограниченности объема статьи мы рассмотрим особенности употребления служебных частей речи и видовременных форм глагола.

² Северная Территория — одна из административно-территориальных единиц Австралии, занимающая северные и центральные регионы континента

3.1. Служебные части речи

В варианте английского языка, используемой аборигенами Австралии, часто встречается пропуск некоторых семантически несамостоятельных слов. Могут опускаться притяжательные местоимения, но только в тех случаях, когда слушающий способен предположить, какое именно местоимение пропущено. Так, в (2) подразумевается, что к обладателю *dreaming* отсылает *us*, следовательно, пропущено местоимение *our*:

(2) *Each of us has own dreaming...* [Текст 2]

Притяжательные местоимения часто пропускаются там, где их присутствия требует грамматика стандартного австралийского английского. Например, в (3) отсутствует *your* перед *family* и *country*.

(3) *This could be connecting through art or having family send you something from country if you can't be there.* [Текст 10]

Однако такой пропуск встречается не во всех контекстах, его может и не быть.

(4) *Here I have more control over my own life.* [Текст 8]

При этом если при опущении становится неочевидно, какое местоимение пропущено, то опущения не произойдет. В предложении (5) в отсутствие *my* трудно понять, что речь идет именно о детях говорящего, а не о детях вообще.

(5) *It is a place where my children can grow up healthily.* [Текст 8]

Кроме того, встречается опущение артикля, в частности, определенного артикля *the*. Здесь снова возможно как опущение, так и наличие артикля в разных предложениях одного и того же текста:

(6) *For Yolŋu, home is both ∅ land and ∅ sea.* [Текст 8]

(7) *It is a place where my children can grow up healthily. Eating the good food from the land and the sea ...* [Текст 8]

(8) *We're going to find a place for a church.* [Текст 7]

(9) *If I throw that stone, if we see that stone where it's gonna landed, that's where the church, we're gonna build ∅ church.* [Текст 7]

Ни в одном из найденных примеров неопределенный артикль *a* опущен не был. Примечательно, что слово *town* в подавляющем большинстве

случаев стоит без артикля. Возможно, здесь слово *town* имеет более абстрактное значение, говорящий имеет в виду не конкретный город, а городскую среду вообще (ср. *countryside* — сельская местность, а не одна определенная деревня).

(10) *When I am in Ø town it is like I have a heavy weight on my shoulders.* [Текст 8]

(11) *But I could see that things were not going well in Ø town.* [Текст 8]

(12) *When that old man got sick and had to go into Ø town for medical treatment, the whole family moved in with him.* [Текст 8]

(13) *Ay ya you mob, big fire was in Ø town t'day...* [Текст 13]

3.2. Видо-временные формы глаголов

В варианте английского языка, используемом аборигенами Австралии, некоторые формы глаголов образуются не так, как в стандартном австралийском английском языке³. Особое внимание стоит уделить глагольным временам. Рассмотрим пример (14).

(14) *And the old fella, he said, 'well I've got a stone here. If I throw that stone, if we see that stone where it's gonna landed, that's where the church, we're gonna build church.'* [Текст 7]

Конструкцию *gonna landed* можно понимать несколькими способами. Это может быть попытка образовать форму будущего в прошедшем: в момент времени, когда старик (*old fella*) собирается кидать камень, этот камень еще не приземлился, но история имела место в прошлом, что, видимо, и пытается подчеркнуть говорящий. При этом он не обращает внимания на то, что глагол *landed* — часть прямой речи, поэтому не применяет правило согласования времен. Но конструкция *gonna landed* могла возникнуть и в результате контаминации форм *gonna land* и *has landed*, обе из которых были бы уместны в этом предложении.

В этом же примере (14) обнаруживаем, что *that's where the church, we're gonna build church* можно понимать как неудачную попытку образовать пассив. Говорящий хотел сказать *that's where the church is going to be built*, но, не построив пассивную форму, перешел к активной. Также возможно, что здесь просто опущен вспомогательный глагол *will be*.

³ Здесь и далее эталоном сравнения будет считаться грамматика (Willoughby, Manns 2019)

В примере (15) тоже наблюдается неправильный выбор временной формы:

(15) *We've just started 2 weeks ago working with the primary school here teaching about the land of their fathers.* [Текст 3]

Здесь присутствует наречие *just*, которое указывает на форму *Present Perfect* и употребляется с глаголами, обозначающими недавно произошедшее действие в неопределенный момент времени. Но у глагола *started* есть и зависимая конструкция *2 weeks ago*, то есть речь идет о конкретном времени в прошлом, а в таком случае грамматика литературного языка требует формы *Past Simple*. Говорящий употребляет два обстоятельства времени, которые вряд ли могут присутствовать в одном и том же контексте, но при этом отдает предпочтение форме *Present Perfect*, которая сочетается с первым из этих обстоятельств.

Теперь рассмотрим пример (16), где присутствует неожиданная замена формы *Past Simple* на *Present Simple*:

(16) *We set up an old lounge, had a bonfire, and were under the stars. ... Even the cops come out and sit down and have a listen. They check us out and ask, 'Are you drinking?'* [Текст 5]

Возможно, это настоящее историческое (*Historical Present*), присущее не только английскому языку аборигенов Австралии, но и устной разговорной английской речи в целом. Однако в статье А. Бутчера упоминается, что прошедшее время в английском языке аборигенов может вообще не обозначаться у правильных глаголов, а у неправильных может использоваться форма причастия прошедшего времени (*Past Participle*) без вспомогательного глагола: «*The past tense may not be marked at all on regular verbs, whereas with irregular verbs the past participle form may be used (without an auxiliary) – another feature shared with other non-standard varieties of English*» (Butcher, 2008). Хотя в примере (16) не прослеживается подобная закономерность с правильными и неправильными глаголами (используются формы *sit* и *have*, а не причастия прошедшего времени *sat* и *had*), здесь можно говорить о том, что значение прошедшего времени вообще не выражается.

4. Синтаксические особенности

4.1. Союзные слова в сложноподчинённых предложениях

В двух независимых текстах — 8 и 9 — ни разу не встретилось союзное слово *which*, присоединяющее придаточное определительное, вместо него использовалось *that*. При этом нигде не нарушаются грамматические нормы, то есть *that* не используется в нерестриктивных придаточных, то есть в тех придаточных, которые можно опустить без изменения смысла предложения (Elbaum, 2015). Однако в целом, судя по нашей выборке, *that* встречается чаще, чем *which*, но это положение требует более глубокого статистического анализа и более сбалансированной выборки.

Примечательно, что в примере (17) *that* используется там, где, согласно традиционной грамматике, должно стоять *who*:

(17) *There are salt water people, billabong people, plain country people that all belong to a certain type of land.* [Текст 9]

4.2. Двойное отрицание

Двойное отрицание отмечено как характерная особенность английского языка аборигенов Австралии. А. Бутчер пишет: «*A feature retained by AAE and other non-standard varieties (but no longer by standard English) is the use of double negatives*» (Butcher, 2008). В статье приводится такой пример:

(18) *They not give us nothing* (Там же).

Однако в примере (19) отрицательное местоимение *nothing* замещает грамматичное *anything* в ином контексте:

(19) *We don't have shade or nothing, we just play under the sun.* [Текст 5]

Разговорное сочетание *X or anything* в стандартном английском можно расценить как конструкцию со значением 'X и нечто, похоже на X'. В (19) *anything* превращается в *nothing* под влиянием *don't*, нарушая «застывшую» форму этой конструкции. Тот факт, что отрицание взаимодействует даже с в некоторой степени фразеологизованной единицей, может свидетельствовать о том, что двойное отрицание в английском аборигенов Австралии является устоявшимся явлением.

4.3. Нетипичный порядок слов

Типичный для стандартного австралийского английского языка порядок слов может нарушаться в описываемом варианте английского языка.

Порядок зависимых членов в предложении (20) отличается от стандартного.

(20) *I want to provide work for my family and good food.* [Текст 8]

Provide — переходный глагол, сразу после которого обычно следует прямое дополнение, если прямые дополнения соединены сочинительным союзом, то сочиненные именные группы стоят рядом. Здесь же одно из прямых дополнений оторвано от глагола и отнесено в конец предложения. Можно предположить, что в этом примере наблюдается приращение (термин взят из (Кибрик, Подлесская, 2009)), то есть говорящий создал законченное предложение с одним прямым дополнением *I want to provide work for my family*, а затем, сформулировав его, распространил, добавив еще одно прямое дополнение. Такое явление встречается не только в английском языке аборигенов Австралии, но и просто в устной речи, когда говорящий формирует предложения «на ходу». Но в случае с английским языком, где синтаксическая роль слова преимущественно определяется его местом в предложении (а не, например, падежами, как в русском), говорящий, скорее, добавит частицу *too* (*I want to provide work for my family and good food, too*), чтобы уточнить, что он именно вставляет дополнение, помещая этот член предложения на несвойственное ему место. Здесь же такого не происходит, из-за чего предложение звучит необычно.

Нарушение привычного порядка слов встречается и в примере (21):

(21) *We have special funding through the Tiwi Land Council and we've just started 2 weeks ago working with the primary school...* [Текст 3]

Здесь обстоятельство времени *2 weeks ago* разрывает предикативную основу предложения, вставая в середину сказуемого *have started working*, хотя для обстоятельств с *ago* более характерна позиция в самом конце предложения. Таким образом, в (21) происходит не метатаза членов предложения, а «вставка» одного из них внутрь другого.

4.4. Эрративное употребление союза

Посмотрим на пример (22):

(22) *Tiwi art is very important that we share it...* [Текст 3]

(22) иллюстрирует ошибочное построение конструкции *so X that Y*, где *X* — некоторый признак, который выражен у описываемого объекта так сильно, что происходит *Y*. Здесь присутствует контаминация с другой стратегией передачи значительной степени выраженности признака — употреблением наречия меры и степени *very*. Непонятно, насколько подобное отклонение относительно стандартного австралийского английского частотно, вероятно, носителям-аборигенам кажется сложной эмфатическая конструкция с *so...that*, поэтому они стремятся выразить то же значение более простыми средствами.

5. Прагматические особенности

Рассмотрим пример (23):

(23) *Kylie: 'I'm going to lunch now.'*

Michelle: 'OK.'

Kylie: 'OK, bye.'

(In the cafe)

Michelle: 'Hi Kylie.'

Kylie: 'Mmm.'

Michelle: 'I didn't know you came here to this cafe.'

Kylie: 'Mmm.'

Michelle: 'Do you mind if I join you?'

Kylie: 'No, that's OK.'

Michelle: 'Oh cool. I didn't know that you came here for lunch.'

Kylie: 'Yeah, yeah. I normally come in here for lunch. I keep asking you to come with me but ...'

Michelle: 'When did you ask me?'

Kylie: 'All the time. I say I'm going for lunch now.'

Michelle: 'I never realised you were asking me. I just thought you were just telling me that you were going.'

Kylie: 'No ... yeah ... ah, doesn't matter.' [Текст 12]

Здесь наблюдается непонимание между говорящим на варианте английского языка, используемой аборигенами Австралии (Кайли), и говорящим на стандартном австралийском английском языке (Мишель). Мишель воспринимает предложение *I'm going to lunch now* как простое утверждение о реальном ходе событий, иными словами, понимает его буквально. Однако Кайли вкладывает в предложение другой смысл, не вытекающий из

значений слов этого предложения: она приглашает второго собеседника на обед. Кайли могла бы сказать *I'm going to lunch now. Would you like to come with me?*, но опустила вопросительное предложение, выразив свое намерение косвенно.

Склонность к «непрямолинейности» в английской речи аборигенов Австралии отмечена в нескольких работах. Например, в статье (Eades, 2013) упоминается, что в традиционном обществе аборигенов принято избегать излишней прямолинейности в речи, что часто связано с уважением личных границ собеседника. Кроме того, в статье есть отсылки аналогичным выводам в других исследованиях: (Von Sturmer, 1985).

Подобная «непрямолинейность» может проявляться не только так, как в примере (23). В статье (Eades, 2013) (здесь исследуется английский язык аборигенов юго-восточного Квинсленда) отмечено, что косвенность в изложении мыслей характерна для поиска и предоставления информации, для формулировки и отклонения просьб и для нахождения и объяснения причин чего-либо: *«The importance of indirectness in much daily conversational interaction is shown by examining the way Aboriginal people in Southeast Queensland use English for the following communicative functions: to seek and give information, to make and refuse requests, and to seek and give reasons»*. (Eades, 2013)

6. Лексические особенности

Перейдем к рассмотрению некоторых лексических особенностей варианта английского языка аборигенов Австралии.

6.1. Особые лексемы

Далее приведён список слов, значение и употребление которых отличается от данных в словарях Cambridge English Dictionary (Cambridge Dictionary) и Longman Dictionary of Contemporary English (LDOCE) и известных большинству носителей стандартного австралийского английского языка. Здесь же описывается значение этих слов в английском языке, используемом аборигенами Австралии, и приведены некоторые лексико-семантические (например, конкретность/абстрактность, позитивная/негативная окраска) и грамматические (например, частеречная принадлежность) особенности этих слов.

Country — земля, обычно область проживания какого-либо племени, этнической группы аборигенов, в физическом — конкретная территория, местность, в духовном понимании — дом, родина, земля предков, имеющая отношение к мифологии. Она не имеет четких границ. Слово *country* почти никогда не употребляется применительно ко всей Австралии⁴.

(24) This could be connecting through art or having family send you something from country if you can't be there. [Текст 10]

(25) There are saltwater people, billabong people, plain country people that all belong to a certain type of land. [Текст 9]

Deadly — отличный, превосходный. То же самое, что классный в разговорном русском языке или *wicked* и *rad* в разговорном австралийском английском. Сейчас одно из самых известных слов из английского языка, используемого аборигенами Австралии. Например, ежегодное национальное празднование достижений аборигенов Австралии в области музыки, спорта и искусства именуется *Deadly Awards*.

(26) Check out this collection of deadly activities and resources to keep you and your mob busy wherever you may be isolating. [Текст 10]

Dreaming — мифология, система верований аборигенов Австралии. Иногда этим же словом последователи традиционных верований называют параллельный мир, где обитают духи или духовную связь человека с тем миром.

(27) Each of us has own dreaming. [Текст 2]

Fella (fulla) — человек, то же, что *guy*. В отличие от более распространенного в других вариациях английского языка слова *fellow*, не бывает прилагательным. Не эквивалентно существительному *fellow*, которое в словарях (Cambridge Dictionary, LDOCE) помечено как архаичное, а в Cambridge Dictionary определено как 'a man, used especially in the past by people in a higher social class' (Cambridge Dictionary), так как в английском аборигенов не имеет пренебрежительной окраски. Интересно, что носители варианта английского языка, используемой аборигенами Австралии, почти никогда не употребляют *guy* и *fellow*.

⁴ В словаре, кроме толкований, мы приводим некоторые дополнительные факты о жизни аборигенов, чтобы четче очертить социокультурный контекст употребления той или иной лексемы.

(28) *We split up, and then these young fellas came and asked me, 'Can we start a band with ya?'* [Текст 5]

(29) *You fellas bedder move out or ya get blown away!!!* [Текст 13]

Homeland(s) — одно из поселений, создаваемых аборигенами, желающими уйти из больших общин, которые управляются миссионерами, и вернуться в более отдаленные от городов регионы, откуда изначально происходит их этническая группа. Депутат Аллан Бланчард, автор доклада «Возвращение на родную землю: движение аборигенов в Австралии», определил это слово как «небольшие децентрализованные общины близких родственников, созданные в результате перемещения аборигенов на земли, имеющие для них социальное, культурное и экономическое значение» (Blanchard, 1987). *Homeland* в этом контексте — вещественное, а не отвлеченное существительное.

(30) *Come and live on the homelands and be your own person.* [Текст 8]

Mob — любая социальная группа, к которой причисляет себя говорящий. Нет множественного числа, почти никогда не употребляется с артиклем.

(31) *The new generation, us mob, have been born and growing up in a different country.* [Текст 9]

(32) *'Ay ya you mob, big fire was in town t'day.* [Текст 13]

Примечательно, что в Cambridge Dictionary и LDOCE основное значение слова *mob* описано как 'a large, angry crowd, especially one that could easily become violent' (Cambridge Dictionary), однако в вариации английского языка, используемой аборигенами Австралии, слово *mob* в большинстве случаев имеет нейтральную окраску.

Saltwater/billabong/plain country person — человек, происходящий из какой-либо местности с определенными географическими особенностями (с побережья, из болотистой области, с равнин и т.д.). Часто используется вместо названия этнической/языковой группы.

(33) *There are salt water people, billabong people, plain country people that all belong to a certain type of land.* [Текст 9]

Skin, skin group — более мелкие группы (их обычно 4–8) внутри этнической/языковой группы аборигенов. Члены такой группы в большинстве случаев родственники.

(34) *We have special funding through the Tiwi Land Council and we've just started 2 weeks ago working with the primary school here teaching about the land of their fathers, the dance and the songs, all links about Tiwi culture; the songs to go with the dance of your fathers, the skin group of your mothers, the land of your grandfathers.* [Текст 3]

Spirit — эмоциональное и духовное состояние человека. Отличием от стандартных его употреблений является то, что говорящие на варианте английского языка, используемой аборигенами Австралии, затрагивая тему самочувствия человека, особенно его эмоций и здоровья, скорее будут говорить не о самом человеке, а о его «духе».

(35) *It is more important than ever to focus on what keeps your spirit strong.* [Текст 10]

Have you been feeling that your spirit was sad? [Текст 5]

Yarn — долгий разговор, когда кто-либо делится историями, основанными на событиях действительности, передача знаний в устной форме. Может быть глаголом в английском языке аборигенов (встречаются формы *yarning, yarned*), в отличие от стандартного австралийского (как и британского) английского, где это только существительное со значением 'пряжа' или 'длинная интересная история о приключениях и путешествиях с небольшим количеством вымысла' (LDOCE).

(36) *Reach out to Elders, family and mates for a yarn via phone, email or social media.* [Текст 10] (здесь *yarn*, скорее всего, субстантивировалось, снова став существительным (Ср.: "...for a talk via phone..."))

Youse — то же, что *you*, но при этом используется только говорящими на английском языке аборигенов Австралии.

(37) *Are youse drinking?* [Текст 5]

(38) *Where youse headin? Down to the creek?* [Текст 1]

6.2. Особые фразовые глаголы

Come out to sb/to a place — то же, что *come. Out*, по данным нашего микрокорпуса, не добавляет дополнительного значения лексическому глаголу.

(39) *We set up an old lounge, had a bonfire, and were under the stars. ... Even the cops come out and sit down and have a listen. They check us out and ask, 'Are you drinking?'* [Текст 5]

(40) *We are always telling our family, come out to Ban'thala.* [Текст 8]

Express sth out — то же, что *express*. *Out* либо усиливает семантический компонент 'наружу', уже содержащийся в значении глагола *express*, либо вовсе не несет смысловой нагрузки.

(41) *Hopefully the next generation of families will come and work here at the arts centre and carry on the knowledge of Tiwi, not just painting, carving, but also talking, expressing it out, sharing it out to Australians...* [Текст 3]

Learn off sb — учиться у кого-либо. То же, что *learn from sb*, но не является частью стандартного австралийского английского языка, не присутствует в словарях.

(42) *I learnt off my father and other Tiwi mob.* [Текст 11]

Share sth out to sb — в предложении, приведенном в качестве примера, конструкцию *sharing it out* можно было бы заменить на *sharing it*, но, возможно, автор пытался подчеркнуть, что хочет поделиться с многими людьми, то есть мы вновь встречаемся с тем, что *out* усиливает семантический компонент 'наружу' (ср. *express out*)

(43) *Hopefully the next generation of families will come and work here at the arts centre and carry on the knowledge of Tiwi, not just painting, carving, but also talking, expressing it out, sharing it out to Australians.* [Текст 3]

6.2.1. Закономерность в образовании фразовых глаголов

Можно заметить, что *out* часто образует фразовый глагол, соединяясь с лексическим, но получившийся глагол не отличается значением от последнего. В результате мы видим фразовые глаголы, означающие почти то же самое, что и соответствующие нефразовые (*come out* эквивалентно *come*, *express out* эквивалентно *express*). Похожее наблюдается в случае с глаголом *pass down* в примере (44) (стоит учесть, что это отрывок из авторской песни):

(44) *Run run down the way that we go
Pulling up picking up the sand in our toes
Pass down the whistling trees
Lady blue she is calling me* [Текст 6]

Здесь *pass down* синонимичен *pass*. Согласно кембриджскому словарю, у *pass down* нет такого значения, этот глагол может только означать 'передать что-то человеку меньшего возраста или низшего социального статуса'. Возможно, *down* было добавлено для сохранения ритма, так как это стихотворный текст. Но ведь в таком случае автор мог использовать другое двусложное слово или конструкцию, например, *run past the whistling trees*. Судя по всему, в описываемой вариации английского языка предлоги, входящие в состав фразовых глаголов, не обязательно должны нести смысловую нагрузку.

6.3. Особые конструкции

Keep healthy — оставаться здоровым, то же, что *stay healthy*. Допустимая конструкция, Cambridge Dictionary отмечает такое значение *keep*: 'to (cause to) stay in a particular place or condition' (Cambridge Dictionary). Однако конструкция *stay healthy* встречается почти в два раза чаще: согласно данным Британского Национального корпуса, *ipm* (отношение количества вхождений всех форм слова, поделенное на объем корпуса и умноженное на миллион) коллокации *stay healthy* составляет 0,33, а для *keep healthy* *ipm* равен 0.15.

(45) *Keep healthy: Stable routines, making sure that we get enough sleep, eat healthy foods, and moving our body regularly can help us to keep our spirit and body strong.* [Текст 10]

Have a listen — послушать, то же, что *listen*, скорее всего, образовано по аналогии с *have a go*, *have a wash*. Добавление глагола *have* аналогично добавлению приставки *по-* в русском языке, позволяет создать значение однократного непродолжительного действия.

(46) *Even the cops come out and sit down and have a listen.* [Текст 5]

Feel strong of who one is — чувствовать себя сильным. В предложении, приведенном в качестве примера, говорящий, судя по всему, решил, что в конструкции *feel proud of sth* можно заменить *proud* на контекстуальный синоним, не обратив внимания на идиоматичность конструкции.

(47) *It makes me feel very proud, very strong of who I am as a senior man.* [Текст 3]

Links about sth — связи с чем-либо. То же самое, что *links to sth*.

(48) *We have special funding through the Tiwi Land Council and we've just started 2 weeks ago working with the primary school here teaching about the land of their fathers, the dance and the songs, all links about Tiwi culture...* [Текст 3]

Play festivals — выступать на фестивалях. Стоит обратить внимание на то, говорящий меняет модель управления глагола *play*, позволяя ему присоединять в качестве прямого дополнения участника со значением места.

(49) *We've played small festivals and bush bashes here with Indigenous bands from all over come and play.* [Текст 5]

В примере (49) аналогичную модель управления иллюстрирует и сочетание *play bush bashes*. В австралийском английском языке (не только у аборигенов) коллокация *bush bash* означает 'катание по бушу⁵ на внедорожнике'.

Take sb out bush — взять кого-то в буш, отвезти за город. Можно предположить, что здесь вновь пропущен артикль *the* и опущен предлог *to*.

(50) *I do teach children, kids. I take them out bush sometimes, teach them art and cultural things...* [Текст 2]

7. Заключение

В рамках работы мы составили собственный микрокорпус текстов на английском языке, используемом аборигенами Австралии, проанализировали и описали нетривиальные лексические и грамматические черты этой разновидности английского в сопоставлении со стандартным австралийским английским. В результате работы был составлен обзор морфологических (Часть 3) и синтаксических (Часть 4) черт, описана яркая прагматическая особенность — стремление говорящих выражать свои намерения косвенно, а не прямо (Часть 5), краткий словарь специфичной лексики (Часть 6), в том числе включающий фразовые глаголы, практически не освещенные в ранних работах. Несмотря на то, что большая часть отмеченных нами грамматических черт уже в том или ином виде упоминалась в более ранних исследованиях этой разновидности английского, мы проиллюстрировали их дополнительными примерами, в том числе уточнив некоторые положения. Например, ранее не было упомянуто, что обстоятельства времени с *ago* могут занимать

⁵ Буш — некультуренные земли, покрытые зарослями. (Писковец, 2016)

не последнее место в предложении — см. пример (21). Более того, мы обнаружили уникальный пример контаминации конструкций со значением большой степени выражения признака *so X that Y* и *very X*.

Эта работа может представлять интерес для желающих изучать разнообразие вариантов английского языка и сравнить их между собой, а также для социолингвистов, сосредоточенных на изучении взаимодействия доминантного и миноритарного идиомов в сообществах коренных народов. Работа может быть интересна преподавателям английского языка и лингвистики, которые находятся в поиске ярких примеров межвариантного варьирования.

Мы убедились, что общие языковые черты присутствуют в текстах разных жанров, созданных разными носителями. В дальнейшем нам кажется интересным проверить и уточнить наше описание на более широкой выборке текстов, возможно, настолько широкой, что ее можно будет сбалансировать и посмотреть, какие грамматические черты уникальны, например, для жанра авторской поэзии. Кроме того, некоторые положения этой работы нуждаются в статистическом подтверждении (скажем, утверждение о том, что в относительных придаточных *that* употребляется чаще, чем *which*).

Список литературы / References

- Кибрик А., Подлесская В. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование русского устного дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2009. [Kibrik, Andrei, Podlesskaya, Vera. 2009. *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie russkogo ustnogo diskursa* (Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse). Moscow: Languages of Slavonic Culture. (In Russ.)]
- Писковец Т. Национально-культурная специфика австралийских художественных текстов и ее межъязыковая передача: дис. канд. филол. наук. М.: 2016. [Piskovets, Tat'yana. 2016. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika avstraliiskikh khudozhestvennykh tekstov i ee mezh'yazykovaya peredacha*: dis. kand. filol. nauk. (National and cultural specificity of Australian literary texts and its interlingual transmission). Moscow. (In Russ.)]
- Butcher, Andrew. 2008. Linguistic Aspects of Australian Aboriginal English. *Clinical Linguistics & Phonetics* 22, 8. 625–642.
- Blanchard, Cecil Allen. 1987. Return to country: the aboriginal homelands movement in Australia. Canberra: Australian Government Publishing Service.
- BNC (British National Corpus). [<https://www.english-corpora.org/bnc/>]. Дата обращения: 28.01.2020
- Cambridge Dictionary (Cambridge English Dictionary). [<https://dictionary.cambridge.org/>] Дата обращения: 27.01.2020
- Eades, Diana. 2013. *Aboriginal Ways of Using English*. Canberra: Aboriginal Studies Press.
- Elbaum, Sandra. 2015. *Grammar in Context 3: Split Edition A*. 6th Edition. Heinle ELT,.

- Koch, 2014 — H. Koch. Central Australian Aboriginal English: In Comparison with the Morphosyntactic Categories of Kaytetye. *Asian Englishes* 3, 2. 32–58.
- LDOCE (Longman Dictionary of Contemporary English). [<https://www.ldoceonline.com/>]
Дата обращения: 27.01.2020
- Von Sturmer, John. 1985. Talking with Aborigines. Casuarina, N.T.: Nungalinga College.
- Willoughby, Louisa, Manns, Howard. 2019. Australian English Reimagined. London, Routledge.

История статьи / Article history:

Получена / Received: 1 декабря 2022 / 1 December 2022

Принята в печать / Accepted: 18 февраля 2023 / 18 February 2023

Сведения об авторе:

Эвелина Олеговна ТИМОФЕЕВА является студентом филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Сфера научных интересов: социолингвистика, региональные варианты, диалектология, миноритарные языки, сравнительно-сопоставительное языкознание.

e-mail: 1132222047@rudn.ru

Bionote:

Evelina O. TIMOFEEVA is a student at Faculty of Philology, RUDN University. Research field: Sociolinguistics, regional variants, dialectology, minority languages, comparative linguistics.

e-mail: 1132222047@rudn.ru

